

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОГО ЕВРЕЙСКОГО КОНГРЕССА

Лев Безыменский

БУДАПЕШТСКИЯ
МЕССИЯ

Рауль Валленберг

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Profit Book

LITRU.RU

Безыменский Лев

Александрович

Будапештская

МИССИЯ

Вместо введения

Казалось, слово «реабилитация» потеряло свою актуальность в российском политическом обиходе. Реабилитация — сразу на ум приходит 37-й год, показательные процессы над врагами народа и последовавшие через годы юридические акты, закрывшие эту печальную страницу в истории нашей страны. Или реабилитация «врачей-убийц», которая пришлась на 50-е годы. Или, наконец, реабилитация тех мучеников-красноармейцев, которые после немецкого плена попали в руки Смерша и отправились в сибирские лагеря? Но чего не бывает: на самом пороге XXI века, в январе 2001 года на страницах российской, а затем мировой прессы появилось ещё одно решение Генеральной прокуратуры Российской Федерации о реабилитации. Кого?

29 декабря 2000 года было опубликовано такое сообщение:

"Генеральная прокуратура России приняла решение о реабилитации шведского дипломата Рауля Валленберга и его водителя Вильмоша Лангфельдера. Соответствующее заключение Главной военной прокуратуры утвердил генеральный прокурор РФ Владимир Устинов.

Генпрокуратура по результатам проверки пришла к выводу, что оба сотрудника шведской дипломатической миссии в Будапеште были репрессированы советскими властями по политическим мотивам и на них распространяется закон РФ "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 года.

Органы прокуратуры установили, что Валленберг и Лангфельдер "по решению советских внесудебных орга-

нов были необоснованно арестованы и лишены свободы по политическим мотивам как социально опасные лица без предъявления обвинения в совершении конкретного преступления".

По поручению главного военного прокурора следственное управление ФСБ России провело тщательную проверку всех имеющихся архивных фондов и обстоятельств ареста и содержания под стражей Валленберга и Лангфельдера. Однако, как отмечается в заключении Генпрокуратуры, "в ходе проверки установить подлинные причины ареста и содержания в тюрьмах Валленберга и Лангфельдера, фактические обстоятельства их смерти, наличие материалов уголовного дела, личных дел арестованных или дел военнопленных не удалось".

Ранее за реабилитацию Валленберга высказалась Комиссия при президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, которую возглавляет академик Александр Яковлев. Чтобы напомнить, что такое "дело Валленберга", комиссия А. Н. Яковлева в специальном заявлении проследила основную цепь событий в судьбе Валленберга с июля 1944 года, когда он прибыл в оккупированную гитлеровцами столицу Венгрии в должности секретаря и начальника гуманитарного отдела шведской миссии. Главной задачей дипломата было оказание помощи лицам еврейской национальности, чтобы они могли избежать депортации из Венгрии и уничтожения в фашистских лагерях смерти.

Первая встреча Валленберга с советскими военными произошла в январе 1945 года, после того как в первых числах этого месяца Советская армия заняла почти всю восточную часть Будапешта. 14 января 1945 года начальник политотдела 151-й стрелковой дивизии доложил на-

чальнику политотдела 7-й гвардейской армии о том, что в доме № 16 на занятой солдатами этой дивизии улице Бенцур находится прибывший 13 января в распоряжение дивизии секретарь шведского посольства в Будапеште Рауль Валленберг и шофер его автомашины.

17 января 1945 года заместитель народного комиссара обороны генерал армии Николай Булганин отдал шифровкой следующее распоряжение командующему Вторым Украинским фронтом: "Обнаруженного в восточной части Будапешта по улице Бенцур Валленберга арестовать и доставить в Москву. Соответствующие указания контрразведке Смерш даны". А 25 января Булганину было доложено: "Арестованный Валленберг отправлен 25.01.45 года. Старший конвоя капитан Зинков М. Н."

6 февраля 1945 года Р. Валленберг и его водитель были помещены во внутреннюю тюрьму НКГБ СССР в Москве в качестве военнопленных. В ответ на запросы шведской стороны с момента задержания дипломата и его водителя по 1957 год советское правительство давало в своих документах по поводу его судьбы противоречивые ответы. Лишь в 1957 году советское правительство официально признало факт ареста и нахождения Р. Валленберга по окончании войны в СССР. Это было высказано в так называемом "меморандуме Громыко", в котором также сообщалось, что Р. Валленберг скончался в Лубянской тюрьме 17 июля 1947 года.

Так вкратце обстояло дело, которое долгие годы отягощало не только советско-шведские отношения, но накладывало на них тяжелый груз совершенных руководством СССР нарушений международных норм сотрудничества. Просто перечисление основных вех этой истории

заслуживало того, чтобы разобраться во всем по существу.

Должен признаться: это оказалась непростая задача. Тема Валленберга была в советские времена запретной. Но и в постсоветские времена архивы остались закрытыми. Точнее, говорили, что документов просто нет. Нет следственного дела, нет протоколов допросов. Эта официальная позиция КГБ, а потом ФСК — ФСБ сохранилась и тогда, когда была создана российско-шведская совместная комиссия, просуществовавшая с 1991 по 2001 год (ее заключительные документы я использовал в книге). Но не только это: почти все ветераны спецслужб хранили удивительное молчание. Никто ничего не знал, или забыл, или не хотел вспоминать. В трудных обстоятельствах бесед с ними мне оказал неоценимую помощь молодой российский издатель Лев Елин, работавший вместе со мной в 90-е годы в журнале "Новое время". Помощь в изучении англо-американской документации получил я от моего немецкого коллеги Ульриха Фёльклейна, а также историков, дипломатов и журналистов в Будапеште, Иерусалиме, Тель-Авиве, Хельсинки, Стокгольме, Москве.

Не уверен, что мне удалось сказать "последнее слово" в истории Рауля Валленберга. Приближение к правде — такова была моя цель.

Глава 1 БЕЗ РАУЛЯ ВАЛЛЕНБЕРГА

Как рождаются легенды

У разных легенд разное происхождение, а корень у большинства одинаков — отсутствие достаточных сведений о человеке, судьба которому предназначала стать легендой. Если речь идет о седой древности, то такое отсутствие вполне понятно. Ну а ежели заранее известно, что мы говорим не о реальном человеке, а о герое песнопений и сказаний, мы вообще охотно миримся с туманностью легенды и неопределенностью биографии героя. Даже довольны возможностью «довообразить» подвиги Геракла или Антея.

Но как быть, если легенда рождается у нашего поколения на глазах? Век статистики и стенографии, эпоха компьютеров и телевидения, анкет и справочников — какое место оставлено для «легендообразования»? А легенды оказываются сильнее ЭВМ. Сколько их родилось в конце бурного XX века, в круговороте войн и революций!

О Рауле Валленберге — этом человеке-легенде — написаны десятки книг, сотни (если не тысячи) газетных и журнальных статей. Его именем названы улицы и площади, благотворительные фонды и научные учреждения. Исследования, посвященные его загадочной судьбе, опубликованы на всех языках. Исключение составляет лишь русский. Долгое время на упоминание имени шведского дипломата Рауля Валленберга советской цензурой было наложено табу, в результате чего он оказал-

ся в одной компании с теми, кто был причислен в Советском Союзе к лику врагов народа или диссидентов.

Установить причины подобного странного родства — одна из целей этой книги. Но не главная. Если пройти по путям создания этой одной из легенд нашего времени, то в судьбе Рауля Валленберга можно увидеть такие неожиданные повороты событий, которых не придумать авторам криминальных романов. В который раз убеждаешься, что сама жизнь более неправдоподобна, чем вымышленные истории.

В 1944 году Валленберг оказался на посту секретаря шведского посольства в Будапеште — столице одной из стран нацистской «оси». Официальной задачей Валленберга и его отдела «С» была помощь венгерским евреям, располагавшим родством или связями в Швеции. Он спасал их от депортации в лагеря смерти. Когда же в январе 1945 года Будапешт был освобожден советскими войсками, Валленберг оказался... в Москве.

Могут сказать, что и не оказавшись в Москве молодой шведский дипломат своей беззаветной борьбой против нацистской машины уничтожения людей стал бы живой легендой Второй мировой войны. И да, и нет, поскольку в оказании гуманитарной помощи Валленберг был далеко не единственным, заслужившим деревце на "Аллее Праведников", что на окраине Иерусалима. Но вот исторический парадокс: если в послевоенную эпоху и существовал режим, который всеми силами стремился замолчать гитлеровский геноцид еврейского населения Европы, то им был режим советский. Это был режим, уверенно двигавшийся от государственного антисемитизма к запланированной в 1953 году депортации советских евреев в Сибирь и Среднюю Азию. Однако именно этот ре-

жим стал причиной того, что Рауль Валленберг стал не только легендой, но и символом мученичества за святое дело спасения людей. Другое дело, хотел ли Сталин создания и распространения этой легенды. Конечно, не хотел. Но, как многое в советское время, результаты сталинских деяний были прямо противоположными замыслу. Судьба Валленберга тому разительный пример.

Если бы советские власти хотели привлечь внимание мира к судьбе Рауля Валленберга — а они этого не хотели ни в коем случае, превращая эту судьбу в объект строжайшего засекречивания, — то они не могли бы поступить так противоречиво, алогично и глупо, как они поступили. Нарочно не придумаешь столько противоречий, сколько нагромодили советские секретные службы и советские дипломаты в этом "деле века"!

Начать с того, что дела вообще могло бы не быть. Когда советские войска в начале 1945 года приблизились к Будапешту, то, во избежание всяких недоразумений, шведский посол в Москве г-н Сёдерблум направил в Наркоминдел специальную ноту, в которой сообщил список адресов шведских дипломатических представителей в венгерской столице. Этот шаг был вполне объясним, ибо Швеция представляла советские интересы в Венгрии, с которой СССР находился в состоянии войны. И также объяснимо было сообщение Сёдерблему от заместителя наркома (министра) иностранных дел Владимира Деканозова от 16 января 1945 года о том, что в Будапеште на улице Бенцур советскими войсками найден шведский гражданин Валленберг и он находится в добром здравии и безопасности. Об этом же в феврале советский посол в Стокгольме Александра Коллонтай сообщила обеспокоенной судьбой сына матери Валленберга и шведскому министру иностранных дел г-ну Гюнтеру. Казалось бы,

все в порядке и возвращение на родину одного шведского гражданина лишь вопрос времени?

Но тут-то все и завертелось! Уже одно замечание, сделанное вскользь Александрой Коллонтай, могло бы заставить шведов встревожиться: она намекнула, что шведскому правительству будет лучше, ежели оно не будет предпринимать каких-либо шагов для поисков Валленберга. А в свою очередь контролируемое советскими властями в Венгрии венгерское "Радио Кошут" (оно в действительности находилось в Москве) сообщило, что Рауль Валленберг 17 января был убит на пути из Будапешта в Дебрецен. Об этом же заявил вернувшийся из Будапешта в Стокгольм посол Даниэльсон: Валленберг погиб во время боев. Так что же: убит или жив? А если жив, то в Будапеште он или в Москве? Посол Сёдерблум осторожно запрашивал Наркоминдел, а 25 апреля побеседовал с тем же Деканозовым. Замнаркома на этот раз не подтвердил своего прежнего сообщения, а лишь обещал выяснить все обстоятельства. Время шло, ясности не было. Более того: 15 июня 1946 года Сёдерблум, уезжая из Москвы, в личной беседе задал "проклятый вопрос" самому Сталину. Он получил заверение, что Сталин лично постарается внести ясность. Обещание не было выполнено. Шведы настаивали, пока 18 августа 1947 года заместитель министра Андрей Вышинский в специальной ноте неожиданно известил шведское правительство, что "Валленберг не находится в СССР и он нам неизвестен". Вслед за этим заведующий отделом МИД К. Новиков дал ошеломленным шведам разъяснения. Правда, он не мог утверждать, что Валленберг "нам неизвестен", ибо именно ему Сёдерблум в декабре 1945 года вручил сообщение с упоминанием имени Рауля. Разъяснение было уклончивым: Валленберг, мол, мог погибнуть на финаль-

ной стадии боев. Эта постыдная игра в кошки-мышки продолжалась ни много ни мало до февраля 1957 года, пока в очередной ноте МИД за подписью тогдашнего заместителя министра А. Громыко был признан факт нахождения Валленберга в СССР, его заключения и смерти в 1947 году.

Но за эти десять лет количество загадок, версий и легенд о Валленберге не только не уменьшилось, а возросло в десятки — если не сотни! — раз. И опять же советские спецслужбы подбросили "дров в огонь". Дело в том, что в начале 50-х годов из тюрем НКВД стали возвращаться иностранцы, по тем или иным поводам захваченные печально известным Смершем (военной контрразведкой) в различных странах Восточной и Юго-Восточной Европы.

Тогда-то и началась странная история "второй жизни" Рауля Валленберга. В западной печати зачастили свидетельства о том, что Валленберга видели — или о нем слышали. Версий оказалось много: его видели во Владимире, где он в 1951 году якобы был осужден на 25 лет (сообщение от 20.2.1954), он должен быть либо во Владимире, либо в Верхнеуральске (сообщение от 19.2.1955)... во Владимире (7.2.1959)... его видели во Владимире в 1954 году (13.3.1955)... в том же Владимире (12.10.55). И так пошло, пошло — вплоть до 1993 года, когда Валленберга якобы обнаружили среди участников тюремного хора в Верхней Потье.

Можно понять, что как родные Валленберга, так и члены специальной шведской комиссии по розыску с интересом и даже волнением реагировали на поступающие сообщения, список которых к 1988 году заполнил добрых 28 страниц. Правда, половина данных исключали друг

друга. Кто был уверен, что Валленберг умер между 13 и 15 февраля 1954 года, другие датировали его смерть февралем-мартом 1961 года, третьи видели Рауля живым в апреле 1970 года, четвертые не сомневались в его смерти в 1982(!) году.

Нетрудно понять, что в Москве долго ломали голову — как выйти из затруднительного положения, поскольку дело Валленберга приобрело международное звучание, не говоря уже о том, что оно отягощало советско-шведские отношения. Когда в эпоху Хрущева Москва предпринимала усилия по разрядке напряженности, ей совсем не надо было портить отношения с нейтралами. На уровне Политбюро ЦК КПСС (об этом мы расскажем позже) не раз рассматривались вопросы: как же изображать более пристойно судьбу Валленберга? Это, конечно, приводило к ещё большим казусам. И так до 1957 года, когда все чудовищные несообразности и преступное поведение властей были свалены на бывшего министра госбезопасности Виктора Абакумова, который к тому времени уже был не только снят, но и в 1954 году расстрелян за всевозможные правонарушения.

Порой казалось, что за поисками фантома все уже позабыли о самом Рауле Валленберге. Мало кто задавался вопросом: чем же он все-таки занимался в Будапеште, что могло привести его в положение "государственного пленника" в Советском Союзе?

Пусть не удивится читатель, если на ближайших страницах он не встретит имя Рауля Густава Валленберга. Ибо понять его судьбу невозможно вне контекста эпохи, которая в жизни нашей страны носит наименование сталинской.

Звонок Сталина

Иосиф Сталин не баловал своих маршалов. Каждый — а в военные годы их было числом 11 — должен был знать, что маршальские погоны и звезду с бриллиантами носит исключительно по воле Верховного главнокомандующего и может потерять это в любой момент: недаром в военное время были разжалованы 2 маршала и добрый десяток генералов, не говоря уже о маршалах Советского Союза, закончивших в 30-е годы свою военную карьеру у стенки на Лубянке. Не были "наследственными доменами" и посты командующих фронтов, обычно занимаемые маршалами. Сталин тасовал их с необыкновенным искусством; причем порой без видимой причины. Тем с большей тревогой ожидал любой из командующих звонка по телефону ВЧ или, не дай бог, вызова в Ставку.

Именно такой звонок по специальному телефону ВЧ, исключаящему подслушивание, раздался 28 октября 1944 года на командном пункте маршала Советского Союза Родиона Малиновского, только месяц назад получившего маршальские знаки отличия. Но причины для беспокойства у Малиновского были серьезные: шел уже месяц наступления его войск на Дебрецен и Будапешт, но решающего успеха в тяжелых боях не обозначилось. 19-го пал Дебрецен, но через пару дней началось немецкое контрнаступление. Оно изрядно путало карты Сталина.

Казалось, первые успехи Малиновского принесли свои плоды: Сталин, так боявшийся сговора Венгрии с западными союзниками, с удовлетворением прочитал послание главы венгерского государства, регента адмирала Миклоша Хорти, который 15 октября запросил перемирия с Советским Союзом. Гитлер был вне себя: он приказыва-

ет своим войскам в Венгрии совершить невероятное и... оккупировать свою союзницу Венгрию! Регента-адмирала арестовывают, оккупанты создают марионеточное правительство под руководством лидера фашистской партии "Скрещенные стрелы" Салаши. Переговоры о перемирии с СССР сорваны — следовательно, надо было продолжать штурм Венгрии и захватить Будапешт.

Разговор Сталина с Малиновским был недолог:

Сталин: Необходимо, чтобы вы в самое ближайшее время, буквально на днях, овладели столицей Венгрии Будапештом. Это нужно сделать во что бы то ни стало. Сможете ли вы это сделать?

Малиновский: Эту задачу можно было бы выполнить дней через пять...

Сталин: Ставка не может предоставить вам пять дней. Поймите, по политическим соображениям нам надо возможно скорее взять Будапешт.

Малиновский: Я отчетливо понимаю...

Сталин: Мы не можем пойти на отсрочку.

Малиновский: Если немедленно перейти в наступление, 46-я армия не сумеет овладеть Будапештом с ходу.

Сталин: Напрасно вы упорствуете, вы не понимаете политической необходимости.

Малиновский: Я понимаю и для этого прошу пять дней.

Сталин: Я вам категорически приказываю завтра же перейти в наступление на Будапешт!

На этой повышенной ноте Сталин положил трубку, а шутки с ним были плохи. Маршал, конечно, приказ отдал.

Будапешт удалось взять не через пять дней, а через три с половиной месяца.

В чем же было дело, почему Сталин так настаивал?

Давно сложилось представление о том, что диктаторы своевольны и прихотливы, поэтому не следует искать рациональных причин для их решений. Не знаем, как с Гитлером, но к Сталину это не относится.

Шел конец октября 1944 года. За спиной великих держав антигитлеровской коалиции уже была Тегеранская встреча трех лидеров. Миновали споры о втором фронте: союзники высадились во Франции и Италии, вышли к немецкой границе. В свою очередь, Красная армия уже вела бои в Польше и на Балканах: в августе вышла из войны Румыния, в сентябре Болгария. На северном фланге то же сделала Финляндия. Очередь была за Венгрией. Все эти темы только что обсуждались в Москве во время визита Уинстона Черчилля с 9 по 18 октября 1944 года.

У Сталина в его делах с британским премьером было два главных советника. Один — его давнее недоверие ко всему, что связано с именем Черчилля. Однажды в беседе с Милованом Джиласом он воскликнул:

— Вы думаете, что ежели мы теперь союзники англичан, то забыли — кто они и кто такой Черчилль. Они больше всего любят объегоривать своих союзников. Во время первой войны они постоянно обманывали русских и французов. А Черчилль? Это тип, за которым если вы не уследите, то он и копейку украдет из вашего кармана...

Но у этого верного советника был серьезный помощник: Лаврентий Берия и Первое главное управление его

Наркомата внутренних дел, сиречь внешнеполитическая разведка. Когда Сталин принимал Черчилля в Кремле, он прекрасно знал замыслы своего британского партнера, касающиеся Балкан, Центральной и Юго-Восточной Европы. В Тегеране он слышал его пламенные речи в защиту плана штурма "мягкого подбрюшья" Европы.

Самое любопытное состояло в поразительном параллелизме намерений обеих сторон: Советского Союза и западных держав. Уже в 1941 году, в дни первых встреч Сталина с приехавшим в Москву в дни великой битвы у стен советской столицы министром иностранных дел Великобритании Энтони Иденом в дни, когда судьба СССР, казалось, ещё далеко не решена и исход войны в глазах всего мира ещё не был предрешен, — Иосиф Сталин счел нужным говорить не только о насущных требованиях момента, но и о... европейских границах. Несколько удивленный хорошо подготовленными предложениями Сталина, Иден парировал: оказывается, ещё до вступления СССР в войну Рузвельт прислал Черчиллю послание, в котором просил британское правительство задуматься о послевоенной реконструкции Европы, но предлагал не делать этого без США.

Так ещё в 1942 году начался спор о границах послевоенной Европы. 28 января 1942 года в Москве было принято секретное решение Политбюро ЦК ВКП(б) о создании специальной комиссии "По подготовке дипломатических материалов по послевоенному урегулированию". Правда, комиссия эта работала с различной интенсивностью (не в последнюю очередь потому, что главные решения принимались не в НКВД, а в Политбюро), но неизменно упоминалась в дипломатических дискуссиях. Все чаще и чаще проблематика послевоенной Европы (в том числе Балканских стран) поднималась и в документации

Форин оффиса и Госдепартамента США, в том числе в тех секретных планах, которые разрабатывались Объединенным комитетом британских начальников штабов и такими же учреждениями США. Хотя формы практического участия США и Англии в европейской войне ещё не были определены. Операция «Оверлорд» (открытие второго фронта в Европе) ещё не была утверждена, но интенсивно обсуждалась в Квебеке в августе 1943 года. Одновременно готовилась и альтернатива «Оверлорду»: операция «Рэнкин». Она так и не была осуществлена. Но её документация осталась в архивах и раскрывает многое в замыслах наших дорогих союзников. Оказывается, они разработали стройную систему мер на тот случай, если «Оверлорд» не понадобится и западные войска окажутся в Европе некими другими путями, а не через высадку в Нормандии. Какими же? Рассматривались три варианта:

вермахт окажется настолько ослабленным, что англо-американцы высадятся раньше, чем намечено в «Оверлорде»;

вермахт вдруг сам уйдет с оккупированных территорий Европы, а русские не успеют войти в Германию;

Германия капитулирует в странах Северо-Западной Европы.

Желание начальников западных штабов оказаться победителями в Европе, не воюя с немцами, было очень велико. Авторы плана собирались помочь созданию ситуации "победы без войны". Так, они предусматривали высадку неких "символических сил" (десантов?) по всей Европе: по всей Германии, в Италии и Юго-Восточной Европе (в Будапеште, Бухаресте, Софии) и даже в Варшаве!

И это было лишь начало. В феврале 1944 года западные союзники, готовясь к высадке в Европе, были го-

товы «поделить» весь континент. Так 16 февраля 1943 года Форин оффис представил такую «наметку» планов, сохранившуюся в британском государственном архиве:

Австрия — сфера влияния (и оккупации) США;

Венгрия — сфера влияния (и оккупации) США, за исключением Трансильвании, судьба которой должна была решаться отдельно;

Румыния — сфера влияния (и оккупации) СССР (опять-таки за исключением Трансильвании);

Болгария — сфера влияния (и оккупации) Англии;

Греция — также.

Этим надеждам не суждено было сбыться. Помешала военная реальность. Американцам было осенью 1944 года далеко-далеко как до Австрии, так до Венгрии. Советские войска уже были в Румынии, Болгария вышла из войны, и в ней также были советские войска. Черчиллю оставалось спасать то, что можно было спасти: за признание Сталиным английского влияния в Греции он был готов уступить все остальное, что и сделал в октябре в Москве. Но это не успокоило Сталина.

В Москве Черчилль пытался умиротворить "дядю Джо". Во время первой беседы (это было 9 октября) британский премьер извлек из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок с текстом на английском языке, в котором Сталин мог разобраться и без помощи переводчика Валентина Бережкова. На бумажке Черчилль обозначил схему раздела сфер влияния на Балканах:

Румыния Россия 90 %

Остальные 10 %

Греция Великобритания (в согласии с США) 90 %

Россия 10 %

Югославия 50 — 50 %

Венгрия 50 — 50 %

Болгария Россия 75 %

Остальные 25 %

Сталин посмотрел на листок, вынул из стоявшего на столе бронзового стакана двухцветный карандаш и поставил в верхнем углу небольшую синюю галочку. Торг состоялся. Правда, на следующий день Молотов выторговал для советского влияния в Венгрии 75 процентов, а для Болгарии ещё 10 процентов. И как бы в поддержку этого в день отъезда премьера в Москве раздался очередной салют: Москва отмечала взятие крупного венгерского города Сегеда. Салют был хорошо виден из окна британского посольства на берегу Москвы-реки, где проходил прощальный ужин.

Зачем Сталину была нужна Венгрия?

Иосиф Виссарионович Сталин никогда не бывал в Венгрии. Виноват: не бывал в Венгрии, но бывал в Австро-Венгрии — знаменитой "лоскутной монархии", объединявшей до 1918 года Австрию и Венгрию (плюс пару будущих послеверсальских государств). В столицу Австро-Венгерской монархии Вену Сталин прибыл в 1913 году после очередного (загадочного до сих пор) удачного побега из далекой Сибири. Мы точно знаем, куда в Вене явился молодой грузинский эмигрант Джугашвили — к своему единомышленнику по партии Александру Антоно-

вичу Трояновскому. До сих пор среди пожелтевших листов архивного дела Сталина в московском досье лежит написанный аккуратным чиновничьим почерком "бланк прописки" Трояновского в Вене:

"XII район. Мейдлинг. Шёнбруннершлоссштрассе, 20. Этаж II. Дверь № 7".

Венгрия как составная часть монархии мало тогда интересовала Сталина. Когда он писал в Вене свою теоретическую, объявленную позже классической, работу "Марксизм и национальный вопрос", развитие венгерского национально-освободительного движения лишь косвенно привлекало внимание автора, который спорил с лидером «австромарксистов» Карлом Реннером, ограничивавшим претензии своих венгерских сограждан культурной автономией. Словно предвидя бунтарские события 1956 года, когда венгры возмутились не против режима Габсбургов, а против режима самого Сталина, он не стал углубляться в корни венгерского национального характера. И в 1919 году, когда вспыхнула венгерская революция и в Будапеште была провозглашена Советская республика, Сталин меньше всего обращал внимание на её национальный характер. Ему было важнее символическое значение венгерских Советов как подтверждение близкой всемирной революции. Благо, что после поражения венгерских коммунистов у члена Исполкома Коминтерна Сталина было достаточно времени, чтобы дискутировать с эмигрантами, с экс-председателем венгерского Совнаркома Бела Куном или его соратником Матиасом Ракоши, которого Сталин сделал главой венгерского правительства уже после окончания Второй мировой войны.

Зато буржуазная Венгрия была зачислена в разряд врагов Советского Союза. Режим адмирала Хорти всегда

приводился в качестве примера диктатуры, обзывался фашистским и в военном планировании Красной армии ещё в 30-е годы рассматривался как потенциальный противник и участник антисоветской коалиции. Эти оценки не изменились и в преддверии войны. Сталин даже не пытался разрушить тесный союз Хорти и Гитлера, как он хотел было это сделать с другими потенциальными союзниками Германии, например с Югославией или Болгарией. В июне 1941 года Венгрия приняла участие в осуществлении плана «Барбаросса».

Что собирался Сталин сделать с Венгрией в послевоенной Европе? Точно нам не скажет никто, ибо это знал только Сталин сам. Неким отраженным светом его замыслов были некогда совершенно секретные документы специальной комиссии по мирному урегулированию, созданной в Народном комиссариате (министерстве) иностранных дел. В одном из них, составленном 10 января 1944 года тогдашним заместителем наркома Иваном Майским по поводу Венгрии, содержались такие недвусмысленные формулировки¹:

11. Венгрия СССР не заинтересован в создании сильной Венгрии. К тому же Венгрии, как и Италии, необходимо дать понять, что союзники не забыли её позиции в нынешней войне. Поэтому политика СССР в отношении Венгрии должна сводиться к тому, чтобы сохранить венгерское государство, но по возможности сузить его территорию, строго следуя этнографическому принципу. В тех случаях, когда в применении данного принципа возникают какие-либо сомнения, решать вопрос следует против Венгрии. Третьейское решение о Трансильвании должно быть пересмотрено в соответствии с национальным принципом, но с известным уклоном в пользу Румынии, которая, как выше уже упоминалось, после войны

должна заключить пакт о взаимопомощи с СССР и, таким образом, станет важным фактором нашей обороны на юго-востоке. Венгрия, по крайней мере на первые годы после войны, должна быть оставлена в положении международной изоляции. На Венгрию также должны быть наложены репарации".

В следующем параграфе меморандума Майского рассматривалась общая ситуация на Балканах:

"12. Балканы События последних месяцев на Балканах значительно прояснили ситуацию, и потому в настоящее время можно рассчитывать на то, что пресловутый "балканский вопрос" после этой войны наконец будет разрешен или, по крайней мере, поставлен на путь разрешения. Мне представляется, что СССР в отношении Балкан следовало бы стремиться к следующему: а) Румыния после окончания войны должна заключить пакт взаимопомощи на длительный срок с СССР (об этом уже говорилось выше). б) Югославия после окончания войны (а может быть, и раньше) в случае укрепления элементов, группирующихся сейчас вокруг Тито, вероятно, также захочет заключить с СССР пакт взаимопомощи на длительный срок. СССР следует пойти навстречу этому желанию демократических сил Югославии. Было бы, однако, нецелесообразно принимать сделанное недавно правительством короля Петра предложение о заключении подобного пакта. в) В Болгарии после ликвидации нынешней правящей верхушки, что станет неизбежным в конце войны, судя по всему, также возникнет сильное течение в пользу заключения пакта взаимопомощи с СССР. Нам нужно будет пойти навстречу этому течению...

...Конечно, только что набросанная программа мероприятий на Балканах является делом сложным и дели-

катным, требующим осторожности в своем проведении. Недаром Балканы всегда до сих пор были одним из наиболее взрывчатых углов Европы".

Надо учитывать, что Майский вносил свои предложения в январе 1944 года. Тогда ещё только разворачивались операции Советской армии на Балканах, направленные на выведение из войны Румынии и Венгрии, выход на соединение с югославской освободительной армией и вступление в Болгарию. Эти операции оказались нелегкими — например, после сравнительно быстрой победы в Румынии Венгрия перешла на сторону союзников лишь в декабре 1944 года, а венгерскую столицу удалось взять лишь в январе 1945 года. Перемирие СССР, США и Англии с новым венгерским правительством было подписано лишь 20 января.

Но только ли устремлением — кстати, вполне логичным и законным получить на западных границах СССР не "санитарный кордон" 20 — 30-х годов, а по меньшей мере безопасных соседей диктовалось желание Сталина максимально скоро покончить с разгромом фашистской Венгрии и вермахта на её территории?

Кого и чего боялся Сталин

Иосиф Виссарионович Сталин был, казалось, не из боязливых. В юношеские годы принимал участие в дерзких террористических акциях большевистской партии, нуждавшейся в финансовых средствах. Неоднократно бежал из ссылок. Даже если и сделать скидку на возможное, но ещё не доказанное сотрудничество с полицией, — все равно эти предприятия были небезопасны. Да и все тщательно задуманное восхождение на верхушку партийной пирамиды, и до него плотно занятую крупней-

шими политическими деятелями, — разве это был не только коварный расчет, но и смелый замысел?

Часто приводится апокрифическое заключение великого психиатра Бехтерева, диагностировавшего где-то в 30-х годах у Сталина паранойю. Конечно, многие действия генерального секретаря ЦК ВКП(б) находятся вне логического объяснения, особенно его кровавые расправы со своими самыми верными друзьями и соратниками. Но с другой стороны, в этих актах просматривается серьезная последовательность человека, который готов жертвовать всем, даже самым лично-дорогим, во имя поставленной цели.

События военных лет не ослабили внутреннюю подозрительность Верховного главнокомандующего. Миновала критическая ситуация осени 1941 года, когда Сталин был готов поверить даже Черчиллю, умоляя его прислать английские войска на укрепление советско-германского фронта. Или был готов на новый сговор с Гитлером, посылая через болгарского посла Стаменова согласие уступить Украину и Прибалтику, лишь бы вермахт прекратил свое наступление. Но стоило отбить натиск врага, как вернулась старая формула недоверия. Любопытный штрих: когда Сталин в 1941 году посылал одного из своих лучших разведчиков Василия Зарубина на пост руководителя легальной резидентуры в Соединенные Штаты, то Зарубин с некоторым удивлением услышал в качестве первостепенного задания:

— Следите, чтобы Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратный мир и все вместе не пошли бы против Советского Союза!

Эти слова вместе с Зарубиным выслушал и руководитель внешней разведки НКВД — его Первого управле-

ния — Павел Фитин. Чему же удивляться, что не только Зарубин, но и вся система резидентов и источников была нацелена на эту задачу? Эта установка, данная в начале войны, действовала все военные годы — и особенно с того времени, когда после сталинградского перелома стала ясной перспектива победы.

Не только Зарубин, но и "кембриджская пятерка" в Англии, советские резидентуры в Анкаре, Софии, Стокгольме получили такие же указания. Справедливости ради надо сказать, что основание для тревоги у Сталина было. Каталог попыток различных групп по обе стороны фронта наладить связь и прощупать возможности компромисса Германии с Западом в 1941 — 1944 годах и особенно на финальном этапе войны поистине обширен и достаточно исследован. Другое дело, что в глазах советских разведчиков и самого Сталина любой зондаж, самой незначительной группы превращался в "сговор правящих кругов". Вполне возможно, что Сталина мучил синдром своих собственных попыток 1941 1942 годов прощупать перспективу компромиссного мира (об этих попытках говорил мне на склоне лет близкий к Сталину Владимир Семенов, крупнейший специалист по немецким делам). Но факт остается фактом: секретные зондажи немецкой оппозиции и многих западных политиков (и авантюристов) имели место и немедля откладывались в досье Лубянки.

Первое из таких сообщений пришло в сентябре 1941 года из Стокгольма, где разведчики-чекисты зафиксировали контакты немецкого генерала Фалькенхорста с англичанами. Видимо, оно и подтолкнуло Сталина дать в октябре указания Зарубину. Ведомство госбезопасности, которое с 1942 года возглавил генерал Всеволод Меркулов, регулярно снабжало Сталина разведданными, причем в подавляющем большинстве это была реальная ин-

формация. Особенно старалась в этом деле нелегальная резидентура в США, возглавляемая Исхаком Ахмеровым, завязавшим связи в Госдепе и даже в Управлении стратегической разведки (УСС). Сталин реагировал на такие донесения с повышенной чувствительностью — порой неожиданно. Известно, что когда Всеволод Меркулов и его специалист по диверсиям генерал Павел Судоплатов в 1943 году предлагали Сталину организовать покушение на Гитлера, диктатор запретил это делать:

— Если убрать Гитлера, то придут другие, например Герман Геринг или Франц Папен, способные сговориться с Западом. Пока Гитлер возглавляет рейх, он не пойдет на сговор, и Запад в свою очередь не захочет говорить с Гитлером.

Тем временем Меркулов приносил на стол Сталина новые и новые сообщения о подозрительных контактах в Стокгольме, Стамбуле, Берне, Лиссабоне. Стокгольм занимал в этой игре заметное место. Например, в мае 1942 года чекистская резидентура, возглавляемая опытным разведчиком Борисом Ярцевым (Рыбкиным), сообщила, что в столицу Швеции прибыл из Германии барон Оппенгейм, имевший задание передать англичанам предложение о сепаратном мире. Рыбкин был точен: сегодня документы подтверждают, что визит Оппенгейма не был выдуман, барон действительно имел соответствующее задание адмирала Канариса. Прибыв в Стокгольм, барон действовал умело. Он в юности проходил практику в банке братьев Маркуса и Якоба Валленбергов, с которыми завязал тесные дружеские отношения. Оппенгейм использовал именно этот канал. Тем самым в "черном списке" лиц, подозреваемых в налаживании сепаратных связей

Германии и Запада, уже в 1942 году появились имена Валленбергов. Не Рауля, а его дядьев Маркуса и Якоба.

Есть все основания полагать, что для советской разведки это не было новостью. Еще с 30-х годов стокгольмская резидентура вела специальное досье на братьев-банкиров. При этом отношение советской разведки к "дому Валленбергов" было непростым. Было заведено специальное дело. (Об этом мне рассказывал тот же отставной генерал КГБ Павел Судоплатов, с конца 30-х годов служивший в ИНО — так тогда называлась внешнеполитическая разведка НКВД.) Это означало, что собирались всевозможные данные о семье, о всех её членах, их связях, возможностях. ИНО изучало Валленбергов и, конечно, в первую очередь тогдашних руководителей клана — Маркуса и Якоба. Старшие Валленберги приводили аналитиков Лубянки в смущение: с одной стороны, теснейшие связи с Германией и её видными деятелями, с другой — не менее тесные связи с противостоящими Германии западными демократиями. Ко всему этому добавлялись контакты с влиятельными еврейскими организациями, что побуждало вообще считать Валленбергов евреями (так сказал мне резидент ГРУ в Швеции перед войной и в первые военные годы Николай Старостин), а их банк — одной из финансовых основ сионистского движения и заодно — мирового масонства.

Заметим, что не только советская разведка пристально следила за Валленбергами. В архивных документах британского Форин оффиса на сообщении о назначении Рауля Валленберга в Будапешт содержится рукописная пометка некоего осведомленного человека: лондонский эксперт высказывал подозрение, что Якоб и Маркус Валленберги через младшего члена семьи готовят плац-

дарм в Восточной Европе для послевоенной дружбы и торговли со Сталиным...

Валленберги в роли "международного шарнира" были крайне привлекательны для Кремля. Уже в период советско-финской войны 1939–1940 годов в Москве появлялась мысль использовать Валленбергов в качестве посредников для переговоров с финнами. Тогда от этой идеи отказались. Но в феврале 1944 года, по указанию Москвы, Борис Ярцев вместе с Александрой Коллонтай избрал Маркуса Валленберга в качестве секретного посредника между Москвой и Хельсинки.

Здесь было над чем ломать голову: Маркус оказал в феврале 1944 года Коллонтай и Сталину неоценимую услугу. Но лишь полгода назад в Стокгольме был руководитель немецкой антигитлеровской оппозиции Карл Гёрделер, передав через Маркуса и Якоба в Лондон программу сепаратного мира. А в том же феврале 1944 года Гёрделер вызвал Маркуса в Берлин и попросил установить прямой контакт с Черчиллем: "Большевицкая Россия — общая опасность, нам надо спешить" — так сказал Маркусу Валленбергу Гёрделер.

Роль Валленбергов не изменилась и после неудачного путча. Очутившемся в застенке Гимmlера Гёрделеру сам рейхсфюрер СС прямо предложил возобновить связь с Валленбергами, причем все с той же целью сепаратного мирного соглашения, направленного против Советского Союза.

Каждый раз, когда на стол Сталина ложилось очередное сообщение о коварных планах англо-американских партнеров, он мог лишь укрепляться в своих подозрениях, появившихся в 1941–1944 годах. Однако в середине 1944 года в этих подозрениях появился новый

аспект: он был связан не с боевыми операциями войск, а с такой щекотливой проблемой борьбы с фашизмом, каким в эти годы стала судьба еврейского населения Европы.

План «Ваннзее» — не миф, а реальность

В живописном пригороде Берлина Ваннзее, на берегу одноименного озера в тот день съехалась избранная публика. Дом у озера давно стал чем-то вроде "гостевого дома" руководства СС, точнее, начальника Главного ведомства имперской безопасности СС (немецкое сокращение — РСХА) обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха. Он же был и руководителем совещания 15 высших чинов нацистского государства, приглашенных на "совещание об окончательном решении еврейского вопроса с последующим завтраком". Протокол этого совещания сохранился¹:

"Секретное дело государственной важности ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ

I. В состоявшемся 20 января 1942 г. в Берлине, на Гросс-Ваннзее, № 56 — 58, совещании об окончательном решении еврейского вопроса приняли участие:

Гауляйтер доктор Мейер и имперский амтсляйтер доктор Лейббранд Имперское министерство по делам оккупированных восточных областей II. Начальник полиции безопасности и службы безопасности обергруппенфюрер СС Гейдрих вначале информировал о том, что рейхсмаршал назначил его уполномоченным по подготовке окончательного решения еврейского вопроса в Европе, и ука-

зал на то, что он созвал это совещание с тем, чтобы внести ясность в принципиальные вопросы. Желание рейхсмаршала, чтобы ему прислали проект организационных мероприятий, касающихся окончательного решения еврейского вопроса в Европе, и материального обеспечения выполнения их, требует предварительного совместного обсуждения всеми центральными инстанциями, непосредственно участвующими в решении этих вопросов, во избежание параллелизма в проведении общей линии.

Руководство окончательным решением еврейского вопроса независимо от географических границ в центре должно быть возложено на рейхсфюрера СС и начальника германской полиции (начальника полиции безопасности и службы безопасности).

Начальник полиции безопасности и службы безопасности сделал затем краткий обзор проведенных уже мер борьбы с этим противником. Наиболее существенными из них являются:

а) вытеснение евреев из отдельных сфер жизни немецкого народа;

б) вытеснение евреев с жизненного пространства немецкого народа.

Во исполнение этих целей начато в качестве предварительной меры для решения вопроса и усилилось ускоренное переселение евреев с территории империи.

По распоряжению рейхсмаршала в январе 1939 года был создан имперский центр по переселению евреев, руководство которым поручено начальнику полиции и службы безопасности. Он имел своей задачей:

- a) провести все мероприятия по подготовке усиленного переселения евреев;
- b) направлять поток переселяемых;
- c) в отдельных случаях ускорить переселение.

Задача состояла в том, чтобы легальным образом очистить от евреев жизненное пространство немцев.

Всем инстанциям был известен ущерб, который повлек за собой форсирование переселения. Однако ввиду отсутствия других возможностей пришлось с этим мириться. Несмотря на трудности, с момента прихода к власти до 31 октября 1941 г. всего было переселено 537 тысяч евреев. Из них: с 30 января 1933 г. из Старой Германии — в среднем 360 тысяч, с 15 марта 1938 г. из Остмарка¹ — 147 тысяч, с 15 марта 1939 г. из протектората Богемия и Моравия — 30 тысяч.

Финансирование переселения производилось самими евреями или еврейскими политическими организациями.

В связи с опасностями, вызванными войной, и учитывая возможности Востока рейхсфюрер СС запретил переселение евреев.

III. Вместо переселения с предварительного согласия фюрера с этого времени была использована другая возможность решения этого вопроса: началась эвакуация евреев на Восток.

Эти акции следует, однако, рассматривать только как маневр, но уже тогда начало практиковаться то, что имело решающее значение для окончательного решения еврейского вопроса в будущем.

Для окончательного решения еврейского вопроса в Европе надо иметь в виду 11 миллионов евреев, которые разделялись по отдельным странам следующим образом:

Страна

Число А.

Собственно Германия 131 800

Остмарк 43 700

Восточные области 420 000

Генерал-губернаторство 2 284 000

Белосток 400 000

Протекторат Богемия и Моравия 74 000

Эстония свободна от евреев Латвия 3 500

Литва 34 000

Бельгия 43 000

Дания 5 600

Франция (оккупированная территория) 165 000

Франция (неоккупированная территория) 700 000

Греция 69 600

Нидерланды 160 800

Норвегия 1 300

В. Болгария 48 000

Англия 330 000

Финляндия 2 300

Ирландия 4 000

Италия (включая Сардинию) 58 000

Албания 200
Хорватия 40 000
Португалия 3 000
Румыния (включая Бессарабию) 342 000
Швеция 8 000
Швейцария 18 000
Сербия 10 000
Словакия 88 000
Испания 6 000
Турция (европейская часть) 55 500
Венгрия 742 800
СССР 5 000 000
Украина 2 994 684
Белоруссия (исключая Белосток) 446 484

Всего: свыше 11 000 000

При соответствующем руководстве в ходе окончательного решения еврейского вопроса евреи должны быть надлежащим образом использованы на работах. Большими рабочими колоннами, разделенными в зависимости от пола, работоспособных евреев доставят на строительство дорог в эти области, причем несомненно, что значительная часть их естественно отсеется.

Сохранившийся на всякий случай остаток (здесь имеется в виду, несомненно, часть, наиболее способная устоять) должен будет быть соответственно обработан, так как, представляя естественно отобранную часть, по-

сле освобождения должен рассматриваться как зародыш новых евреев (смотри опыт истории).

В процессе окончательного практического решения вопроса Европу следует прочесывать с Запада на Восток.

Эвакуированных евреев постепенно доставляют в так называемые транзитные лагеря с тем, чтобы оттуда направить их на Восток.

Начало отдельных более крупных операций по эвакуации будет в значительной мере зависеть от развития военных операций.

Группенфюрер СС Гофман придерживается точки зрения, что надо широко пользоваться стерилизацией...

Статс-секретарь доктор Штукарт предложил перейти к принудительной стерилизации...

Статс-секретарь доктор Бюлер доложил, что генерал-губернаторство приветствовало бы, если бы начали окончательное решение этого вопроса в генерал-губернаторстве, так как проблема транспорта там не играет важной роли, а использование на работах не помешало бы проведению этой акции. Евреи должны быть удалены с территории генерал-губернаторства возможно скорее...

Статс-секретарь доктор Бюлер заявил далее, что документ о решении еврейского вопроса в генерал-губернаторстве находится на подписи у начальника полиции и службы безопасности, а его работу поддерживают власти генерал-губернаторства. Он просит только как можно быстрее решить еврейский вопрос в этой области.

IV. В заключение обсуждались разного рода возможности решения этого вопроса, причем как гауляйтер доктор Мейер, так и статс-секретарь Бюлер придерживались

той точки зрения, что некоторые предварительные работы надо провести в самих областях, причем надо стараться избегать волнений среди населения.

Совещание закончилось просьбой начальника полиции и службы безопасности к участникам совещания оказывать ему соответствующую поддержку при выполнении работ по решению вопроса".

Документ, о котором мы не знали

Знало ли советское правительство об особом месте, которое занимало уничтожение еврейского народа в планах, к осуществлению которых приступил Гитлер и его режим с момента развязывания Второй мировой войны? Если послушать некоторых интерпретаторов этой войны — включая Великую Отечественную войну советского народа 1941 — 1945 годов, — то нет. А если и знало, то не придавало им особого значения. Ну, а ежели послушать антисемитов из Агитпропа ЦК КПСС, то на оккупированных территориях СССР евреев специально не уничтожали, а казнили лишь "мирных граждан" неопределенной национальности; в Освенциме же уничтожали "мирных граждан Европы" (так гласили составленные в конце войны акты)...

Но в начале войны — в дни великих испытаний всего советского многонационального народа — непреложным законом было народное единство. Тогда антисемиты помалкивали — они правили не в московских партийных канцеляриях, а в геббельсовских ведомствах. Советский народ жил по законам интернационализма.

О том, что для советского политического руководства было ясным, какой размах и смысл приобретало истребление евреев, свидетельствует документ, который появился на свет в конце декабря 1942 года под названием "Осуществление гитлеровскими властями плана уничтожения еврейского населения Европы". Этот документ был опубликован в советской печати 19 декабря 1942 года. Но менее известна подоплека его создания.

Обращение к архивам НКВД (теперь МИД РФ) дает следующие результаты. Фонды наркома (6 и 06) содержат датированные декабрем 1942 года послания, пришедшие на имя И. В. Сталина из ряда стран Латинской Америки, а также из Норвегии, Англии и Палестины от различных еврейских организаций. В них сообщалось о расправах с евреями в оккупированных нацистами странах Европы и о реальной угрозе их полного физического истребления. Эти материалы были переданы В. М. Молотовым члену коллегии НКВД К. А. Уманскому. Ему было предложено найти форму советской реакции на происходящее. К. А. Уманский знал, что в интересы советского правительства в те драматические времена входило обеспечение максимальной поддержки СССР в широчайших кругах. Отвечая В. М. Молотову, он сообщил, что по поводу истребления евреев имеется "очень интересный материал" у Л. П. Берия. С ведома наркома Уманский запросил в НКВД необходимые материалы. Берия реагировал быстро, и начальник 4-го управления НКВД Судоплатов представил подробный отчет об истреблении евреев на оккупированной территории СССР. На этой основе Уманский стал составлять документ, озаглавленный им "Заявление Советского Правительства об осуществлении гитлеровскими преступниками плана поголовного истребления евреев на оккупированной территории Евро-

пы, об ответственности германского правительства и всех его пособников за это кровавое злодеяние".

Текст, составленный Уманским, был прочитан Молотовым. Однако не был утвержден, чему помешали, казалось, внешние обстоятельства. Дело в том, что как раз в это время в НКВД узнали, что в Лондоне готовится (преимущественно в кругах эмигрантских правительств и международных еврейских организаций) специальное заявление ряда европейских правительств по поводу истребления евреев. Советский представитель при эмигрантских правительствах в Лондоне запросил в Москве указания о том, как ему отнестись к совместному заявлению. Текст возражений не вызвал; по мнению Уманского, если бы СССР отказался от участия в декларации в защиту жертв гитлеровского геноцида, это было бы не понято.

Советское правительство дало согласие на свою подпись; декларация 12 правительств (в том числе СССР) была опубликована в советской печати 18 декабря 1942 года. Видимо, после было решено считать нецелесообразным отдельное заявление советского правительства. Проект Уманского был значительно сокращен, из него были изъяты формулировки, не понравившиеся Молотову, причем была урезана фактическая информация об истреблении евреев на территории СССР. Документ уже не назывался "Заявлением Советского Правительства", а был опубликован от имени "Информбюро Наркоминдела". Такой инстанции вообще не существовало, и, видимо, это была компромиссная формулировка, отразившая внутреннюю борьбу между сторонниками «Заявления» и иными деятелями НКВД, которым оно было не по душе. Если учесть, что уже тогда в партийно-пропагандистских кругах, особенно в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), не хотели «педалировать» факты истребле-

ния еврейского населения СССР, можно понять, что в этих кругах были довольны снижением «ранга» и сокращением объема декларации, направленной в защиту жертв холокоста. Показательно, что в последующие годы в советских публикациях, посвященных злодеяниям оккупантов и в документах Чрезвычайной комиссии по расследованию нацистских злодеяний даже урезанный документ от 19 декабря 1942 года ни разу не упоминался.

Итак, в высшем руководстве СССР прекрасно знали о плане истребления евреев Европы. Привожу текст документа, доселе остававшийся в архивах НКВД. Вот он1:

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

**ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГИТЛЕРОВСКИМИ
ПРЕСТУПНИКАМИ ПЛАНА ПОГОЛОВНОГО ИСТРЕБЛЕНИЯ
ЕВРЕЕВ**

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЫ

**И ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГЕРМАНСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА И ВСЕХ ЕГО ПОСОБНИКОВ ЗА ЭТО
КРОВАВОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ**

Народный Комиссар Иностранных Дел В. М. Молотов направил правительствам всех стран, с которыми Советский Союз поддерживает дипломатические отношения, ноту, в которой доводит до сведения этих правительств следующее Заявление Советского Правительства:

"Советским Правительством получена достоверная информация, проливающая новый свет на систематическое осуществление гитлеровскими захватчиками поистине дьявольского плана физического истребления миллио-

нов мирных граждан на оккупированных немцами европейских территориях. Эта информация подтверждает и дополняет уже ранее изобличенные Советским Правительством перед всем цивилизованным миром факты планомерного массового уничтожения гитлеровскими преступниками значительной части гражданского населения в захваченных ими районах, — невинных людей разной национальности, любого социального положения, любой веры и убеждений, любого возраста.

Полученные ныне дополнительные сведения специально касаются одного из самых кровавых злодеяний в нескончаемом списке преступлений германского правительства, — поголовного истребления гитлеровцами и их сообщниками еврейского населения на оккупированной территории Европы.

I

К Советскому Правительству обратился ряд еврейских общественных организаций Европы и Соединенных Штатов Америки, и в частности Всемирный Еврейский Конгресс, сообщившие следующие факты, базирующиеся на информации из первоисточников.

Уже в течение многих месяцев наблюдался насильственный увоз германскими оккупационными властями многих десятков тысяч евреев — мужчин, женщин и детей — как из Германии и подвассальных ей Венгрии и Румынии, так как и из оккупированных немцами европейских стран, в том числе из Чехословакии, Австрии, Франции, Бельгии и Голландии, Норвегии — в восточноевропейские области, захваченные гитлеровской Германией, главным образом в Польшу и на захваченную территорию Украинской и Белорусской ССР. Установлено, что эта переброска еврейского населения на Восток, —

при которой обычно дети отбираются от родителей и высылаются отдельно, а значительная часть высылаемых погибает уже в пути от голода и болезней, происходила и продолжает происходить в осуществлении разработанного лично Гитлером плана концентрации на Востоке Европы до конца 1942 года 4 миллионов евреев, с целью их уничтожения. Установлено, что в настоящее время уже заканчивается переброска в Польшу с этой целью 4/5 всего еврейского населения Германии и оккупированных стран Европы. Гитлеровский план предусматривает физическое истребление до конца 1942 года большинства многомиллионного еврейского населения, сосредоточенного сейчас на польской территории. Как видно из поступившей информации, нет того зверства, которое не применили бы гитлеровские изверги для того, чтобы ускорить этот чудовищный процесс массового уничтожения сотен тысяч людей. Помимо повсеместно практикуемых немцами массовых расстрелов из пулеметов тысяч мужчин, женщин и детей либо под видом «заложников», либо без всякого предлога, происходит массовое убийство евреев в специально оборудованных газовых камерах, массовое сожжение в крематориях, отравление пленников концентрационных лагерей синильной кислотой; поощряется индивидуальное убийство евреев гитлеровцами и их пособниками путем выдачи убийцам премий в 50 германских марок за труп еврея, с целью использования трупов для производства мыла и удобрений; в концентрационных лагерях для евреев введено правило, согласно которому любой болеющий более двух дней подлежит умерщвлению; специально предписывается быстрое и массовое убийство детей в возрасте до 12 лет. По неполным и осторожно произведенным подсчетам, базирующимся на проверенных данных и в том числе на сек-

ретных материалах германских правительственных органов, только из числа евреев, находившихся в Польше, уже умерщвлено свыше двух миллионов человек. В эту страшную цифру не входят ни жертвы гитлеровских расправ с евреями в странах Центральной и Западной Европы, ни советские граждане еврейской национальности, убитые гитлеровскими оккупантами на Украине, в Белоруссии, Молдавии и на других временно захваченных гитлеровцами и их сообщниками советских территориях.

Зверский план физического уничтожения целой национальности проводится гитлеровцами в захваченных ими странах все более быстрыми темпами. Достаточно привести факты, касающиеся населения некоторых польских городов: из 32 тысяч евреев, живших в городе Радоме, убито 28 500, из 20 тысяч евреев, населявших город Петроково, в живых осталось только 2 600, в гор. Кельцы казнена половина обитателей гетто, насчитывавшего 30 тыс. человек, почти все остальные высланы и судьба их неизвестна, в гор. Ченстохове из 40 000 евреев осталось в живых около 2000 и та же картина систематического истребления мирных жителей наблюдается во всех населенных пунктах Польши и, конечно, охватывает не только евреев, но и местное польское население, ненавидящее оккупантов и сопротивляющееся их гнету. Из крупных европейских городов высланы, преимущественно в Польшу и на оккупированные советские территории, сотни тысяч евреев, число которых в таких, например, городах, как Вена и Гамбург, исчисляется сейчас всего несколькими сотнями. За последнее время усиливаются массовые аресты и высылка на Восток Европы, все с той же целью уничтожения, тысяч евреев из Франции, включая её ранее неоккупированную часть, а также из Норвегии.

II

Изложенная выше информация о расправах гитлеровцев над евреями, высланными из оккупированных стран Европы, подтверждается данными, поступающими в распоряжение Советского Правительства из захваченных противником советских районов, в частности от действующих в тылу врага партизанских отрядов, совпадает также с показаниями пленных и перебежчиков и подкрепляется фактами, которые раскрываются в районах, освобождаемых от гитлеровцев частями Красной Армии. Так, по сведениям, полученным из Минска, в местное гетто, через которое прошли уже многие десятки тысяч обреченных на пытки, казнь и вымирание евреев, в начале текущего года прибыли 75 тысяч евреев из Гамбурга, среди которых было много молодых девушек и изможденных стариков, падавших от слабости и подвергавшихся страшным избиениям со стороны гитлеровских охранников. После устроенных гитлеровцами трех погромов уже к 1 марта от этой группы в живых оставалось менее 15 тысяч человек. Во время погромов гитлеровцы лишали жителей гетто остатков имущества, уцелевшего при предыдущем погроме, избивали и убивали попадавших под руку, а затем выводили тысячи евреев за город, где заставляли рыть ямы, расстреливали их партиями по несколько сот человек, приказывали оставшимся в живых складывать в ямы трупы, а также раненых, обливали ямы керосином и поджигали их. Многие из евреев, привезенных в Минское гетто из Германии и других стран, не выдерживая пыток и ожидания неизбежной казни, кончали жизнь самоубийством.

Заслуживает быть отмеченным, что местное белорусское и русское население, которое подвергается самым жестоким зверствам со стороны оккупантов, пре-

дающих разграблению и огню белорусские города и села и истребляющих тысячами белорусских крестьян, рабочих, интеллигентов, лучших людей белорусского народа, проявляет замечательную солидарность по отношению как к местным, так и привезенным с Запада гражданам еврейской национальности, оказывая им всю посильную помощь, помогая во всех случаях, когда это возможно, их бегству, скрывая их в деревнях, делаясь с ними своей скудной пищей. Имеется много фактов, свидетельствующих о том, что советское население временно оккупированных районов остается до конца верным духу солидарности, равноправия и дружбы между всеми народами Советской Родины, то есть принципам, которые за последнюю четверть века вошли к кровь и плоть советских людей любой национальности.

Об этом свидетельствует следующий характерный пример. Осенью 1942 года в деревне Машинаки, Могилевского района, немцы приказали пленным красноармейцам рыть ямы, в которые гитлеровцы собирались закопать живыми привезенных в эту деревню евреев; красноармейцы наотрез отказались выполнить этот приказ, несмотря на угрозу расстрела; тогда немцы попытались силой оружия заставить евреев выкопать ямы и закопать в них красноармейцев; несмотря на побои, евреи в свою очередь отказались от того, чтобы участвовать в убийстве своих братьев; разъяренный немецкий офицер, руководивший расправой, дал немецким солдатам приказ открыть огонь по военнопленным и по евреям.

Сведения, проникающие из зарубежных областей, свидетельствуют о том, что даже там, где ещё до вторжения гитлеровских орд местному населению разными способами прививались расовые предрассудки, антиеврейские зверства немцев не только не усилили, а, напротив,

зачастую устранили эти предрассудки и укрепили солидарность и взаимную помощь между всеми жертвами гитлеровского гнета и расовой ненависти, которую немцы, как известно обрушивают с особой силой и на все славянские народы Восточной Европы.

По имеющимся сведениям, которые подтверждены, в частности, показаниями румынских, венгерских и словацких военнопленных офицеров и солдат, германское командование приказало военным и гражданским органам подвассальных немцам стран во всем следовать немецкому примеру, лишая евреев всякой защиты закона и всех человеческих прав, устанавливая существующий в Германии режим для арестовываемых и высылаемых евреев жителей этих стран, участвуя в расправах над населением оккупированных районов. В частности, установлено, что в недавно ставшей известной страшной расправе с советскими гражданами еврейской национальности — жителями Краснодара особую жестокость проявляли солдаты и офицеры из участвующих в боях на Северном Кавказе и на Дону финских подразделений германских войск «СС», в том числе из дивизии «Викинг». Более того, антиеврейские мероприятия германского правительства и командования направлены и против евреев, мобилизованных в армии гитлеровских вассалов. Так, например, из допроса спасшейся у советских партизан Орловской области группы венгров-евреев установлено следующее: все венгры-евреи изъяты, по приказу германского командования, из строевых частей венгерской армии и собраны в специально созданные рабочие батальоны, в которых они работают под охраной немецких солдат, нося на левом рукаве отличительные знаки; они подвергаются со стороны немцев неслыханным издевательствам, многие из них погибают от голода, болезней, непосиль-

ного труда и побоев; во время боевых действий немцы заставляют этих солдат «союзной» им армии идти впереди немецких обозов, и, если дороги минированы, венгры взрываются на минах, расчищая тем самым дорогу гитлеровским обозам.

Эти и многие другие факты, доходящие до сведения Советского Правительства, подтверждают, что взбесившиеся гитлеровские правители, желая потопить в крови невинных людей свой животный страх перед неминуемо близящейся гибелью и расплатой, ускоренными темпами проводят свой зверский и безумный план сплошного истребления части населения оккупированной Европы.

III

За последнее время гитлеровские оккупанты, явно озлобленные своими военными неудачами и провалом своих попыток сломить патриотизм и сопротивление советского населения, возросшие с новой силой в обстановке успехов Красной Армии, ещё более усилили на всем протяжении захваченной советской территории кровавый режим массовых убийств, карательных экспедиций, сожжения деревень, угона сотен тысяч мирных граждан в рабство в Германию, не говоря уже о никогда не прекращающихся повальных грабежах и насилиях над населением оккупированных районов.

подавляющее большинство жертв этой оргии разбоя и убийства состояло и состоит из русских, украинских и белорусских крестьян, рабочих, служащих, интеллигентов, принявших на себя и в рядах Красной Армии, и в партизанских отрядах, и в качестве мирных граждан на оккупированных территориях, основную тяжесть ударов и кровавого террора гитлеровских захватчиков и борьбы с ними на фронтах и в тылу врага. Тяжелы жертвы в ря-

дах литовского, латышского и эстонского народов, среди молдаван, среди граждан Карело-Финской Республики, на территории которых сразу обрушился вероломно вторгшийся враг, поныне наталкивающийся на этих территориях на негибаемую волю пяти молодых советских республик к свободе и к воссоединению с дружной семьей советских народов. Кровавое горе вторжения чужеземцев не менее тяжело для тех, кто за четверть века советской власти впервые обрел путь к полному расцвету своей национальной культуры и к материальному благосостоянию, для крымских татар, для свободолюбивых жителей кавказских предгорий, — верность которых советской родине и делу победы над наглым врагом последний уже начинает чувствовать на своей спине. На фронтах войны, в оккупированных немцами городах и особенно попадая к противнику в плен ощущают всю его высокомерную «арийскую» ненависть к себе и неописуемую жестокость советские граждане, принадлежащие к славным древним народам, по праву гордящимся своими культурными достижениями, — грузины, армяне, азербайджанцы, узбеки, туркмены, таджики, казахи. Небольшое еврейское меньшинство советского населения, являющееся равным среди равных, вложившее ценный вклад в хозяйственное, культурное и научное развитие страны и давшее на фронтах высокие образцы мужества и преданности Родине, насчитывает в своих рядах, относительно к своей незначительной численности, особенно большое количество жертв кровавого гитлеровского террора. Советские граждане еврейской национальности, молодое поколение которых знало о погромах, черте оседлости и национальном неравенстве только по литературе и рассказам отцов и дедов, ныне не только разделено на оккупированной немцами советской территории судьбу своих русских,

украинских, белорусских братьев и всех ненавистных гитлеровцам советских людей славянской и неславянской национальности, но стало жертвой изложенного выше особого гитлеровского плана поголовного физического уничтожения всех евреев, по одному только национальному признаку. Этот план гитлеровцы начали проводить на захваченной советской территории ещё раньше, чем они приступили, как это теперь очевидно, к его осуществлению в оккупированных странах остальной Европы.

Сведения, поступающие из захваченных советских областей, в сочетании с показаниями пленных немцев, а также пленных из наемных армий румын, венгров и финнов, позволяют понемногу восстановить картину массового истребления оккупантами еврейского населения временно оккупированных областей и дополнить этими фактами ту картину гитлеровских расправ с советскими гражданами всех национальностей, которая в основном уже была изложена в известных нотах Советского Правительства.

Немцы приступали к массовым убийствам евреев немедленно после занятия того или иного советского населенного пункта, причем, что крайне характерно для гитлеровской демагогии, за весь период пребывания этой преступной клики у власти, германское командование зачастую обманным образом заявляло местному населению, что якобы реквизиции, ограбления и расстрелы направлены «только» против евреев. Этот обман неизменно разоблачался действиями самих оккупантов, которые по прошествии немногих дней, а иногда и всего несколько часов, обрушивали свой грабеж и террор на всю основную массу населения. Истреблению городского еврейского населения в некоторых случаях предшествовала

его регистрация, обманный вызов на сборные пункты под предлогом направления на работу, с последующей отправкой за город на массовый расстрел; в других же случаях массовое убийство принимало форму поголовного погрома и происходившей в городе бойни, немедленно перекидывавшейся и на нееврейскую часть населения.

В настоящее время имеются многочисленные показания очевидцев страшных расправ гитлеровцев с евреями в Киеве в сентябре и октябре пр. г. Только за один день 29 сентября немцы, вызвав на Лукьяновское кладбище евреев, которым было приказано взять с собой ценные вещи и теплое белье, ограбили и раздели их, а затем расстреляли всех явившихся — свыше 30 000 человек, в большинстве своем стариков, женщин и детей. Многие из жертв этой бойни закапывались живыми, иногда ранеными совсем легко, так как палачи для «потехи» и ради "экономии свинца" клали друг на друга или ставили рядом нескольких обреченных и расстреливали их одним выстрелом. В октябре в Киеве была повторена массовая казнь евреев, вместе с которыми было расстреляно много украинцев и русских. Точное число жертв октябрьской бойни неизвестно, но установлено, что трупы евреев, расстрелянных из автоматов, целиком заполнили на глубину в один метр ров длиной в 100 и шириной в 8 метров.

В ноябре прошлого года при аналогичных условиях гитлеровцы расстреляли 14 тысяч евреев — жителей гор. Днепропетровска, в том числе большое число женщин и детей, включая грудных, — в 5 км от города, в так называемом Монастырском лесу. В декабре немцы повторили массовый расстрел там же.

Сейчас стали известны потрясающие подробности массовой казни евреев в Феодосии в ноябре прошлого года. Мужчины, женщины и дети тысячами были вывезены за город на расстрел, там раздеты, и нагие, на морозе, во время метели, дожидались своей очереди быть убитыми. Все дети, включая грудных, были отравлены там же, на глазах у родителей, сильнодействующим ядом, который с этой целью применялся немцами и в других местах при массовых расправах. После убийства детей первой группе взрослых было приказано лечь на дно рва и они были расстреляны из автоматов, засыпаны слоем земли, на которой укладывался новый ряд голых, обезумевших от ужаса людей, которых расстреливали и засыпали землей, не интересуясь тем, сколько из них убито. Таковы же сцены расстрела всех семейств евреев, караимов и цыган, а также многих татар в гор. Симферополь в ноябре прошлого года. В числе более 10 тысяч евреев, расстрелянных в Мариуполе, было около 3000 детей.

Имеющаяся информация о том, что гитлеровцы, при проводимом ими истреблении евреев оккупированных стран Европы, специально инструктируют агентов гестапо обеспечить поголовное убийство детей, совпадает с тем, что творят гитлеровские детоубийцы на советской территории. Германское командование, распорядившееся, чтобы во всех советских деревнях оккупанты относились с особым подозрением и беспощадностью к детям и подросткам, как чуть ли не самым опасным помощникам партизан, следит вместе с гестапо и за тем, чтобы при массовых казнях евреев были уничтожены их дети. Так, 15 — 16 июля с. г. немецкое командование в гор. Смоленске, решив отметить праздник местного гарнизона полным истреблением всего остававшегося в живых ев-

рейского населения города, начало с того, что 15 июля на глазах у родителей подвергло детей следующей пытке: их бросали в крытые автомобили, которые наполнялись газом; затем эти машины увозили отравленных, но ещё живых детей в пригород Гедионовку, где дети закапывались в ямы. 16 июля таким же способом были умерщвлены все взрослые евреи города. Всего было убито 1867 человек. В течение двух суток из-под земли были слышны стоны несчастных, закопанных полуживыми. В украинском городе Хорол, Полтавской области, перед поголовным расстрелом взрослых евреев их детей засыпали порохом и подожгли. В гор. Первомайске, Одесской области, местных еврейских детей погрузили на подводы, связали веревками и утопили в реке. В многострадальном белорусском городе Витебске, разгромленном и разграбленном оккупантами, перед расстрелом всех евреев города в возрасте более 16 лет, дети и подростки до 16 лет были заранее собраны и закопаны живыми в братские могилы, которые они сами для себя вырыли.

Гитлеровская машина смерти раздавила тысячи жизней мирных людей и в других городах Белоруссии. В Долгиново, близ Минска, было зарыто в землю 550 евреев, в большинстве детей, в Бресте было казнено свыше 2000 человек, в Дубровно — 3700 человек, а в Орше в апреле 1942 года гитлеровцы устроили кровавую баню, казнив одновременно 28 000 евреев.

Советскому правительству стали теперь известны и некоторые данные о том, как бушевал гитлеровский антисемитский террор в прибалтийских советских республиках. Уже вскоре после вторжения немцев на территорию Латвийской ССР, в Риге было расстреляно свыше 60 000 евреев, в том числе и евреи, привозившиеся для расстрела из Литвы, Эстонии и из Германии. В числе расстрелян-

ных — видные деятели литературы, науки и искусства. Расстрелы производились почти непрерывно, партиями по 300 — 400 человек, которые вывозились на остров, расположенный на реке Западная Двина (Даугава) в 12 км от Риги, а также на шоссе, ведущем из Риги на Даугавпилс. Расстреливались целые семьи. Детей вырывали из рук матерей и тут же, на их глазах, убивали или живыми бросали в приготовленные ямы и рвы. В настоящее время в Риге осталось не более 400 евреев, живущих в окруженном колючей проволокой гетто, доступ в которое запрещен. Эта группа евреев, обреченная на голод, медленно вымирает. Число расстрелянных в других городах Латвии точно не известно, но установлено, что в большинстве городов в живых не осталось ни одного еврея. Страшная судьба постигла относительно многочисленное еврейское население Литовской ССР, на которое гитлеровский террор обрушился в первую очередь. В Вильнюсе, Свенцянах и других городах Литвы евреи истреблены поголовно. Тысячами они ещё скрываются в лесах, где ведут жизнь затравленных зверей, живут в норах и берлогах, одеты в лохмотья, вымирают от голода и болезней. Известно, что многие литовские крестьяне, которые сами изнывают под тяжелым гнетом захватчиков, находят пути для того, чтобы поддержать своих еврейских братьев и в меру собственных скудных возможностей бесплатно снабжают их пищей, хотя и знают, что любая помощь еврею, как об этом объявлено оккупантами, карается смертной казнью.

По сообщениям, поступившим от партизан Северного Кавказа, гитлеровцы, зверски расстрелявшие 12 августа с. г. 700 евреев в г. Ворошиловске, свыше 4500 человек — в районе Пятигорска, не установленное число в Краснодаре и Армавире, где были арестованы все евреи

и вместе с сотнями советских граждан русской и других национальностей увезены на расстрел, — перед расправами особо тщательно, под руководством офицеров, собирали все личное имущество обреченных людей, включая и поношенные вещи, мелкую домашнюю утварь и т. д., и отправляли собранное в Германию.

После того как осенью и зимой 1941/42 г. по Украине прошла волна неслыханных массовых расправ с евреями, могло казаться, что кровожадность оккупантов уже удовлетворена и что истребление евреев, особенно в городах, зашло настолько далеко, что палачи просто не найдут достаточно жертв для массовых казней. Однако именно для того, чтобы повторить расправы в грандиозном масштабе, гитлеровцы, после длительной и методичной подготовки, сосредоточили в ряде украинских городов мелкими группами евреев, схваченных в деревнях, местечках — везде, где они могли быть найдены, — и, собрав их в группы по несколько тысяч человек, устроили по всей территории Украины 26 и 27 августа с. г. новую кровавую бойню, после которой можно считать, что почти все еврейское население этих областей уничтожено. Так, в гор. Сарны, после казни 18 тысяч евреев весной с. г., вновь было сконцентрировано свыше 14 тыс. человек, которые были казнены одновременно 26 августа. Массовые казни произошли в эти два дня в Рокитно, где, наряду с 1600 евреями, было расстреляно 800 украинцев, в Березно, где, по данным самих немцев, было расстреляно 1250 человек, в Костополе, где оккупанты истребили за один день 1400 евреев, в Здолбуново, где было нагромождено полторы тысячи трупов, и во многих других украинских городах. Немногие спасшиеся — старики, женщины и дети — бродят по лесам, оборванные, босые

и голодные, в надежде на встречу с партизанскими отрядами.

Этот скорбный лист можно было бы продолжить. Приведенные факты представляют собой лишь небольшую часть фактических материалов, поступивших и продолжающих поступать в распоряжение Советского Правительства. Полная картина страшных злодеяний потерявших всякий человеческий облик гитлеровских садистов, несомненно, выявится лишь после изгнания этих вырожденков с советской земли. Однако то, что уже вскрыто, показывает, что людоедские инстинкты клики Гитлера — Геринга — Гимmlера — Геббельса и их генералов никогда не будут удовлетворены, что, истребив всех евреев, эти бесы будут продолжать истреблять русских, украинцев, белорусов, французов, чехов, поляков, сербов, не говоря уже о том, что лучшие люди немецкой нации уже уничтожены в течение десятилетия пребывания у власти этих вырвавшихся на волю уголовников. Более чем когда-либо Советское Правительство убеждено, что только истребление преступной гитлеровской клики и всех её пособников, в результате совместной победы свободолюбивых народов над немецко-фашистскими армиями, предотвратит истребление гитлеровцами мужчин, женщин и детей, живущих на европейском и других материках, к какой бы национальности они ни принадлежали.

Советское Правительство считает антисемитское неистовство гитлеровцев не только доказательством их духовного убожества, тупоумия и жестокости, но и признаком их внутренней слабости и обреченности. Старшее поколение советских людей хорошо помнит, что чем больше царский строй подтачивался как изнутри, так и под ударами народного возмущения, тем чаще пытался он, выражаясь словами В. И. Ленина, "использовать гнусней-

шие предрассудки самых невежественных слоев населения против евреев, чтобы организовать погромы, если не руководить ими непосредственно, — эти чудовищные избиения мирных евреев, их жен и детей, вызвавшие такое отвращение во всем цивилизованном мире".

Пробираясь к власти и захватив её обманом и насилием, гитлеровская клика пользовалась антисемитской демагогией для затуманивания сознания народа так же, как она прибегла с этой же целью к жульническому использованию слова «социализм» и как она преступно играла на национальных чувствах германского народа для проведения своих ненасытных империалистических планов. Бредовыми антисемитскими и расистскими «теориями» и погромной практикой клика Гитлера — Геринга — Гесса Геббельса — Гимmlера прикрывала свою неспособность и нежелание удовлетворить действительные национальные и социальные интересы германского народа, который был первой и станет последней жертвой гитлеризма. Своим антисемитизмом, который, как указал И. В. Сталин 12 лет тому назад, "как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма", — гитлеровцы прикрывали свою ненависть ко всему человечеству, свое стремление уготовить всем народам ту же участь, что и еврейскому населению на подвластной немцам территории, — бесправие, концлагерь, голод, вымирание, массовое истребление. Гитлеровский антисемитизм был и остается ширмой для захватнических планов германского империализма, его самой разнузданной разновидности. Если этот антисемитизм принимает сейчас формы небывалого в истории человечества организованного умерщвления миллионов людей, то этот пароксизм гитлеровского бешенства, эта попытка удовлетворить любой ценой самые низменные

инстинкты и садистскую извращенность своих сторонников является показателем ослабления начавшегося разложения и близящейся гибели преступного гитлеровского «порядка».

Советский народ с отвращением относится к расистскому мракобесию и кровавому безумию гитлеровских антисемитов. Отечественная война сплотила, как никогда, все народы, все национальности Советского Союза, конституция которого, претворенная в жизнь, закрепила, как непреложный закон "равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни" и объявила, что "какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения, — караются законом".

В этом же духе воспитана и им воодушевлена Красная Армия, которая, как было указано в приказе Народного Комиссара Обороны И. В. Сталина от 23 февраля 1942 года, "свободна от чувства расовой ненависти. Она свободна от такого унижительного чувства, потому что она воспитана в духе расового равноправия и уважения к правам других народов". Эти принципы несет с собой Красная Армия в своей великой освободительной борьбе.

Советское Правительство считает, что всякая пропаганда и поощрение расовой исключительности и неравноправия народов идет в пользу врагам свободолюбивых стран и что, в частности, за антисемитизмом обычно скрывается подрывная деятельность агентов против-

ника. Советский народ исполнен надежды, что разгром гитлеровских мракобесов, которые в процессе данной войны дошли до описанного выше кровавого безумия, навсегда положит конец подобным преступлениям и укрепит безопасность народов. Поэтому, выражая волю советского народа, Советское Правительство провозгласило недавно через своего главу, в качестве первых двух пунктов программы действий англо-советско-американской коалиции, — "уничтожение расовой исключительности; равноправие наций и неприкосновенность их территорий".

* * *

Советское Правительство настоящим во всеуслышание декларирует, что сделанное им 14 октября 1942 года, в ответ на обращение представителей девяти захваченных гитлеровской Германией стран Европы, заявление "об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы", полностью относится к тем неслыханным преступлениям, которые совершаются гитлеровцами и любыми их сообщниками с целью физического истребления еврейского населения в оккупированной части Европы. Советское Правительство торжественно предупреждает, что все лица, прямо или косвенно причастные к организации, поощрению или совершению преступлений над мирными гражданами еврейской, как и любой другой национальности, подлежат при первой же возможности задержанию, выдаче, преданию суду и самому суровому наказанию, по всей строгости уголовного закона. Советское Правительство полагает также, что содержащееся в его заявлении от 14 октября 1942 года предложение о предании суду Международного Трибуна-

ла главарей фашистской Германии, по мере того как они оказываются в руках союзных правительств, следует применить и в отношении основных зачинщиков и организаторов массового умерщвления евреев на оккупированной гитлеровцами территории.

Наступило время сказать и германскому народу, что все цивилизованное человечество будет считать и его соучастником в страшных кровавых преступлениях и разделяющим ответственность за них, пока германские солдаты будут повиноваться приказам своих преступных начальников, пока германские солдаты не сложат оружия перед армиями Объединенных Наций, пока германский народ не свергнет тиранию Гитлера и его кровавых генералов.

Советское Правительство призывает народы оккупированных немецко-фашистскими армиями стран оказывать всю посильную помощь беззащитным жертвам гитлеровского террора, ибо, помогая этим жертвам, укрепляя солидарность между всеми пострадавшими от преступной берлинской банды убийц, народы захваченных гитлеровцами стран тем самым содействуют и собственному освобождению.

Придавая особое значение той помощи, которую могут оказать жертвам гитлеровского безумия нейтральные страны Европы, прежде всего путем настояний на беспрепятственном выезде из Германии преследуемых гитлеровцами лиц еврейской и других национальностей и предоставления этим лицам возможности проезда и въезда в нейтральные страны, Советское Правительство выражает надежду, что правительства нейтральных государств Европы осознают и выполняют свой долг гуманности.

Советское Правительство не сомневается, что все Объединенные Нации поднимут свой голос протеста против кровавых злодеяний германского правительства и его сообщников и в свою очередь предупредят их о неминуемой и тяжелой ответственности за преступления, равных которым не знала история человечества.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

В. МОЛОТОВ.

Москва, ""декабря 1942 года".

Сегодня трудно сказать, почему наркому Молотову не понравился текст Уманского. Были ли это только "служебные обстоятельства" совпадения различных заявлений по еврейскому вопросу или сомнения по существу (может быть, было мало ссылок на Сталина). Не исключено, что к декабрю 1942 года уже поостыла интернационалистская фразеология советского руководства, которую вскоре сменили великодержавно-русские настроения в верхушке государства, уже миновавшего глубочайшую точку военного падения и не нуждавшегося в солидарности (и материальной помощи) еврейской общественности за пределами советских границ. Как говорится, "возможны варианты". Но эти обстоятельства не снимают высокого морального пафоса этого (даже сильно урезанного) заявления советских властей от 19 ноября 1942 года, в котором на весь мир должна была прозвучать правда о том, что получило название холокоста. Правда о том, что с 1941 года совершалось на землях Советского Союза, а в 1944 году пришло в Венгрию.

План «Ваннзее» в действии

План «Ваннзее» осуществлялся ещё до того, как он был утвержден.

первые месяцы после вторжения СС и вермахта в Советский Союз были ознаменованы массовыми расстрелами евреев в Киеве, Яссах, Одессе, Каунасе и Риге;

в октябре 1941 года началась депортация евреев из Германии в лагеря уничтожения;

в марте 1942 года началась депортация евреев из Словакии;

в том же месяце 1942 года депортации подверглись евреи в оккупированной Франции и Словакии;

июль 1942 года стал месяцем начала депортации из Голландии;

в августе пришла очередь еврейского населения Франции и Бельгии;

в октябре 1942 года началась депортация из Норвегии;

в марте 1943 года пробили час для евреев в Греции, Македонии и Фракии;

в октябре началась депортация из Дании и Италии.

Сколько человек пало жертвой "плана Ваннзее"? 26 ноября 1945 года перед Нюрнбергским трибуналом предстал штурмбаннфюрер СС Вильгельм Хёттль. Он вспомнил о разговоре, который состоялся у него в Будапеште в конце августа с Адольфом Эйхманом — участником совещания в Ваннзее и руководителем отделения РСХА, от-

ветственным за депортацию и уничтожение евреев. Хётль спросил его:

— Сколько же у вас на совести?

Эйхман ответил:

— Цифра эта представляет государственную тайну. Но на основе имевшихся данных я считаю, что в различных лагерях уничтожения было умерщвлено приблизительно 4 миллиона человек. Кроме того, ещё 2 миллиона были умерщвлены иными методами, преимущественно действиями «эйнзатц-команд» СС во время русского похода...

С этого времени страшная цифра 6 миллионов стала привычной для описания геноцида еврейского населения. Конечно, эту оценку историки попытались поставить на фактическую базу. Это оказалось непростым делом.

Во время войны никто (даже коменданты "лагерей смерти") не вели точной и полной статистики убийств. С большим трудом ученые различных стран восстанавливали данные — некоторые по имевшимся отчетам СС, другие путем сравнения исходных данных о численности еврейского населения до немецкого вторжения. Особенно трудным оказался подсчет жертв "плана Ваннзее" на территории СССР: ведь в своих отчетах Чрезвычайная государственная комиссия не выделяла групп отдельных национальностей и вопреки духу и букве советского заявления от 19 декабря 1942 года, не учитывала тех действий, которые немецкие оккупанты предпринимали во исполнение приказов Гитлера и Гиммлера об "окончательном решении еврейского вопроса". Тем не менее авторы вышедшего в Германии фундаментального исследования "Масштабы геноцида" пришли к выводу: минималь-

ная цифра уничтожения — 5,29 миллиона, максимальная — немногим более 6 миллионов человек.

Сама Германия 165 000

Австрия 65 459

Люксембург 5000

Франция и Бельгия 77 320

Бельгия 28 800

Голландия 100 000

Дания 116

Норвегия 762

Италия 7680

Албания 581

Греция 67 000

Болгария 11 393 (депортированы, но спасены)

Югославия 65 500

Чехословакия 146 150

Румыния 211 214

Польша 2 700 000

СССР 2 100 000

В этом скорбном списке опущена Венгрия. Почему? В стране, которая фактически входила в фашистскую «ось», к 1944 году — времени, которое мы исследуем, — сохранилось довольно компактное еврейское население, расправу с которым режим адмирала Хорти по различным причинам старался отложить. Основной была боязнь за внутреннюю стабильность положения в стране; до поры до времени власти ограничивались требованиями ноше-

ния "желтой звезды", ограничением свободы передвижения. Но тактике оттяжек вскоре пришел конец, чем и занялся прибывший в Будапешт начальник отдела IV-B в Имперском управлении безопасности Адольф Эйхман. К марту 1944 года в Венгрии было зарегистрировано 875 000 лиц, числящихся официально евреями. Программа Эйхмана гласила: сосредоточение евреев для последующей депортации.

Но изощренность мышления эсэсовских планировщиков геноцида не знала пределов. Для прямолинейного исполнителя (того же Эйхмана) 875 тысяч было цифрой будущих жертв Освенцима и Майданека. А для высшего руководства СС количеством заложников в новой хитроумной игре, которую задумали руководители РСХА для спасения рейха, а ещё проще — для спасения собственной шкуры.

...Еще в 1942 году ответственный за судьбу евреев Словакии эсэсовец Вислицени предложил еврейским организациям сделку — прекратить дальнейшую депортацию евреев (их тогда оставалось в Словакии 35 тысяч) за мзду в размере 55 тысяч долларов. Деньги были быстро собраны, заплачены, депортация временно прекратилась. Именно тогда в СС стали говорить о так называемом "Европейском плане", согласно которому СС могло предложить обмен ещё живых евреев из концлагерей (1 миллион человек) на сумму 2 миллиона долларов. Когда же Вислицени перебрался из Словакии в Венгрию и стал членом "специальной команды" Эйхмана, то в руководстве еврейской общины и в руководимой Рудольфом Каствнером организации самообороны и спасения ("Ваада") сразу напомнили своему партнеру по торговле живым товаром о былой практике. На что Вислицени (разумеется, с ведома Эйхмана) немедля пошел. В марте 1944 года

член «Ваады» Фройдигер встретился с Вислицени в его штабе, находившемся в отеле «Астория», а в апреле Вислицени потребовал от «Ваады» всего 2 миллиона долларов, а в качестве задатка — 200 тысяч долларов в венгерской валюте. Присутствовавшие представители вермахта запросили 10 процентов «комиссионных». Было срочно собрано 5 миллионов пенго, затем недостающая сумма. В ответ представители СС обещали разрешить выезд некоторого числа евреев в США или в какую-либо нейтральную страну. Так по частям складывался специфический аспект холокоста — печально знаменитый обмен "кровь на деньги".

Миссия Йоэля Бранда

...Весна 1944 года была ознаменована одним событием, которое сыграло в истории судеб еврейства и одновременно в судьбах отношений между державами антигитлеровской коалиции важнейшую — если не решающую — роль. В дипломатических актах оно обозначено как "миссия Йоэля Бранда".

Вкратце её хронология. 25 апреля Эйхман пригласил к себе одного из руководителей будапештской «Ваады» Йоэля Бранда на доверительную беседу. Он предложил ему направиться за границу и установить контакт с союзными державами и всемирными еврейскими организациями с целью обсуждения "сделки века": обмен миллиона венгерских и иных евреев на 10 тысяч грузовиков, 200 тонн чая, 800 тонн кофе, 2 миллиона кусков мыла, а также иные военно важные товары. В качестве "первой порции" Эйхман предложил 100 тысяч евреев из Освенцима, которые направились бы в любую точку мира — за исключением Палестины (последнее условие — по

требованию арабского лидера "великого муфтия Иерусалимского" Аль-Хуссейни). Эти предложения были переданы подпольной радиостанцией «Ваады» в Стамбул и в Женеву. 17 июня Бранд был доставлен немцами через Вену в Стамбул, где западным союзникам и были вручены предложения Эйхмана.

Сопровождал Бранда Банди Гросс, он же Эндре Грайнер — человек, работавший сначала на абвер, потом на СС и одновременно на венгров, американцев и англичан. Этот профессиональный агент вместе с членами команды Эйхмана Венингером и Седлачком уже давно установил контакт с руководством Еврейского агентства в Стамбуле и доставлял от них почту и деньги еврейским организациям в Будапеште, Братиславе, Вене и Варшаве. Золото и валюта поступали в немецкую казну, а евреям выплачивали деньги в местной валюте. Гросс получал 10 процентов комиссионных. Со временем в операцию включилась — и тоже на комиссионных началах — венгерская разведка. Гросс был идеальной фигурой для проталкивания сделки "кровь за доллары". Хотя, конечно, это был не просто торг.

14 мая 1944 года, то есть до отъезда Бранда и Гросса в Стамбул, Гросса вызвали представитель СД (служба безопасности) в Будапеште штурмбаннфюрер Отто Клагес и его помощник Фриц Лауфер, получившие указания от главы СД Кальтенбруннера. Они заявили: "Пришло время окончить войну с Западом. Необходим единый фронт против России", — и, спросив, можно ли установить связь с западными правительствами через сионистов, дали Гроссу конкретные указания — с кем и как беседовать о возможной встрече высших офицеров СС с союзниками. Иными словами, следовало "вбить клин" меж-

ду западными союзниками и СССР. Сам Гросс прекрасно понимал замысел СС.

— Неужели ты думаешь, — говорил он Йоэлю Бранду, — что Эйхман хочет освободить миллион евреев, чтобы получить доллары или грузовики? Гиммлер полагает, что ему удастся вбить клин между Западом и русскими. С Гитлером заключать сепаратный мир не станут — но Гитлера можно сбросить как балласт...

Гиммлер использовал идею спасения евреев для контакта с Западом не только в Будапеште и Стамбуле. 26 июня, в дни, когда в Стокгольме уже обсуждалась миссия Валленберга, представитель американской разведки (УСС) в Швеции Ивер Ольсен сообщил в Вашингтон: к нему обратился работавший одновременно и на Канариса, и на Кальтенбруннера немецкий разведчик Петер Клейст (его связи с абвером, как и с СС, не были секретом в Стокгольме) с предложением организовать выкуп 2000 латвийских евреев за 2 миллиона долларов. Клейст намекнул, что контакты по этому вопросу могут быть использованы "и для других целей". Примерно тогда же эмиссары Гиммлера прибыли с предложениями о "выкупе евреев" в Мадрид и Лиссабон. Гиммлер, став жертвой собственной пропаганды, уверовал в абсолютную силу международного еврейства и рассчитывал великодушием в отношении нескольких тысяч евреев (уже уничтоженные миллионы в счет не шли) заручиться его поддержкой.

В Стамбуле, Каире, Лондоне и Вашингтоне ломали головы: что делать с предложением Эйхмана — Бранда? Эйхман поставил срок 20 мая, после чего угрожал ускорить депортацию венгерских евреев в лагеря смерти. Представители Еврейского агентства (и среди них буду-

щий премьер-министр Израиля Моше Шертук) считали, что надо вступать в переговоры. Этому же мнения придерживался срочно прибывший в Каир из-за океана чиновник администрации США Айра Хиршман, нашедший поддержку у госсекретаря Хэлла с такой аргументацией: если мы откажем, нас обвинят в нежелании помочь спасению евреев...

Британская реакция была более осторожной. Верховный комиссар в Палестине сэр Макмайкл прямо заявил, что пойти на переговоры — значит способствовать немецкому замыслу вбить клин между союзниками. Кроме того а, возможно, это соображение было главным, — британские дипломаты не очень доверяли обещанию своих еврейских партнеров не направлять миллионный поток беженцев в Палестину.

Что касается «клина», то все было вполне очевидно: в первых же беседах в Стамбуле Бранд (буквально на аэродроме) передал заверения Эйхмана, что запрашиваемые 10 000 грузовиков пойдут только на Восточный фронт. Кроме того, агент УСС «Ирис» (Лауфер) подробно информировал резидентуру УСС о закулисной игре Гимmlера.

Решение было принято соломоново — запросить мнение Москвы, тем более что там все равно узнают о миссии Бранда. А так как русские безусловно не одобряют сделку, Вашингтон и Лондон получают алиби для отказа. Так в Москву пошли 2 ноты. Первая — английская (14 июня). Затем — от США (15 июня). Вот их содержание¹:

Дорогой г-н Вышинский,

Я пишу, чтобы информировать Вас о том, что, согласно заявлению, сделанному руководителями сионистского движения г-ном Бен Гурион и г-ном Шертук Бри-

танскому Высокому Комиссару в Иерусалиме, 24 мая от их представителей в Стамбуле получено сообщение следующего содержания:

19 мая хорошо известный и заслуживающий доверия представитель сионистского движения в Венгрии г-н Джоэль Брандт² прибыл из Вены в Стамбул на немецком самолете в сопровождении агента венгерского гестапо, который имеет несколько вымышленных имен (как-то: Андю Джордж, Андю Гросс) и, насколько известно, находится ещё в Турции. Бранд был направлен в Турцию в сопровождении этого человека, находящегося в роли сторожевого пса, высшими руководителями германского гестапо специально для того, чтобы сделать еврейским руководителям в Палестине, Англии и Америке и высшим властям союзников следующее альтернативное предложение. Или полное уничтожение всех евреев, оставшихся в Венгрии, Румынии, Чехословакии и Польше, или нацисты были бы согласны эвакуировать один миллион евреев из этих стран в Испанию и Португалию (однако не в Палестину, как они об этом специально заявили). В обмен они требуют доставить десять тысяч грузовиков-машин и определенное количество кофе, чая, какао и мыла. В качестве подтверждения их добросовестности они были бы готовы, как только это предложение было бы в принципе принято, освободить первую партию от 5000 до 10 000 евреев, до получения какой-либо соответствующей компенсации. Они также были бы готовы обменять евреев на германских военнопленных. Если это предложение будет отвергнуто, они приступят к выполнению своей программы подлинного уничтожения. Эмиссар должен вернуться в Будапешт с ответом в течение двух недель, считая с 19 мая.

Г-н Бранд полагает, что сроки переговоров могли бы быть продлены, если бы было дано доказательство того, что проект серьезно рассматривается в высших союзных кругах. Полагают также, что не исключена возможность замены всех или части поставок натурой платежами наличными через Швейцарию и что обменные операции, а именно — эвакуация и компенсация, могли бы быть осуществлены последовательными этапами.

Г-н Бранд сообщил, что 300 000 венгерских евреев уже согнаны в концентрационные лагеря, что является предварительным мероприятием перед их отправкой. Проводится сбор остальных евреев. Разработаны планы ежедневной отправки, начиная с 22 мая, 12 000 евреев на польские бойни, но эта мера, как полагают, должна быть отложена на время в ожидании переговоров. Данное сообщение о положении в Венгрии, как говорят, полностью подтверждается не вызывающими сомнения венгерскими очевидцами, которые также прибыли в Палестину 24 мая.

Г-н Бен Гурион и г-н Шерток далее сообщили, что в свете второй информации и основываясь на опыте прошлого, Еврейское агентство опасается, что судьба венгерских, чехословацких и румынских евреев предрешена, если они не будут вовремя спасены. Они выразили надежду, что важность и кажущийся фантастический характер этого предложения не отпугнут власти союзников от принятия согласованных и решительных мер для спасения возможно большего числа евреев. По их заключению, они полностью сознают огромные трудности, но они верят, что эти трудности не окажутся непреодолимыми, если эта задача будет решаться со всей смелостью, кото-

рой требует беспрецедентная катастрофа, угрожающая евреям Европы.

Г-н Шерток заявил, что он как можно быстрее отправится в Стамбул с тем, чтобы получить дальнейшие сведения от г-на Бранда. Он просил Британского Высокого Комиссара немедленно передать Британскому и Американскому Правительствам то, что он и г-н Бен Гурион рассказали ему, и принять меры к тому, чтобы д-ру Вейцману в Англии и д-ру Гольдману в Соединенных Штатах было обо всем сообщено совершенно секретно.

Это было сделано, и я получил указания сообщить Советскому Правительству об этом, якобы имевшем место, германском демарше. Рассматривая пока эти предложения, как, возможно, просто ход в политической войне, мое Правительство считает, что они не должны быть отвергнуты без самого тщательного рассмотрения, и оно поэтому согласилось с тем, чтобы г-н Шерток, как представитель Еврейского агентства, соблюдая необходимую предосторожность, расспросил г-на Бранда в Алеппо, с целью получения дальнейшей информации.

Искренне Ваш — Арчибальд Кларк Керр".

Через день последовала американская нота, которая с некоторыми несущественными разночтениями повторяла все то же.

Уже 18 июня Вышинский, естественно, ответил, что СССР считает любые переговоры с гитлеровцами неприемлемыми. Почему так необычно быстро? Впоследствии стало известно, что турецкий шофер резидентуры УСС в Стамбуле работал на советскую разведку и мог сообщить о приезде Бранда. Да к тому же в Лондоне сидел Ким Филби с его интересом к ближневосточным делам. Так или иначе, отказ СССР был получен, сделка не состоя-

лась, и британская сторона решила информировать Москву в таких выражениях: "Предложения Бранда не будут иметь никаких серьезных последствий и... мы решили не иметь ничего общего с предложениями Бранда..."

Действительно, в Москве к планам Гимmlера относились с огромной настороженностью. Подозрительность Сталина усиливалась тем, что о миссии Бранда советская разведка узнала раньше, чем поступила официальная информация от союзников, а о поездке Клейста в Стокгольм англичане сообщили в Москву только в конце августа, не разъясняя её смысл.

Как вспоминал маршал Жуков, 8 июля 1944 года на совещании высших военных начальников в Кремле говорилось о немецких планах сепаратного мира. Молотов считал их реальной опасностью. Сталин же считал, что Рузвельт и Черчилль сейчас не пойдут на сделку с Гитлером. Однако все агентурные сети советской разведки уже получили указание следить за попытками сговора "англо-американских реакционных кругов" с немцами.

Таков был общий настрой Москвы летом — осенью 1944 года, когда война приблизилась к Балканам, а в Будапешт собрался ехать Рауль Валленберг.

Глава 2 С РАУЛЕМ ВАЛЛЕНБЕРГОМ

Эскиз биографии

...У прадеда Рауля, Андре-Оскара Валленберга было 20 детей, и среди них немало знаменитостей. Так, Кнут Валленберг был шведским министром в годы Первой мировой войны. Своего отца, блестящего флотского офицера, родившегося в 1912 году, Рауль никогда не видел: тот умер за три месяца до рождения сына. Рауль рос у деда Густафа, дипломата, тогда посла в Турции. Отсюда и началась бродячая жизнь: Турция, Греция, Англия, Франция, Германия, США...

В высшем стокгольмском обществе Рауль — привлекательный молодой человек спортивного вида — пользовался хорошей репутацией. Он уже успел поехать по миру — был в США, Южной Африке, не говоря уже о странах Европы. В Штатах он изучал архитектуру, хотя это образование не завершил. Но своего места пока в жизни не нашел: видимо, ему мешал синдром "человека из знаменитой семьи". К своим богатым родичам — дядьям Якобу и Маркусу — он относился не без критики. Правда, сам он был не без странностей. Например, очень любил подражать животным. Всех удивляло и его холостячество, ведь он был завидным женихом. Политикой Рауль интересовался мало, хотя имел друзей среди левых. В одном из своих писем домой он рассуждал о советском пятилетнем плане, требовавшем, по его мнению, "великих жертв от советского народа". Сталин, писал Ра-

уль, "дал великому народу возможность жить и развиваться".

Первая встреча с еврейскими делами состоялась у Рауля ещё в годы "учебы на банкира". В 1936 году он полгода прожил в Хайфе — торговом центре тогдашней британской подмандатной территории. На улице Хабаким до сих пор стоит дом 14, в котором Рауль изучал банковское дело в Холланд-банке. Другой валленберговский адрес в Хайфе — дом 18 по Арлазоров-стрит, где находился небольшой «кошерный» пансион Германа Струка, содержавшийся еврейской семьей. Здесь Рауль познакомился с другими постояльцами, среди которых была семья Ариэля Кахане, бежавшая из Германии от нацистских порядков. От неё он узнал о том, что такое расизм и антисемитизм. Сам он евреем не был — в его жилах текла всего 1/16 еврейской крови, что тем не менее он имел обыкновение преувеличивать. "Такой человек, — сказал он однажды, — который наполовину Валленберг, наполовину еврей, — такой человек не пропадет". Конечно, он знал об активном участии главного валленберговского Эншильда-банкен в сделках с еврейскими банками в других странах. Но классическая «еврейская» профессия банкира Раулю не задалась. Из Хайфы он писал: "Если сказать правду, то я не чувствую себя банкиром". Холланд-банк дал ему безапелляционную рекомендацию: "для банковского дела непригоден".

Архитектора из него не получилось тоже. В Эншильда-банкен его не взяли. Занятие мелким бизнесом не приносило ему достаточного дохода. Не удался ему бизнес с ЮАР: шведско-швейцарская фирма, которую он основал вместе с одним немецким эмигрантом, быстро обанкротилась. "У меня нет ни работы, ни денег", — писал он однажды, когда собирался обосноваться вне

Швеции. В 1939 году он послал отчаянное письмо дяде Якобу с просьбой о помощи. Тот свел его с известным шведским промышленником Саленом, а Сален нашел ему место в небольшой фирме Мелланеуропейска Хандельсболагет ("Среднеевропейская торговая компания"), акциями которой владел Сален. Эта фирма занималась торговлей различными товарами в Европе, владел ею венгерский еврей Коломан Лауэр. Рауль побывал и в довоенной Венгрии, где был гостем семьи адмирала Хорти. Еврейские дела со времени хайфских знакомств продолжали занимать молодого шведа, возмущавшегося злодеяниями немецких расистов. Сохранился рассказ одной известной шведской актрисы, которую одно время считали близкой к Раулю. Она не без иронии рассказывала, как он пригласил её однажды на ужин в свою холостяцкую квартиру и всю ночь проговорил с ней... о злодеяниях нацистов в Германии.

Итак, к началу войны в Европе (в ней Швеция, как известно, не участвовала) Рауль Валленберг был сложившимся неудачником. Дипломата (как об этом мечтал дед Густаф) из него не получилось, банковская карьера отпала, архитектурная — тоже. Правда, мы до сих пор не знаем всего о Рауле: злые языки утверждают, что он в начале войны выполнял некие задания Эншильда-банкен, связанные с делами Валленбергов с немцами на оккупированных ими территориях, а также во Франции и Венгрии. В ноябре 1941 года Рауль даже получил шведский «специальный» зарубежный паспорт, что без протекции Валленбергов-старших было бы невозможно. Но так или иначе, Рауль к лету 1944 года оставался на весьма скромном амплу совладельца Мелланеуропейска Хандельсболагет, вел весьма скромную жизнь.

Как же он очутился в Будапеште? Легенда приписывает все случаю: в том же доме, где располагалась фирма Лауэра — Валленберга, находилось бюро Ивера А. Ольсена — финансового атташе посольства США в Швеции одновременно представителя созданного в 1944 году американского Совета по делам беженцев войны (War Refugees Board — сокращенно WRB — ВРБ). Однажды в лифте г-н Ольсен встретился с Лауэром, семья которого оставалась в Будапеште. Лауэр, опасаясь за судьбу своей семьи, собрался послать туда Рауля Валленберга и рассказал об этом сердобольному Ольсену. Тогда Ольсен и призадумался...

Конечно, случаи играют огромную роль в истории. С одной стороны, ничто так не закономерно, как случайности. В этом можно убедиться, повнимательнее присмотревшись к личностям и учреждению, принявшим участие в дипломатической акции — посылке Рауля Валленберга в Будапешт. Сначала — о Совете по делам беженцев войны. Он был создан по распоряжению президента Рузвельта 22 января 1944 года. В его функции входила помощь лицам, подвергшимся преследованиям и вынужденным бежать из своих стран, захваченных нацистами. В этой помощи в первую очередь нуждалось еврейское население этих стран, которому угрожало физическое уничтожение. Международные еврейские организации давно требовали, чтобы США активно включились в гуманитарные попытки вывезти из Европы тех, кому по "плану Ванзее" было предначертано попасть в лагеря смерти. Американские иммиграционные законы долго не допускали ни вывоза лиц из оккупированных стран в США, ни участия США в подобных акциях. В 1944 году правительство США решило пойти как на изменение иммиграционных правил для жертв войны, так и на создание специального учре-

ждения — вышеупомянутого Совета. ВРБ вскоре открыл свои представительства в нейтральных странах — Швеции, Швейцарии, Португалии, Турции. Ивер Ольсен с апреля 1944 года занял пост уполномоченного ВРБ в Стокгольме.

Однако у американского гражданина, норвежца по происхождению, Ивера А. Ольсена была ещё одна должность, не обозначенная на его визитной карточке финансового атташе и представителя ВРБ. Опытный финансовый специалист и в свое время сотрудник Министерства финансов США, Ивер Ольсен одновременно был представителем Управления стратегических служб США (УСС) иными словами, резидентом американской стратегической разведки, которую возглавлял генерал Уильям Donovan.

"Синтез" ВРБ и УСС в персоне Ольсена имел любопытное прошлое. Созданное в 1942 году УСС вело напряженную борьбу за влияние на американскую политику с традиционными гигантами — Пентагоном и государственным департаментом. Те не хотели сдавать свои позиции. Donovanу не удавалось даже свободно использовать шифросвязь Госдепа! Было много проблем с размещением своих людей в посольствах за рубежом. Поэтому, как пишет израильский исследователь Рональд У. Цвайг, УСС "рассматривало создание Совета по делам беженцев как примечательную возможность и немедленно приложило усилия, чтобы установить с ним тесные связи".

Функции представителя ВРБ, которые он стал исполнять с 11 апреля 1944 года, давали Ольсену дополнительный вес в посольстве и у посла Хершеля Джонсона, весьма интересовавшегося еврейскими делами — особенно со времени параллельных публичных обращений ко-

роля Густафа и президента Рузвельта к регенту Хорти с предупреждениями об ответственности за судьбы еврейского населения. Кроме того, через ВРБ шли в Европе колоссальные денежные средства от еврейских организаций, не жалевших денег на спасение своих единоплеменников. В итоговом отчете ВРБ в конце войны приводились такие цифры:

Американский еврейский объединенный распределительный комитет ("Джойнт") 13 388 353

Американский христианский совет беженцев 149 000

"Американские друзья" (квакеры) 51 000

"Французская помощь" 150 000

Международная помощь и спасение 284 000

Союз ортодоксальных раввинов 700 000

Всего от частных организаций 17 200 763 долларов

Итак, средства немалые — 17, а по другим данным даже 20 миллионов. Сложность, однако, заключалась в том, что их нельзя было прямо переводить «адресатам»: все финансовые отношения с оккупированными странами были прекращены. Возможен был лишь перевод в нейтральные страны — в Швецию и Швейцарию. В Швеции деньги шли в валленберговский Эншильда-банк, где с помощью специальных операций менялись на венгерские пёнго, румынские леи или болгарские кроны, необходимые для распределения среди еврейского населения в гетто и вне их (иностранная валюта здесь хождения не имела!). Причастность к этим трансакциям давала представителям ВРБ-УСС дополнительный вес. Правда, не все средства попадали евреям: тот же Рональд Цвайг установил, что Ивер Ольсен пускал часть средства «Джойнта»

на переправку в Швецию из прибалтийских советских республик антикоммунистических групп, которых впоследствии УСС (далее — ЦРУ) использовали в своих целях. Но бог с ними главное, что деньги нигде не оседали.

Путь идеи о посылке шведского дипломата в Будапешт сейчас документально известен. 25 мая 1944 года посол Джонсон в Стокгольме получил от госсекретаря Хэлла директиву за номером 1010 — обратиться к шведскому правительству с просьбой "в гуманитарных целях предпринять необходимые шаги к максимальному увеличению шведского посольского и консульского персонала в Венгрии" с целью помощи евреям в Венгрии. С американской стороны подысканием кандидатуры занялся Ольсен. Посол 6 июня выполнил директиву, шведская сторона реагировала положительно, 27 июня Джонсон сообщил, что "некий местный бизнесмен... получит полный дипломатический статус и посвятит себя гуманитарным целям". 28 июня Джонсон уже назвал имя Валленберга с весьма положительной характеристикой.

13 июня с одобрения посла США Джонсона Ольсен передал приглашение Валленбергу на ужин в «Гранд-отеле», чтобы от имени посла предложить ему гуманитарную миссию в Венгрии. Кандидатура через несколько дней получила одобрение в шведском правительстве, равно как и короля Густафа, президента Рузвельта.

Перед отъездом

К числу бесчисленных легенд о поездке Валленберга в Будапешт принадлежит утверждение, что эмоциональный Рауль немедля «сорвался» с места, дабы скорее очутиться в венгерской столице. На деле было не совсем так. Календарь Валленберга сообщает, что Рауль встретился с

Ольсеном и Лауэром вечером 15 июня, 16-го был ужин в «Гранд-отеле», 17-го — в загородном владении Валленбергов Сальтшебадене. Отправился же Рауль в Берлин 7 июля. Избранник Ивера Ольсена не принял поста безоговорочно. Валленбергом были выдвинуты требования, соблюдения которых он ожидал от своих шведских и американских опекунов, а именно:

свобода рук в предпринимаемых действиях;

свобода возможных поездок в Стокгольм;

финансирование всей его деятельности Соединенными Штатами, собственный оклад — 2000 шведских крон;

право использования американских разведывательных каналов и получения от американских и британских разведслужб списка надежных лиц, через которых можно поддерживать контакты с венгерскими и немецкими властями;

право использования дипломатической переписки;

право выдачи "охранных паспортов";

право на контакты с венгерским правительством (тогдашним премьером Стояи).

Списку этому нельзя отказать в предусмотрительности и логичности, и он говорит, что Рауль был не так уж неопытен в секретных миссиях. Если уж особая миссия, то с особыми правами! Финансовая сторона была согласована немедля: от Ольсена Валленберг получил 20 000 шведских крон, на 100 000 крон был открыт специальный счет — не где-нибудь! — в валленберговском Эншильда-банкен. Как свидетельствуют все источники, Рауль Валленберг не только не испытывал в Будапеште ни-

каких финансовых трудностей, но буквально «разбрасывал» деньги, когда надо было подкупить венгерских и немецких чиновников. Утверждают, именно бездонный кошелек Валленберга предопределил его успехи в выдаче паспортов, создании "шведских домов" и иных мерах по предотвращению расправ с евреями.

Логичен ли был пункт о списке "контактных личностей"? Конечно. С этой целью Валленберг встречался с лидером венгерской социал-демократической эмиграции, бывшим министром советского венгерского правительства Вильмошем Бёмом, от которого получил рекомендации к остававшимся в Будапеште его единомышленникам. В списке было 18 человек, в их числе известные деятели венгерской социал-демократии Анна Кетли, Эндре Байчи-Жилинский, Магда Биро, Марта Бём. Встречался ли с ним и Валленберг — сказать трудно, во всяком случае документов об этом нет. Остается размышлять на тему: в какой мере Валленберг был вовлечен в ту часть замысла Ивера Ольсена, которая носила не столько гуманитарный, сколько разведывательный характер. Но одна фамилия в "контактном списке" Ольсена была особенно интересной: Фриц Лауфер, сотрудник Эйхмана и... агент американской разведки под кличкой «Ирис».

...В Будапеште недалеко от шведского посольства работал Отто Хатц, блестящий офицер, владевший всеми европейскими языками, включая русский, доверенное лицо военного министра Венгрии Чатай и начальника генштаба Сомбатхеи. Хатц, занимавший прежде посты флигель-адъютанта военного министра и военного атташе в Софии и Турции, в Будапеште стал участником большой политической игры, в которой рисковал карьерой и даже жизнью. Речь идет об операции по сотрудничеству разведок США и Венгрии, которую в Вашингтоне именовали "

операцией Цереус". Хатц в американских документах выступал под агентурной кличкой «Триллиум», а его американский руководитель — под кличкой «Дагвуд».

Игра началась в 1943 году, когда стамбульская резидентура УСС, возглавляемая бывшим банкиром полковником Ланнингом Макфарландом, решила вступить с Отто Хатцем в агентурную связь. На Хатца американцев навел все тот же агент сразу четырех разведок (американской, английской, немецкой и венгерской) Банди Гросс. Отто Хатц, как утверждают летописцы УСС, стал главным американским осведомителем на Балканах.

С точки зрения Хатца, все выглядело иначе. Он пошел на связь с американцами не как агент, а как уполномоченный представитель влиятельной будапештской группы, в которую входили генерал Сомбатхеи, сын регента Хорти и ряд дипломатов, понимавших необходимость выхода Венгрии из войны. Заметим, что Валленберг был дружен со многими в этой группе, включая младшего Хорти.

Живущий ныне в Мюнхене доктор Ференц Макра, долгое время сидевший рядом с Хатцем в качестве помощника в приемной военного министра, рассказывал мне, что уже с 1943 года в Берне, Лиссабоне, Стокгольме и Стамбуле шли усиленные политические зондажи в поисках наиболее выгодных для Венгрии условий выхода из войны (в частности, речь шла о том, чтобы избежать вступления в Будапешт советских войск). Но зондажей военных не хватало — и эту задачу должен был выполнить Хатц.

Летом 1943 года Хатц пошел на контакт — правда, стамбульские американцы оказались ограниченными ведомственными рамками. Это были разведчики, то есть не

подходили как партнеры для политических переговоров. На переданные Хатцем программные документы ответа не поступило. 25 мая состоялась очередная, последняя встреча «Дагвуда» (под этим псевдонимом скрывался американский офицер Альфред Шварц) и «Триллиума». Она не имела политического результата, но Шварц обратился к улетавшему в Будапешт Хатцу с серьезной просьбой — передать радиоаппарат для агентурной связи важному американскому агенту в Будапеште Фрицу Лауферу — в миру сотруднику СД в Венгрии. Хатц согласился.

Но вот какое удивительное совпадение: адрес этого исключительно важного для УСС агента, сидевшего прямо в «берлоге» Эйхмана и других высших чинов СС в Венгрии, получил в июне того же, 1944 года... Рауль Валленберг! Эту явку дал ему Ивер Ольсен!

Фигура Фрица Лауфера типична для той «многовалентной» ситуации, которая сложилась в годы войны в борьбе секретных служб. Чешский еврей из Праги, Франтишек Лауфер рано вступил на агентурную стезю, совершив простой обмен: абвер дал ему документы об арийском происхождении, получив от него согласие на сотрудничество. Это была часто применявшаяся практика.

Лауфер сначала работал на ведомство Канариса, затем перешел в СД. В Будапеште он занял пост главного агента СД при оберштурмбаннфюрере Клагесе. У Лауфера в венгерской столице было много обличей: директор фон Шредер, Людвиг Майер, Карл Хейнц. Зато лишь немногим был известен его псевдоним «Ирис». Так назвал его уже знакомый нам руководитель американской разведывательной сети «Цереус» Альфред Шварц — «Дагвуд». С «Дагвудом» Лауфер поддерживал регулярную связь, посылая ему документы и передавая донесения с курье-

рами и по радио. Тем самым Лауфер — хвала и честь американской разведке! — был ценнейшим источником важнейшей военной и особенно политической информации, в том числе и о секретных замыслах Гимmlера.

Не имея, к сожалению, возможности спросить об этом ветеранов УСС, я задал вопрос одному из ветеранов советской внешней разведки:

— Если бы у вас был такой агент в сердце СД и СС, стали бы давать его координаты человеку случайному и не связанному с вами какими-либо специальными обязательствами?

Мой собеседник ответил отрицательно. Действительно, трудно поверить, что Ольсен мог рискнуть ценнейшим агентом УСС только ради того, чтобы помочь Раулю Валленбергу в его гуманитарной работе в Будапеште.

Валленберг и его связи

Исследуя вопрос о корнях миссии Валленберга, надо отойти от примитивного представления о связях со спецслужбами. Конечно, как Мефистофель требовал от Фауста расписку кровью, так и при вербовке «рядовых» агентов сотрудник УСС (или НКВД) предпочитал получить расписку о сотрудничестве: такой-то обязуется поставлять разведданные и будет носить такую-то кличку. Но это только один вариант из десятков иных, особенно когда речь шла о лицах из высших кругов. Более того, известны случаи, когда агентурный псевдоним (или номер в делопроизводстве УСС) присваивался человеку, который и не подозревал, что в секретных докладах Рузвельту его цитируют «втемную», как агентурного источника.

В послевоенные десятилетия ЦРУ довольно болезненно реагировало на многочисленные версии о Валленберге как "американском шпионе", появлявшиеся в шведской, датской и американской печати. На полях очередного сообщения из Стокгольма о такой публикации кто-то из сотрудников ЦРУ приписал: "Шведское правительство всегда полагало, что Валленберг был шпионом".

Сомнения в том, работал ли Валленберг только на Совет по делам беженцев, были настолько сильны, что в ноябре 1955 года ЦРУ пришлось опросить Ольсена, к тому времени — отставного разведчика, вашингтонского представителя нью-йоркской фирмы "Трипп энд компани". Нетрудно догадаться, что Ольсен заверил чиновников ЦРУ: хотя он сам действительно представлял УСС в Стокгольме, с Валленбергом поддерживал связь только по линии ВРБ. Деньги, поступавшие от «Джойнта» в валленберговский Эншильда-банк, шли только в Венгрию. В декабре 1955 года ЦРУ снова обратилось к этой проблеме и повторило эти данные во внутреннем докладе, однако с оговоркой, что все материалы находятся в трех томах совершенно секретного досье ВРБ.

Однако в военные годы у самого Ольсена были опасения по поводу того, как воспринимается деятельность его подопечного. Он писал шефу ВРБ Джону Пеле, что "по его впечатлению, шведское министерство иностранных дел определенным образом обеспокоено деятельностью Валленберга в Будапеште".

Спору нет, для Ольсена и его обоих хозяев — в ВРБ и УСС — Рауль был важным приобретением. Отправляясь из мирного Стокгольма в военный Будапешт, он становился ценным наблюдателем прямо в центре событий, заодно располагавшим верным нейтральным (шведским)

дипломатическим каналом связи, теоретически недоступным для германского глаза.

Неудивительно, что английские дипломаты и разведчики сидящие в Стокгольме с завистью и неудовольствием отметили выбор Валленберга в качестве шведского эмиссара для посылки в Будапешт. В Лондон пошла саркастическая депеша. Ее авторы с завистью отмечали, что тем самым Валленберги обзаводятся связями в Юго-Восточной Европе, где после прихода русских намереваются делать дела. Что имели в виду английские разведчики? Неужели они намекали на какие-то связи Рауля с советской стороной? Или это относилось к дому Валленбергов (ведь только-только Маркус оказал Коллонтай большую услугу в налаживании переговоров с Финляндией)? Возможны оба варианта.

Остается ещё один (кстати, неисследованный) вариант: шведская разведслужба. Она существовала, и было бы для Валленберга естественным поддерживать с ней связи. Но в тени "больших служб" (США, СССР) они остаются несущественными.

Приезд: 9 июля 1944 года

Нет, Валленберг не спешил в Будапешт.

В одной легенде о нем часто приводится трогательный рассказ о том, как в Берлине на пути в Будапешт молодой швед, не получив места в очередном экспрессе, сел в какое-то тесное купе почтового поезда, лишь бы скорее попасть к месту назначения. В действительности Валленберг после визита в Берлине в шведское посольство (там служил его родственник — муж сводной сестры) и обеда у посла Рихерта сел 8 июля в 17 часов 21 ми-

нута на поезд, идущий... в Вену, чтобы посетить своего приятеля, праздновавшего свадьбу. Ну что ж за грех захватить в Вену? Никакого. Пусть же и этот эпизод не будет сочтен попыткой набросить тень на героя.

История венгерского холокоста (этот термин в те годы был неизвестен, а немцы предпочитали использовать формулу "окончательное решение еврейского вопроса") — одна из наиболее трагических страниц истории Европы. Потрясает та последовательность, которую проявил немецкий фашизм в выполнении расистских целей, причем не в своей собственной стране. Когда адмирал Хорти с некоторым недоумением спросил Гитлера (во время встречи 27 апреля 1943 года):

— Что же мне делать с евреями? Я и без того лишил их всякой возможности существовать. Не убить же их всех?

Тогда присутствовавший на беседе фон Риббентроп ответил:

— Либо уничтожить, либо отправить в концлагеря. Других возможностей нет.

Сам Гитлер пояснил:

— Можно прекрасно обойтись и без евреев. Зачем щадить бестий, которые несут нам большевизм?

Это требование не только предъявлялось, но и осуществлялось. Хорти преимущественно из боязни за внутреннюю стабильность, а также в интересах экономических (в Венгрии значительная часть капитала была в руках евреев-предпринимателей) — всячески оттягивал осуществление "окончательного решения" до момента

вступления в Венгрию вермахта 19 марта 1944 года. Прибыл в Будапешт и Эйхман.

Уже 3 апреля было введено обязательное ношение желтой "звезды Давида", 26-го созданы гетто, а 14 мая началась депортация. Страна была разбита на 6 жандармских зон, из которых последовательно отправлялись эшелоны с еврейским населением в лагеря уничтожения, находившиеся в Польше. Так, из зоны I было отправлено 289 557 человек (92 эшелона), из зоны III 50 805 (22 эшелона), из зоны V — 55 741 человек (10 эшелонов). Будапешт выделялся в особую зону. Эта статистика (она частично сохранилась) напоминала отчеты об угоне скота, и условия отправки были действительно скотские. Депортация шла до 8 июля, пока венгерское правительство под давлением мирового общественного мнения не решило её временно приостановить (воззвания направили в адрес Хорти шведский король Густаф, Папа Римский, президент Рузвельт). Осталось лишь будапештское гетто, население которого "из милости" решили отправить на трудовые работы. После прихода к власти Салаши и эти «милости» были отменены. Лишь дивизии Красной армии спасли ещё остававшихся в живых евреев от крематориев Освенцима.

Но у истории венгерского холокоста была одна ужасная особенность. Это была одновременно история вымогательства и обогащения чинов СС и венгерской жандармерии. Подобная «процедура» началась ещё в Словакии, где Вислицени получил от евреев многие тысячи долларов. В апреле 1944 года будапештские евреи пытались задобрить того же Вислицени, чтобы отсрочить депортацию: 19 апреля «Ваада» заплатила хауптштурмфюреру Крумею 3 миллиона пёнге, 8 мая Эйхман сделал Бранду свое знаменитое предложение обмена "ев-

реев на грузовики", он же получает деньги за отсрочку депортации из Семигорья. В августе «Ваада» выкупает 318 узников из Берген-Бельзена; в августе — ноябре идет торг Бехера с американскими уполномоченными еврейской общины Макклелландом и Сали Мейером в Швейцарии; причем американцы готовы заплатить 15 миллионов швейцарских франков. Пока же эсэсовцы получают 11 000 тонн кофе, 1000 кг меховых шкур, товаров на 261 690 пёнге, 13 миллионов пёнге наличными. Все это, разумеется, собирается непосредственно у жертв. Среди них немало людей богатых, но провинциальные власти не гнушаются и кольцами, ожерельями, золотыми цепочками. Полного подсчета подобной "бухгалтерии предсмертного грабежа" нет, да и не могло быть. Живыми остались лишь немногие — вроде семьи владельцев концерна Манфред-Вайсс или три сотни узников Берген-Бельзена, вывезенные в Швейцарию. Кстати, Рауль Валленберг в своей гуманитарной работе сам не раз использовал подкуп чинов СС и венгерских жандармов. Телефон одного из таких жандармских чинов значится в валленберговской записной книжке.

В историю XX века Валленберг вошел как спаситель венгерских евреев. Он, безусловно, заслужил памятник, стоящий ныне в венгерской столице. Но пусть нас не сочтут совершающими кощунство, если мы попытаемся поставить легенду о Валленберге на документальную основу. Действительный вклад Валленберга касался далеко не всех; в частности, он не имел отношения к обитателям будапештского гетто (их было 160 тысяч). Валленберг занимался лишь теми, кому он выдавал так называемые "охранные паспорта" ("шутцпассы") на право выезда в Швецию по различным (действительным и выдуманым) причинам. Подопечные Валленберга жили в домах,

считавшихся как бы экстерриториальными. Он действительно добился у венгерских властей этого статута, который распространялся примерно на 15 000 человек.

Если уж быть справедливым, то выдача "охранных паспортов" не была идеей Рауля Валленберга. Первым их стал выдавать швейцарский консул Карл Лутц, имя которого знакомо лишь историкам. Убежденный демократ и либерал, противник фашизма (а такими были в Швейцарии далеко не все чиновники и дипломаты), Лутц — вопреки предписаниям из Берна — стал составлять "охранные списки", в которые включал лиц еврейской национальности и вероисповедания, которые заявляли о своем желании эмигрировать в Швейцарию, а затем в Палестину. Таких сначала оказалось 7800 человек. Первый "коллективный паспорт" был выдан в июле 1944 года. Примеру Лутца последовали папский нунций Роатта, консульства некоторых других стран. Выдавало «шутцпассы» и шведское посольство до приезда Валленберга. Он лишь перенял этот гуманитарный опыт.

Как рассказывают очевидцы, с которыми я беседовал в Будапеште, практический вклад Валленберга начался уже после завершения основной волны депортации. К этому времени "охранными грамотами" располагали несколько тысяч человек (4500 — шведскими, 2500 — ватиканскими, 100 — испанскими, 698 — португальскими, 7800 — швейцарскими). Но паспорта эти действовали лишь в столице, в провинции их не признавали. Но Валленберг всячески поддерживал у своих подопечных веру в спасение. Он создал в посольстве, кроме своего отдела «С», отдел «В» (гуманитарные цели) и добился, что "охранные паспорта" считались равными предоставлению шведского гражданства. С июля до сентября 1944 года было выдано 3000 таких документов.

Для больных был создан специальный госпиталь. Группе депортированных из Дебрецена была передана теплая одежда.

Когда пришел к власти Салаши, Валленберг стал добиваться, чтобы новые власти признавали валленберговские документы. Он откровенно спекулировал на том, что Салаши и его министр иностранных дел барон Габор Кемени были заинтересованы в международном признании правительства, пришедшего в ходе переворота. Валленбергу, по договоренности с венграми, удалось создать на пештском берегу Дуная около моста Маргарита некий "международный селтльмент", куда были переселены его подопечные, но и не только они.

Когда в ноябре снова начались депортации (салашисты называли это "передачей людей немцам в аренду") и колонны евреев погнали пешком в Хегешшалом (200 километров от Будапешта), Валленберг на своем «студебекере» сопровождал колонну, вытаскивая из неё лиц с "охранными паспортами". Не боясь конфликта с охранниками, на будапештском вокзале Иозефварош он прямо из вагонов вытаскивал тех евреев, которых команда СС раньше использовала для охраны городка у моста Маргарита. В целом считалось, что под опекой Валленберга оказалось от 7 до 10 тысяч обреченных на смерть. Неудивительно, что под конец ему самому пришлось скрываться в городском лесу от фашистов немецких и венгерских.

Приходится только удивляться исключительной энергии и изобретательности Рауля. За несколько недель он превращает небольшую канцелярию, где работал его предшественник Вильгельм Ланглет, в большое бюро, в котором занято от 200 до 400 человек. Создается система "шведских домов". Венгерская жандармерия вынуждена

сохранять их «экстерриториальность». Растет число выданных удостоверений — правда, не до 100 тысяч, как утверждают некоторые авторы, а до 5. Собственная система информации позволяет Валленбергу заранее узнавать об антиеврейских акциях СС или венгерских властей и принимать контрмеры. "Ситуация здесь волнующая и полна приключений", — пишет он своей матери 8 декабря и добавляет, что в этот день посетил министра иностранных дел 10 раз, заместителя премьер-министра — 2 раза, министра внутренних дел — 2 раза, министра финансов — 1 (в этот день правительство приняло решение о массовой депортации).

Чем занимался Рауль помимо прямого круга его гуманитарной деятельности? Ответ на этот вопрос помогут дать два документа, которые по непонятному (или рассчитанному?) великодушию КГБ в 1989 году были выданы родственникам Валленберга и российско-шведской комиссии: телефонная записная книжка и календарь за 1944 год. Если знающим тогдашний Будапешт их перелистать, то возникает картина весьма широких политических связей шведского дипломата. Так, два раза в них упоминается имя самого Миклоша Хорти. С семьей Хорти Валленберг был знаком давно, ещё с 30-х годов, когда во время одного из визитов в Будапешт он получил приглашение жить в Королевском дворце на Буде — резиденции регента. Однако подробные исследования венгерских ученых (в частности, неутомимой журналистки Марии Эмбер) говорят о том, что в книжечке речь шла не о самом регенте, а об его сыне, также носившем имя Миклош. Миклош Хорти-младший был примечательной фигурой в "высших этажах" будапештского общества, известных своей антинемецкой и проанглийской ориентацией. Именно вокруг него собиралась группа высших военных, полити-

ков и дипломатов, которые ещё с 1943 года не только понимали безысходность позиции Венгрии в лагере держав «оси», но и предпринимали закулисные ходы в Швейцарии, Швеции и Турции для зондажа возможности выхода из войны. В этот круг входили начальник генштаба Сомбатхеи, начальники разведки Уйсаси и Кадар, заместитель министра иностранных дел Сентмиклоши и многие другие — безусловно интересные и для Валленберга люди. В Берлине хорошо знали настроения Хорти-младшего: не случайно же он оказался в Маутхаузене!

В книжечке упоминаются люди этого круга: Эшко, Феликс Борнемисса, близкий друг молодого Миклоша, который был впоследствии арестован командой Скорцени и также попал в Маутхаузен. Что касается генерала Шандора Уйсаси, который с 1944 года возглавлял секретную службу генштаба, то знакомство Валленберга с ним носило весьма близкий, но своеобразный характер: знаменитая венгерская актриса Катарина Короди стала предметом симпатий обоих и генерал даже собрался вызвать Рауля на дуэль. Кстати, Короди также принадлежала к антинемецкой оппозиции. Ей приписывали связи с левыми подпольными кругами, в том числе и с известным коммунистическим лидером Ласло Райком — будущим министром послевоенной Венгрии и будущей жертвой сталинских репрессий. Дружеские связи завязались у Валленберга с другой будапештской красавицей — баронессой Фукс-Кемени, супругой министра иностранных дел. Наконец, графиня Нако — секретарша Рауля — также входила в число известных будапештских светских дам.

А немецкие «партнеры»? В книжечке Рауля прямо указаны телефоны Адольфа Эйхмана — 357–513, 157–569. Существует рассказ шведского дипломата Ларса Берга о встрече Валленберга с Эйхманом в баре одного

будапештского отеля. Однако это свидание ставят под вопрос. Сохранилось лишь письмо Рауля матери, в котором он сообщает о том, что предстоявшая ему встреча с некоторым "важным чиновником" СС не состоялась, так как тот сказался больным. Более вероятны другие сведения, а именно что Эйхман за глаза назвал Валленберга "грязной собакой" и обещал с ним расправиться. Вслед за этим в Берлине шведское посольство сделало представление по поводу оскорбительного и явно недипломатического поведения Эйхмана. Конечно, у оберштурмбаннфюрера было немало оснований без всякого восторга относиться к деятельности шведского дипломата, мешавшего осуществлению эйхмановской программы. В своих воспоминаниях деятель «Ваады» Режё Кастнер упоминает об одном разговоре с Эйхманом в ноябре 1944 года. Тот стал говорить, что привлечет швейцарского консула Лутца и "представителя шведского Красного Креста" (!) Рауля Валленберга к ответственности за «свинства», то есть за злоупотребление с "охранными паспортами". Однако Эйхман добавил, что не станет "беспокоиться о владельцах этих паспортов", если еврейская община Будапешта предоставит ему 20 тысяч человек для земляных работ. Кстати, уже после войны во время допроса в Иерусалиме Эйхман назвал и свои данные о числе владельцев всех "охранных паспортов" (шведских, швейцарских и иных) 16 тысяч человек.

Еще более важной следует считать другую линию связей Валленберга в кругах СС: к ней относится штандартенфюрер (полковник) СС Курт Бехер и его ближайший сотрудник Вильгельм (Вильмош) Биллитц, имя которого в календаре Валленберга упоминается несколько раз. Упоминается адрес Биллитца и его телефоны: 180–223, 380–169, 184–879. Курт Бехер — фигура исклю-

чительно интересная, поскольку она связана с антиеврейским геноцидом куда более глубоко, чем выполнявший непосредственные карательные функции Адольф Эйхман.

Миссия Курта Бехера

Валленберг прибыл в Будапешт уже после официального прекращения стамбульских переговоров по "торговле евреями". Вашингтон и Лондон заверили Москву, что переговоров не будет. Но уже в самом скором времени военному адъютанту Рузвельта адмиралу Леги представили соображения о том, что в каком-то ином виде гуманитарную акцию по возможному выкупу евреев следует продолжить. Правда, оговаривал составитель записки, уведомив об этом русских.

Еще весной, в дни, когда обсуждалось первое, «стамбульское» предложение Гимmlера-Эйхмана, западные союзники четко понимали "двойное дно" миссии Бранда. Это зафиксировано в документах Форин оффис и Госдепартамента: "...Миссия Бранда была задумана как прикрытие зондажа по вопросу о сепаратном мире". Или: "Мы считаем полностью невозможными подобные прямые контакты с германским правительством". Теперь же намерения американцев были определены куда более обтекаемо: "Найти формулу, не предусматривающую прямых переговоров с немцами, но оставляющую открытой дверь для любого предложения". Госдепартамент предложил Рузвельту "искать посредников у швейцарцев" для спасения евреев. Почему вдруг? Видимо, давление международных и американских еврейских организаций было значительно и администрация боялась "потерять лицо". Кроме того, по сдержанному отношению лондонских союзни-

ков было ясно, что это — большой вопрос для британских интересов на Среднем Востоке и потому переговоры о спасении евреев могут быть использованы в общем балансе политических игр между Вашингтоном и Лондоном. Опасность дать новый козырь подозрительности русских отходила на второй план, так как из «дырявого» Стамбула переговоры переносились в Швейцарию, где не было официальных представителей СССР.

Испытав неудачу с миссией Эйхмана — Бранда, Гиммлер не оставил надежд на "еврейскую приманку". Ясно было лишь одно: Эйхман надежд не оправдал, он оказался «засвечен». Следовательно, надо было найти другого человека, который смог бы более успешно торговать венгерскими евреями и под этой «крышей» ввести своего шефа Генриха Гиммлера в число партнеров Запада. Этим человеком и стал штандартенфюрер СС Курт Бехер.

Чем он был удобен? Во-первых, формально он не принадлежал к специальной команде Эйхмана и его имя не ассоциировалось с "окончательным решением" еврейского вопроса. Во-вторых, у него сложились определенные отношения с еврейской общиной, поскольку он уже (неважно, на каких условиях) помог выехать в Швейцарию родственникам крупного промышленника, венгерского еврея Вейсса. Наконец, на нем не лежала печать неудачной миссии Бранда. Поэтому, получив от своего партнера по сделке о покупке концерна Манфред-Вейсс Биллитца сведения о неудавшейся идее обмена "евреев на грузовики", Бехер поднял эту тему во время очередного приема у Гиммлера. Тот сказал ему:

— Извлеките мне из евреев все, что можно извлечь. Обещайте им то, что они требуют. Потом мы посмотрим, что выполнять, что нет.

Бехер (по его утверждению) отвечал, что обещания, мол, надо выполнять. Ведь в свое время рейхсфюрер обещал за 1000 долларов освободить по одному еврею. Гиммлер, видимо, не возразил. Тогда через знакомого по еврейской организации в Будапеште «Ваада» Кастнера Бехер решил действовать не прямо, а через швейцарского представителя «Джойнта» Сали Майера. Первая встреча с ним состоялась 21 августа. По странному совпадению, идея Бехера соответствовала американским намерениям, которые состояли в том, чтобы "найти формулу, не предусматривающую прямых переговоров с немцами, но оставляющую открытой дверь для любого предложения... После рассмотрения решено, что необходимо связаться с немцами через швейцарское предложение".

Почему вдруг? Почему все справедливые сомнения по поводу искренности гиммлеровских намерений оказались отброшенными? Например, такие:

"Ни (американское) правительство, ни британское правительство не сомневались в характере предложений германского правительства и с самого начала были убеждены, что эти предложения являются с немецкой стороны частью усилий психологической войны..."

"...Мы полностью считаем невозможным подобные прямые контакты с германским правительством..."

"У нас есть свидетельства, что миссия Бранда была задумана как прикрытие зондажа нас (англичан) или американцев по вопросу о сепаратном мире".

Тем не менее адмиралу Леги для доклада президенту Рузвельту была представлена Госдепом идея "не закрывать дверь". Что же изменилось? Изменилось вот что: если в июне 1944 года правительства США и Великобритании хотя бы запрашивали мнение Москвы, а в июле — августе признавали, что в случае переговоров через Швейцарию необходимо запросить согласие советского правительства, то на этот раз решили действовать без него. По крайней мере, в архивном деле НКВД № 613 о "спасении евреев и других жертв гитлеровской агрессии" нет никаких следов обращений союзников, нет документов об американских обращениях к Гиммлеру. Равно как нет их и в деле НКВД № 325 о "положении евреев в Венгрии". На этот раз встреча Бехера с Макклелландом состоялась без информации СССР. По этому поводу деятель «Ваады» Андре Бисс констатировал в своих мемуарах: "Чисто формально эта встреча (Бехер — Макклелланд. — Л.Б.) означала нарушение тегеранских соглашений, в которых западные союзники договорились со Сталиным об абсолютном бойкоте третьего рейха". На этой встрече, продолжает Бисс, Бехер "появился не как представитель побежденной державы, а как посланник второго по власти человека третьего рейха, пытавшегося стать преемником фюрера".

Сам Бехер и его американские партнеры впоследствии оправдывали свои встречи тем, что в результате длительного (и постыдного!) торга удалось выкупить у Гиммлера примерно две тысячи человек. За них было заплачено валютой, золотом и драгоценностями на 538 414 швейцарских франков, 200 тысяч долларов, 100 тысяч франков, 500 фунтов стерлингов, ценных бумаг на 72 646 франков, бриллиантов на 702 646 франков (все это было уплачено до 17 июля 1944 года). В обмен на это в Швей-

царию в августе были переданы из лагеря Берген-Бельзен 318 человек. Вторая группа последовала лишь в декабре 1944 года; всего было освобождено 1673 (по другим данным — 1684) человека. Зато Гиммлер мог впоследствии без зазрения совести писать своему врачу Керстену, которого послал в Швецию агитировать в свою пользу, что освободил (!) евреев.

Гиммлер писал Керстену:

"В продолжение пути, по которому я с моими сотрудниками шел в течение многих лет, пока война и развязавшееся в мире неразумие не сделали продолжение невозможным. Вы знаете, что в 1936, 37, 38, 39 и 40 годах вместе с еврейскими американскими объединениями я создал эмиграционную организацию, которая действовала весьма успешно. Маршрут обоих поездов в Швейцарию представлял собой сознательное и предпринимаемое вопреки всем трудностям возобновление этой благословенной процедуры".

Конечно, напыщенность и цинизм этих деклараций был беспрецедентен: Гиммлер в роли покровителя европейских евреев! Назвать эту процедуру «благословенной» мог только сам автор "плана Ваннзее".

Благословение, однако, было для Бехера вполне реальное. Уже в начале переговоров он получил от «Ваады» задаток в 20 тысяч долларов. Затем начались регулярные встречи Бехера и его коллег (в их числе был д-р Биллитц) с представителями ВРБ, швейцарцем Сали Майером (21 августа, 3, 5 и 26 сентября, 29 октября, 2 ноября 1944 года) и, наконец, с американским дипломатом Макклелландом в Цюрихе. Последний показал Бехеру телеграмму госсекретаря Хэлла, в которой подтверждался

перевод 20 миллионов швейцарских франков в распоряжение Майера. Как бы в ответ Бехер заявил 26 ноября, что он лично убедил Гиммлера в необходимости "отменить окончательное решение". Другое подтверждение его особой позиции состояло в назначении Бехера "имперским комиссаром по всем концентрационным лагерям". Это случилось 6 апреля 1945 года, когда в рейхе уже практически не осталось неосвобожденных союзниками концлагерей.

Что ж было так долго обсуждать с Бехером? 15 января 1945 года после переговоров ещё с одним посредником между ним и американцами — бывшим членом швейцарского Федерального совета Жан-Мари Мюзи, — Гиммлер записал: Мюзи "неоднократно подчеркивал, что этот еврейский вопрос представляет собой дело, собственно говоря, второстепенное. Главное в том, что при его помощи стало бы возможным начать большое развитие". Какое?

Ответ давал Гиммлер во время своих бесед с тем же Мюзи, шведом Бернадоттом и в письме генералу Эйзенхауэру. Например, по свидетельству обергруппенфюрера Карла Вольфа, "под влиянием Шелленберга Гиммлер связался со шведским графом Фольке Бернадоттом и заявил ему, что, несмотря на все происшедшее на оккупированных территориях и на Востоке, он является в глазах англо-американцев вполне приемлемой фигурой как организатор крупнейшего антибольшевистского фронта".

Рауль Валленберг был безусловно в курсе всех переговоров. Например, он встречался с Вильгельмом Биллитцем 27 сентября — сразу после очередной "встречи на мосту". Записано в календарике и свидание 12 октября. Исследователи считают, что они виделись регулярно. По-

добное предположение основывается не только на записях из блокнота Валленберга. 3 августа 1944 года госсекретарь Стетиниус отдал послу в Швеции Джонсону указание, что "Валленбергу было бы выгодно установить контакт с директором Вильгельмом Биллитцем, организовавшим выезд семьи Вайсс в Лиссабон". Указание было дано как раз в разгар контактов Бехера — Биллитца с Сали Майером. После приезда Биллитца в Лиссабон советник США в Лиссабоне Эдуард С. Крокер сообщал так: эта группа "пыталась организовать мирные переговоры, используя свои важные еврейские связи и друзей в США и Британии". Крокер считал, что тем самым немцы хотели "вбить клин" между СССР и Западом. И этим должен был тоже заниматься Валленберг?

"Меморандум Троза"

Нет никаких сомнений в том, что Валленберг — по своей воле или против неё — попал в сложный переплет союзнических отношений, поскольку они косвенно, а часто и прямо касались непосредственных служебных функций Рауля. Ведь из его "шведских домов" венгерские евреи могли выехать практически только через Швейцарию, а эсэсовские чины погрязли в переговорах с теми же швейцарскими представителями. Выезд — или выкуп заложников-евреев должен был занимать Валленберга. Советский писатель Александр Борщаговский, побывавший в послевоенные годы в Швеции, имел случай поговорить с родственниками Валленберга. Те считали, что в советские застенки Рауля привело то, что злополучный выкуп евреев и их выезд в Швейцарию вызвал большие подозрения советской стороны и часть подозрений пала на Валленберга...

В бурные последние месяцы существования нацистского режима ещё были непонятны некоторые события. Сейчас многое разъяснилось, в том числе весь масштаб "спасательных акций", которые предпринимались верхушкой третьего рейха для сохранения сначала своей власти, а потом и своей жизни. Эти акции подробно описал один из самых интеллигентных лидеров рейха — руководитель внешнеполитической разведки СС, бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг. Он избрал в период краха полем своей деятельности Швецию, где неудачно пытался найти посредников для компромиссного мира с США и Англией. Когда же он убедился в провале своих попыток, то уговорил шведское правительство разрешить ему остаться на некоторое время в Стокгольме, где в стокгольмском пригороде Троза занялся составлением специального меморандума о своей деятельности в последние месяцы существования рейха. Этот меморандум получил в исторической литературе наименование "меморандума Троза", но его долгое время никто не читал. Читали, конечно, адресаты: руководящие деятели США, Англии и Швеции. Но они почли за благо не публиковать рукопись бригадефюрера. Его путь к гласности оказался своеобразным. Как выяснилось, советская разведка заполучила его сразу после составления. Был сделан перевод, доложен Сталину и Молотову. Много лет спустя текст был обнаружен в архиве бывшего КГБ и, наконец, в 1997 году опубликован¹. Из него явствует: видя неминуемый крах рейха, Гиммлер решил занять место Гитлера и пытался его устранить;

Гиммлер полагал, что западные союзники могут соблазниться перспективой союза с Германией и используют её против СССР; контакт с западными союзниками Гиммлер решил установить при помощи переговоров о

возможном освобождении евреев из гетто и концлагерей. Активным сторонником этого плана был сам Шелленберг.

Для нас сегодня эти откровения бригадефюрера СС не являются новинкой. Перед нами уже прошло много «фигурантов» этого плана: Вислицени, Бранд, Гросс, Эйхман, Бехер, Сали Майер, Мюзи и иже с ними. Как же об этом писал Вальтер Шелленберг в тиши Трозы? Как видно, свою основную ставку в деле спасения рейха он решил сделать на СС и персонально на Гимmlера. «Теоретическое» обоснование Шелленберг давал такое:

"Со временем я все яснее стал видеть недостатки и ошибки режима, которые я замечал и раньше. Помимо многочисленных частных недостатков многих "неподходящих бонз" решающее значение имело отсутствие принципа отбора кадров, отсутствие критики работы, а отсюда замещение важных должностей глупыми или недостойными людьми. Я верил, что лучше всего обстоит дело с кадрами в СС. Я никогда ничего точного не мог узнать в отношении жестокости Гимmlера, о которой всегда очень много говорили. И с течением лет я так и не узнал ничего об этом. Может быть, это объясняется тем, что моя работа была слишком трудна, полностью захватывала меня и отвлекала от других проблем. Однако мне казалось, что он был единственным человеком среди всей разложившейся руководящей прослойки, который олицетворял собой фактор порядка, успешно выступая против всех мелких и крупных «первосвященников» режима. Я рассчитывал, что если мне удастся показать организации СС и её руководящей головке созидательные политические силы мира, т. е. дать общее представление о загранице, то появился бы ещё шанс спасти Гер-

манию от раскрывавшейся перед ней пропасти, приближение которой я видел ещё с конца 1940 г.

Эта задача фактически включала в себя две большие целевые установки: во-первых, выполнить задачу, как таковую, и, во-вторых, использовать её результаты для того, чтобы дать Германии противоядие против губельной политики Гитлера — Риббентропа. Гиммлер был единственным человеком, которого можно было использовать для этого. Я считал, что если мне удастся добраться до него и как можно подробнее информировать его о подлинном соотношении сил в мире, то он, являясь достаточно умным и гибким, мог бы ещё своевременно добиться компромисса между Германией и внешним миром.

Гитлер совершенно не признавал ни меня, ни моей работы. Единственный, кто хотя бы приблизительно понимал меня, был Гиммлер, хотя и он, будучи пропитан предрассудками национал-социалистических идей и часто воспринимая политические события с чисто полицейской точки зрения, чинил мне затруднения. Однако с течением времени наступил перелом к лучшему, и он начал все больше понимать меня. К сожалению, это никогда не приводило к последствиям, так как его нерешительность всегда все портила. Для меня лично все это часто превращалось в борьбу, которую я вынужден был вести как Дон Кихот. Моим Росинантом был сравнительно слабый человеческий материал, а "ветряными мельницами" были вышеуказанные предрассудки режима и немецкого характера. Если я, несмотря на это, не бросил борьбы, то это объясняется тем, что я люблю мою родину и всегда хотел сделать для неё что-либо хорошее. Я считал, как указано

выше, что мне легче всего удастся достигнуть этого через одного-единственного человека — Гиммлера".

Конечно, можно сделать «скидку» на напыщенное желание автора меморандума казаться своим адресатам человеком, который не имеет отношения к практике бесчеловечности, воплощением чего были отряды СС. Он, видите ли, не смог обнаружить жестокости у Гиммлера. Впрочем, последний был достаточно умен, чтобы маскировать свою жестокость перед шефом закордонной разведки. Но важнее другое: наличие некоего центрального плана спасения рейха. Его главной фигурой должен был стать Гиммлер, а главным средством — сепаратный мир Германии с Западом. Сам Шелленберг так описывает это средство, когда рассказывает о своем главном партнере на Западе — шведском графе Фольке Бернадотте, главе шведского Красного Креста:

"Здесь, пожалуй, будет достаточно, если я сошлюсь на моего лучшего свидетеля — на самого графа Бернадотта. Он знает, какое сопротивление и даже почти каверзы встречало осуществление этих гуманных задач, а также стремление, кроме того, освободить Германию, а тем самым и Европу от этой войны. В это же время я имел серьезный разговор с Гиммлером. Я обрисовал ему предстоящий крах Германии, как нечто почти неотвратимое, и начал умолять его хотя бы воспользоваться протянутой рукой Швеции и, действуя самостоятельно, ввести останки разбитого корабля Германии в гавань мира, прежде чем он затонет. Я предложил ему просить графа Бернадотта полететь к Эйзенхауэру и передать ему предложение капитуляции от Гиммлера. Я сказал Гиммлеру, что, по моему мнению, он должен быть в Берлине, а не командовать группой армий, что окружению Гитлера уже во второй раз удалось фактически отстранить его от дел,

я сделал ему конкретное предложение — срочно поехать в Берлин и взять там в свои руки, силою или нет, дело подготовки мира".

Но граф Бернадотт был лишь одним из многих «каналов» Шелленберга.

С 1943 года Шелленберг заручился поддержкой лейб-медика Гиммлера шведа Феликса Керстена, через которого готовил "принципиальные решения еврейского вопроса в Германии"; в октябре 1944 года он связался с Мюзи и устроил ему свидание с Гиммлером в Вене. Речь опять-таки шла о "еврейском вопросе".

Шелленберг сообщает:

"В первой беседе с Гиммлером г-н Мюзи коснулся вопросов принципиального разрешения еврейской проблемы в Германии и в длинных рассуждениях внушал Гиммлеру мысль о необходимости отпустить евреев, ещё находящихся в Германии в заключении. Речь зашла также о том, что если такое решение будет проведено в жизнь, то Германия должна будет получать за определенное число евреев тракторы, грузовики и даже при известных обстоятельствах валюту. Гиммлер, по-видимому, покровительствовал этой идее, которая уже, очевидно, проводилась в жизнь через концерн «Манфред-Вайсс», штандартенфюрера Бехера и Сали Мейера и т. п."

Так появляется на свет вторая, весьма «практическая» часть плана сепаратных переговоров Германии (то есть Гиммлера) с Западом: переговоры "по еврейскому вопросу", а точнее — о выкупе части наиболее состоятельных евреев за поставку стратегических товаров для

Германии и продолжения войны. Важно, что Шелленберг упоминает тех деятелей, которых мы уже знаем? Это Бехер (с его комбинацией с заводами "Манфред-Вайсс"), это представитель американских еврейских организаций Сали Майер. Мы знаем о встречах Бехера и Сали Майера (в которых косвенно, а может быть, и непосредственно участвовал Рауль Валленберг. Знаем о еврейском эшелоне в Швейцарию. Но теперь мы можем расширить наше знание: это были не случайные действия, а часть политического плана. Его участниками должны были стать: гитлеровская (гиммлеровская) Германия, США и нейтральная Швейцария. Шелленберг пишет, что "рассматривался план соглашения США и Швейцарии, согласно которому Швейцария должна была быть объявлена транзитной страной. В общем это были общие предварительные разговоры, имевшие, однако, принципиальное значение. Разговор ограничился ничем не обязывающими высказываниями, так как г-н Мюзи хотел сначала обсудить поставленные вопросы с еврейской организацией. При прощании я заверил г-на Мюзи в том, что я лично приложу все старания к тому, чтобы разрешение затронутых проблем никоим образом не связывалось с материальными выгодами. Единственное, что я считал допустимым в этом вопросе, были некие политические соглашения. Г-н Мюзи разделял мою точку зрения".

Опять политические соглашения! Шелленберг уточняет:

"При втором свидании, 12.1.[19]45 г. в Вильдбад-Шварцвальде, состоявшемся при моем активном содействии, между Гиммлером и г-ном Мюзи была достигнута следующая договоренность:

1. Каждые две недели в Швейцарию направляется эшелон с примерно 1200 евреями, причем им предоставляются наилучшие, по возможности, условия транспорта, питания и пр.

2. Еврейские организации, с которыми г-н Мюзи работал, будут решительно поддерживать санкционированное Гиммлером решение еврейского вопроса и тем самым положат начало коренному повороту во всемирной пропаганде, ведущейся против Германии.

3. По моему предложению деньги не выдавались, а за каждый эшелон вручалось Мюзи удостоверение о предоставлении определенной суммы в залог с тем, что впоследствии ею могли распоряжаться по своему усмотрению. Вначале Гиммлер ещё говорил о том, что на эти деньги надо будет купить тракторы, автомобили, медикаменты и тому подобное, но потом мне удалось уговорить его, что эти деньги должны быть переданы Международному Красному Кресту".

Конечно, весь план не удался. "К сожалению, — пишет бригадефюрер, Кальтенбруннер добился у Гитлера, который скептически относился к комбинациям СС, категорического запрещения отправки дальнейших эшелонов в Швейцарию". А речь шла действительно о политическом соглашении — Германии, США и Швейцарии, что, конечно, означало нарушение всех союзнических обязательств.

Самое главное: Шелленберг не фантазировал в своих записях. Однажды в Хайфе мне пришлось встретиться с местным историком, который изучал историю швейцарских ортодоксальных еврейских организаций, глава которых в 1945 году активно участвовал в переговорах с Бехером. В его архиве лежит официальный документ по-

сольства США в Швейцарии от 16 марта 1945 года. В нем известный нам специальный помощник посла США Макклелланд (мы раньше уже встречались с ним) писал руководителю еврейской общины Штернбуху:

"В связи с усилиями бывшего члена федерального совета Мюзи по освобождению евреев, депортированных из районов, подконтрольных немецким властям, я рад сообщить вам следующее: правительство Соединенных Штатов дало швейцарскому правительству официальное заверение в том, что группы беженцев, прибывающие в Швейцарию, будут немедленно эвакуированы на союзнические заморские территории. Во-вторых, наше правительство гарантировало швейцарскому правительству, что будет нести расходы за временное проживание тех беженцев, которые придут в Швейцарию и последняя будет освобождена от расходов за их эвакуацию из Швейцарии за океан".

Этот впервые публикуемый документ очень любопытен. Во-первых, США в действительности никогда не принимали на себя обязательства разместить на "заморских территориях" евреев из Европы, точнее — из немецких концлагерей. Во-вторых, этот блеф подразумевал молчаливое согласие США на те переговоры, которые велись от имени Гимmlера Бехером, то есть в нарушение союзнических обязательств США. Да ещё в тот момент, когда рейх шел ко дну! Конечно, все прикрывалось "гуманными соображениями", но под этим камуфляжем шел сговор с СС. Камуфляж был, однако, не слишком умелый: как свидетельствует тот же Шелленберг, Эйзенхауэр уже готовил посылку своих представителей в Швецию, где общее соглашение должно было привести к заключению сепар-

ратного (от СССР) соглашения о капитуляции немецких войск в Дании и Норвегии.

Естественно, что перед Шелленбергом вставал вопрос: а что же делать с Гитлером? Шелленберг воспроизводит разговор с рейхсфюрером СС:

"Значит, вы требуете от меня, чтобы я устранил Гитлера"?

"Бывали дни, — пишет Шелленберг, — когда я не мог ответить «да», так как это грозило мне быть уничтоженным, ибо влияние группенфюрера Фегелейна, Кальтенбруннера, оберштурмбаннфюрера Скорцени и других было ещё слишком подавляющим, прежде всего в силу их права непосредственного доклада Гитлеру. Г-жа Фегелейн была сестрой Евы Браун, подруги Гитлера. Кальтенбруннер и Скорцени дружили с обеими этими женщинами.

Гиммлер часто говорил мне о все ухудшающемся здоровье Гитлера. На мои возражения, почему же он имеет ещё столь большое влияние, Гиммлер отвечал, что его энергия ещё не сломлена. Однако совершенно неестественный образ жизни, превращающий ночь в день, оставляя для сна только два-три часа, непрерывная деятельность с постоянными взрывами бешенства — окончательно изводили окружающих Гитлера и создавали невыносимую атмосферу. Я часто спрашивал, не получил ли Гитлер каких-либо физических повреждений, и прежде всего головы, во время покушения 20 июля? Гиммлер считал это возможным. При этом он указывал прежде всего на все большую сутуловатость, на бледный вид и сильное трясение левой руки, а также на сделанную Гитлером в ноябре операцию уха, необходимую, очевидно,

вследствие бывшего у него тогда сотрясения мозга. В ноябре он пролежал 8 дней в постели.

В связи с этим я беседовал в начале апреля с моим другом, директором психиатрического отделения больницы «Шарите», профессором де Кринисом. Я заговорил с ним о состоянии здоровья Гитлера, на что он ответил: "Наблюдая скованные движения Гитлера — что я установил по кадрам одной кинохроники, у меня создается впечатление, что Гитлер болен болезнью Паркинсона". Я устроил свидание Гимmlера с де Кринисом. Гимmlер пригласил на эту беседу имперского руководителя здравоохранения Конти. Гимmlер слушал их высказывания — как мне потом сказал де Кринис — с большим интересом и полным пониманием.

13 апреля 1945 г. Несколько дней спустя, это было 13 апреля, Гимmlер вызвал меня к себе в Вустров, пошел гулять со мною в лес и сказал: "Шелленберг, мне кажется, что с Гитлером больше нечего делать. Вы верите, что де Кринис прав?" Я сказал: "Да. Я, правда, не видел Гитлера два года или более, но из всего того, что я наблюдаю в последнее время, я делаю вывод, что теперь настал последний момент для того, чтобы начать действовать".

Так составной частью плана становилось устранение Гитлера. И замена его Гимmlером!

"Меморандум Троза" — запоздалое, но бесспорное свидетельство опаснейших для всех трех союзников планов, при помощи которых Шелленберг (читай — Гимmlер) на последней фазе войны хотел украсть победу у США, Англии и СССР. Между прочим, в меморандуме упоминается и... Валленберг. Шелленберг пишет о шведских политиках, которые принимали участие в выкупе евреев,

и упоминает в этом контексте Валленберга и Керстена. Имел ли он в виду Рауля или его дядю, Маркуса Валленберга? Или другого дядю, Якоба? «Дядья» действительно были втянуты тогда в "еврейские дела". Но и имя Рауля, уже хорошо известное разведке СС (т. е. Шелленбергу) своим участием в немецко-швейцарских комбинациях (а они опять-таки вели к "еврейскому вопросу"), могло быть знакомо главному архитектору гиммлеровского плана спасения рейха.

Я попытался искать в московских архивах следы информации советского правительства об американско-шведско-швейцарских переговорах. Следов не было. Признаюсь, наученный горьким опытом, я сначала считал, что эти документы просто не подлежат выдаче. Тем более что в американских материалах не раз прямо указывалось, что СССР (и Великобритания) якобы проинформированы о всех делах и соответствующие шифровки пошли в Москву. Но выяснилось другое: оказывается, они шли в Москву, но не в НКВД, а в посольство США и там... оставались. Так, 29 января 1945 года поверенный в делах США Джордж Кеннан сообщал в Госдеп, что «дальше» (то есть в Кремль) эти информации он не направлял. Почему?

"Учитывая крайние подозрения, — писал Кеннан, — с которыми СССР относится ко всем финансовым транзакциям с Германией через швейцарские каналы и учитывая прежнее отсутствие энтузиазма по поводу таких операций, я думаю, что передача такой информации вызовет подрыв доверия к искренности нашей экономической войны и будет противоречить нашим интересам".

Конечно, умный Джордж Кеннан, хорошо знавший настроения Кремля, предпочел не делиться с Молотовым

запутанными подробностями сделок между Бехером, Мейером и Макклелландом, которые даже для непредубежденного свидетеля выглядели очень сомнительно.

Число посредников между еврейскими организациями и Гиммлером велико. Большую активность здесь проявил уже упоминавшийся пронацистский швейцарский деятель Мюзи, которого привлек к переговорам лидер еврейских ортодоксов в США Штернбух. При этом Мюзи появился не как *deus ex machina*, а как давний единомышленник рейхсфюрера СС по международным антикоммунистическим встречам. А Гиммлеру, начавшему действовать через Бехера, нужен был наиболее близкий и верный путь к Западу. В этом он откровенно признался, спросив Жан-Мари Мюзи:

— Скажите, с кем же действительно связано американское правительство? С раввинами или с «Джойнтом»?

Мюзи, разумеется, назвал своих раввинов и понимал, почему он это делает. Недаром в отчетах, шедших из Берна в Вашингтон, подчеркивалось, что Мюзи стоит за сепаратный мир между Германией (Гиммлером) и западными державами и для него спасение евреев лишь «заначка» для серьезных предложений, имеющих более важное значение для Германии. В согласии с этой идеей лидер будапештских ортодоксов Фрейдигер писал: важен "не выкуп, а потребность использовать евреев, которые, как известно, контролируют все действия Британии и Соединенных Штатов, дабы убедить союзников приостановить войну против Германии. Германия же будет готова предпринять совместные действия с западными державами против России".

Евреи как разменная монета — такая позиция была понятна Гиммлеру. Но что сказать об американских дипломатах, которые прекрасно знали своих партнеров (Макклелланд назвал Мюзи "подлецом") и... продолжали контакты с ними до весны 1945 года?

Ряд посредников увеличивался. Вдруг в их число включился президент Международного Красного Креста, швейцарский профессор Карл Буркхардт, давний знакомый Гитлера. Но если его пост как-то объяснял заботу о евреях, то очень странно выглядела активность Риббентропа, доверенное лицо которого советник Фриц Хессе был послан в тот же Стокгольм. Там он встречался с Якобом Валленбергом и с тем же Ольсеном, причем оба были предельно откровенны. Хессе предложил "отдать Германию в руки Запада", а Ольсен практический руководитель Рауля Валленберга — заявил, что "президент видит опасность, идущую с Востока". О евреях собеседники говорили меньше всего.

Остается гадать, был ли Рауль Валленберг в курсе политических симпатий и комбинаций своих дядюшек. Видимо, да, так как в 1944 году Рауль безусловно с ними встречался. Да и Стокгольм — город небольшой, в нем все знали всех, а политические слухи распространялись с большой скоростью. Рауль был вхож и в круги англо-американской дипломатии, в частности к послу Хершелю Джонсону (об Ольсене и упоминать не надо). Да и в Берлине он бывал не раз, гостя у своей сводной сестры Нины Лангрэн и её супруга — сотрудника королевского посольства Швеции в Германии, г-на Дарделля.

В каком политическом ряду оказались для Кремля все закулисные переговоры с Гиммлером и его подручными, которые в самом конце войны вели представители за-

падных союзников и нейтралов, можно судить по одному докладу, который был отправлен советской разведкой — точнее, Первым управлением НКГБ — на имя Сталина, Берия и Молотова. Как видно из текста, он был составлен по депешам Форин оффис и УСС, расшифрованным в Москве, а также по агентурным данным из Стокгольма и Ватикана, где действовали сильные резидентуры НКГБ.

11 апреля 1945 г.

**Сов. секретно Народному
комиссару иностранных дел
Союза ССР товарищу
Молотову В. М.**

НКГБ сообщает агентурные сведения, полученные в разных странах, о переговорах председателя Международного Красного Креста профессора Буркхардта и бывшего члена Швейцарского федерального совета Мюзи в Берлине.

Английское министерство иностранных дел в телеграмме № 364 от 22.02.45 сообщило английскому посланнику в Берне, что, по сведениям, исходящим от французского представителя в Международном Красном Кресте, Гиммлер пригласил председателя Международного Красного Креста профессора Буркхардта встретиться с ним для обсуждения некоторых вопросов, связанных с обменом военнопленными.

По сведениям, полученным в Стокгольме, германский генеральный консул в Стокгольме Пфлейдерер в до-

верительной беседе, говоря о переговорах Буркхардта с Гиммлером, заявил, что вопрос о военнопленных являлся только предлогом и что во время беседы с Буркхардтом Гиммлер пытался якобы выяснить возможность установления контакта с англичанами и американцами.

Буркхардт якобы просил Гиммлера разрешить выезд в Швейцарию приблизительно для тысячи видных евреев, интернированных в Германии. Гиммлер сразу же удовлетворил эту просьбу. По словам Пфлейдерера, это объясняется тем, что Гиммлер собирается, устранив Гитлера, вступить в переговоры с Союзниками, используя в качестве заложников 600 тыс. евреев, находящихся в Германии.

По данным, исходящим из польских эмигрантских кругов в Лондоне, германское командование якобы договорилось через Буркхардта с англичанами и американцами относительно того, что все танковые и механизированные части будут сняты с западного фронта и переброшены на восточный фронт с целью удержания восточного фронта до тех пор, пока Союзники не оккупируют остальную часть Германии. В настоящее время это решение якобы уже проводится в жизнь.

Аналогичные слухи распространяются в кругах Ватикана. По сведениям, исходящим из этих кругов, германское командование, по соглашению с англичанами и американцами, перебрасывает часть армии, вооружения и продовольствия с западного на восточный фронт. Англичане и американцы, со своей стороны, якобы обещали немцам не преследовать членов нацистской партии, за исключением самых видных деятелей, а также не позволять вывозить немецкое население на работу в СССР из районов, занятых Красной Армией.

Агентурные данные указывают также на переговоры бывшего члена Швейцарского федерального совета Жан-Мари Мюзи, посетившего недавно Берлин.

Английское министерство иностранных дел в своей телеграмме английскому посланнику в Берне от 22 февраля 1945 г. указывает, что, как сообщила французская миссия в Берне в Париж, германские власти обратились к Мюзи с предложением передать Союзникам некоторых видных заложников, в том числе короля Бельгии, греческую принцессу Ирину и других, если Союзники выдадут охранное свидетельство для 200 видных нацистов. Если Союзники откажутся от заключения такого соглашения, то немецкие власти уведут заложников в районы Южной Германии. Помимо этого, немцы намерены перевести на юг около 800 тыс. человек, включая всех пленных офицеров союзных армий. Английское министерство иностранных дел дало указание миссии в Швейцарии собрать более подробную информацию по этому вопросу.

В спецсообщении Управления стратегических служб США от 20.02.45 указывается, что Мюзи вел переговоры в Берлине по вопросу о вывозе из Германии евреев и по вопросу о заложниках. В спецсообщении УСС указывается, что, по сведениям, полученным от Мюзи, нацистские руководители, особенно Геринг, который, видимо, является инициатором этого плана, решили скрыться в немецкий «редут» и захватить в качестве заложников Даладье, Блюма, Рейно и др. Однако они с готовностью предоставят им возможность выехать в Швейцарию, если одновременно Союзники предоставят нацистским главарям право свободно проживать в Швейцарии.

По сведениям, полученным в Париже, французская разведка получила из надежных журналистских кругов

сообщение, в котором указывается, что в начале марта с. г. в Берне между немцами и Союзниками велись переговоры, в которых принимал участие бывший представитель Германии в Виши Круг фон Нидда. В связи с этими переговорами в Берлин выехал Мюзи, который, как указывается в сообщении, недавно был замешан в переговорах с окружением Гимmlера по вопросу о возвращении в Швейцарию многих тысяч евреев, увезенных в Германию и являющихся подданными различных государств.

Народный комиссар государственной безопасности Союза ССР

В. Меркулов

Тенденция подобных сообщений — а в их основе лежали реальные факты — уже была ясна: речь о западных партнерах СССР шла не как о союзниках, а как о коварных политиках, играющих на руку нацистам. Тем самым вся тематика сообщений, касавшихся освобождения, обмена или спасения еврейского населения, невольно попадала в разряд «происков» будущих противников Советского Союза. В этот разряд попадал и Рауль Валленберг с его будапештской миссией.

Будапешт. Год 1944-й

Будапешт середины и конца 1944 года был, если можно так выразиться, «многослойным» городом. «Высшим» слоем тогдашнего венгерского общества были те, кто в течение долгих лет служил основой режима генерала Хорти. Это были и чиновники, и офицерский состав венгерской армии (только той армии, которая вела боевые действия против Советского Союза), и многочисленная жандармерия, и политические деятели хортистского

строю, и венгерские промышленники. Но среди них единства на третьем году кровавой и бесславной войны не было. Командование армии уже поняло, что победы ни для Венгрии, ни для Германии война не принесет. Понимали это и политики, активно искавшие выхода — в контактах с западными союзниками, а под конец — и с советским командованием. Расслоение в этой среде было так очевидно, что в марте 1944 года был осуществлен ввод войск вермахта и СС в Венгрию и возникла необычная ситуация: оккупированный союзник! Естественно, эта ситуация не расположила венгерское общество к Германии, а объединила против нее.

Население, страдавшее от трудностей войны, стало питательной средой оппозиции — и для бывших ранее в Венгрии легальных партий (сельских хозяев, социал-демократов), и для нелегальной коммунистической. Партия же, приведенная в октябре немцами к власти ("Скрещенные стрелы" Салаши), пользовалась всеобщей ненавистью.

Отдельной группой жили будапештские евреи. Большинство из них существовало в гетто и с тревогой ожидало своей депортации в "лагеря смерти", то есть в Польшу. Немецкая администрация, как и в других гетто, назначила там специальные органы управления. Они состояли из самих евреев, которых выделил совет будапештской еврейской общины. Кроме того, ещё с 1943 года функционировал нелегальный "комитет спасения" — «Ваада» (полное название "Ваадат Эзр Фе-Хаззалах Ве-Будапест") будапештских сионистов, организовывающий выезд евреев (в том числе в Палестину). С момента оккупации немцами Будапешта «Ваада» ушла в подполье. Тем не менее представители СС, в их числе Эйхман, поддерживали с ним контакты и вели с ним и еврейской об-

щиной (последних было две — ортодоксальная и неологическая) переговоры о выкупе. Для «простоты» обращения Эйхман назначил "еврейский совет", ответственный за сохранение порядка во время депортации. «Ваада» же поддерживала связь с международными еврейскими организациями (с "Джойнтом"). Еврейское население «шведских» и «швейцарских» домов находилось в ведении соответствующих посольств — то есть Рауля Валленберга и Карла Лутца.

Внутренняя венгерская оппозиция была далеко не едина. Времена венгерской демократии ушли в прошлое — последний парламент был распущен 4 мая 1943 года, большинство партий распущено или запрещено. Многие парламентские политики эмигрировали, некоторые остались в стране и весной 1944 года попытались создать на основе лозунга изгнания немцев единую организацию — Венгерский фронт. В нем были и бывшие социал-демократы, и партия мелких сельских хозяев, и другие. Эти группы пытались найти контакт и с Советским Союзом, ища связей через советского посла в Швеции Александру Коллонтай. В СССР ещё со времени разгрома Венгерской Советской Республики была значительная коммунистическая эмиграция во главе с Матиасом Ракоши. Существовали коммунистические группы и внутри Венгрии, руководителем которых с сентября 1944 года стал молодой и энергичный Ласло Райк. Он никогда не был в СССР, и свое эмигрантское прошлое провел в Швейцарии.

Хорти искал связи с оппозицией, в чем ему помогал шеф венгерской разведки Шандор Уйсаси, располагавший по понятным причинам связями в оппозиционных кругах. С Уйсаси был знаком и Ласло Райк. Райк поддерживал контакт с военными, в том числе и генералом Лазаром. Я спрашивал бывших подпольщиков, знали ли

друг друга Райк и Валленберг? Они об этом не слыхали, но контакты того же Уйсаси с Валленбергом бесспорны.

Советские разведслужбы проявляли к Венгрии законный интерес. В украинском городке Святошино из эмигрантов готовились партизанские группы их было сброшено 10 — 12, в самом Будапеште действовали группы под руководством местных коммунистов.

Если человек имеет три фамилии...

Но не только от посланных из Святошино партизанских групп, не только от будапештских коммунистов в Москве могли иметь сведения о том, что происходило в венгерской столице. Когда я искал материал для этой книги, один многоопытный человек — а это был бывший директор знаменитого Особого архива в Москве Анатолий Прокопенко, которому историки всех стран обязаны рассекречиванием этого ценнейшего документального источника, — посоветовал мне:

— А вы поинтересуйтесь фигурой графа Голенищева-Кутузова-Толстого. Когда начинались поиски Валленберга, мне показывали в архиве КГБ толстое дело этого человека. Фамилия-то очень громкая. Показали, но так и не дали познакомиться...

Сразу скажу: и мне его тоже не дали. Любезный сотрудник архива Федеральной службы контрразведки (так она называлась в начале 90-х годов), который знакомил меня со следственными делами некоторых попавших в руки Смерша венгерских и немецких офицеров, кратко сказал: "У нас такого человека не числится"...

Фамилия действительно громкая. По изданным на Западе справочникам аристократических русских родов мне не раз попадался Михаил Петрович Голенищев-Куту-

зов-Толстой, родившийся в 1896 году в Царском Селе. Указывалось, что он эмигрировал, жил в различных европейских странах и скончался в Ирландии в 1980 году. А вскоре эту краткую биографическую справку мне удалось развернуть, ибо нашлись знавшие генерала люди и даже его воспоминания.

Жизнь Михаила Кутузова-Толстого (фамилию Голенищев он часто опускал) годится для детективного романа. Родившийся в Царском Селе, выросший во Франции и Германии, вхожий во все лучшие дома тогдашней Европы, он мог сделать большую карьеру. Он в 1915 году окончил Александровский лицей в Петербурге, был призван в гвардейский кавалерийский полк. Затем грянула революция, в бурном 1918-м Михаил был отправлен в безопасную и спокойную тогда Тамбовскую губернию, в родовое имение Павловку. Там он сочетался браком с представительницей другого древнего рода — княгиней Марией Волконской. Здесь в его воспоминаниях кончается перечисление имен великих князей, принцев и графов и начинается эмигрантская эпопея. Приговоренный революционным судом к смертной казни как помещик и эксплуататор, граф с женой без документов бегут в Москву и Петербург с помощью... представителя ВЧК со странным именем Личван.

Хотите, верьте, хотите, нет. Супружеская пара, не имея ни денег, ни документов, летом 1918 года получает от ВЧК разрешение на выезд в Эстонию. Там граф встречает свою матушку — урожденную Шереметеву с её вторым мужем, прибалтийским бароном фон Кноррингом. Оба они тоже выехали из России по разрешению ЧК. Старшие уезжают в Германию, младшие — в Финляндию, куда дает графу визу сам Маннергейм (он служил в одном военном училище с отцом Михаила). Тот же Маннер-

гейм сводит Кутузова с претендентом на русский престол великим князем Кириллом. Далее путь лежит в Копенгаген, Париж, Брюссель (здесь княгиня Волконская умирает). Вскоре граф женится. Новая графиня Кутузова-Толстая — из бельгийского дворянского рода графов де Виллер д'Аванс де Вару. Супружеская пара живет в Югославии, Румынии и, наконец, в Венгрии.

Не надо быть специалистом по вербовке осведомителей для ВЧК-ОГПУ-НКВД, чтобы видеть в сиятельной паре идеальный объект для сбора информации о белой эмиграции в странах Восточной и Центральной Европы. Товарищ «Личван» не был достоин звания чекиста, если бы упустил такую возможность. Конечно, от органов безопасности нельзя получить официального подтверждения о том, были ли имярек информатором или агентом сих органов, но несколько ветеранов подтвердили, что граф таковым был. Косвенным подтверждением являются его воспоминания, на редкость бессодержательные особенно в той части, которая относится к Венгрии. Здесь граф — если ему верить — был официально шефом больницы в Будапеште, созданной в дни боев за город шведским Красным Крестом для иностранных подданных. Однако из документов личного архива графа, с которыми мне удалось познакомиться, ясно, что положение графа меньше всего относилось к санитарно-медицинской части. Так, он, фактически начальник отдела для русских военнопленных шведского посольства в Будапеште, 16 ноября 1944 года был уполномочен "установить первый контакт с русскими военными властями и поддерживать эту связь". Кроме того, он имел охранное письмо от швейцарского посольства. Граф Кутузов не мог не знать Валленберга, имя которого он странным образом вообще не упоминает в своих воспоминаниях. Почему? Кстати, с посе-

тителями своего дома в Ирландии он также неохотно беседовал о Валленберге. Зато он безусловно говорил с тем офицером Смерша, который допрашивал его о Рауле через несколько дней после освобождения Будапешта (Кутузов пишет, что это было в Будапеште; я думаю, что его возили в Москву). И вот что случилось со столь подозрительным (с позиции Смерша) человеком — белоэмигрантом, связанным с двумя посольствами, женатом на бельгийской графине и являющимся выходцем из классово чуждой среды. Его не только не задерживают, а производят в ранг помощника начальника Советской военной комендатуры, преподавателя иноязыков для советских офицеров. А графиня превращается в заведующую отделом (!) комендатуры для связи с иностранными гражданами, преподавательницей языка для начальника штаба Союзной комиссии генерала Свиридова!

Повторяю: я не получил дела Кутузова. Можно лишь догадываться, что столь давний информатор ВЧК-ОГПУ-НКВД мог снабдить свое ведомство любыми данными, удобными следователям Смерша. После войны он остался жить в Венгрии, а в 1951 году перебрался в Ирландию, где безбедно существовал, где и умер в 1980 году.

Глава 3 ВОКРУГ РАУЛЯ ВАЛЛЕНБЕРГА

Как он оказался в Москве

Наиболее распространенная в послевоенные годы версия самого факта нахождения шведского дипломата в Москве сводится к тому, что органы советской военной контрразведки, носившей звучное и пугающее имя Смерш¹, захватили этого дипломата, когда в январе 1945 года вместе с войсками 2-го и 4-го Украинского фронтов вошли в Будапешт, точнее, в его задунайскую часть — Пешт. К началу 1945 года мир ещё не догадывался, что Смерш становился полным хозяином в освобождаемых войсками, от немецких оккупантов странах Восточной и Юго-Восточной Европы. Сами же регулярные войска ещё продолжали свои операции, завершая разгром вермахта — им из Венгрии ещё предстояло войти в Австрию; на центральном участке советско-германского фронта впереди ещё был захват "логова зверя" — Берлина. В самой же Венгрии предстояло восстановление гражданской администрации, подчиненной Союзной контрольной комиссии. Органы Смерша ведали розыском военных преступников и всех тех, кто рассматривался как опасность для советских войск и советского государства.

В этой обстановке не такими уж неожиданными и неестественными могли показаться первые сообщения мировой печати о том, что Рауль Валленберг был задержан советскими войсками. Если учесть, что практика поведения советских оккупационных войск в Восточной Германии, Польше и других странах доставила десятки и

сотни подтверждений случаев, когда задерживались и направлялись в Москву — с основанием и без оных! — подозреваемые лица, то это могло только подтвердить версию «похищения» Валленберга. Не он один, десятки и даже сотни испытали судьбу заключенных знаменитой внутренней тюрьмы на Лубянке, тюрем в Лефортово и во Владимире — от шефа кайзеровской разведки полковника Николаи до последнего китайского императора Пу И, от польского разведчика Сосновского до венгерского премьера Бетлена.

Как выглядит первый документ о том, как попал Рауль Валленберг в "сферу влияния" советских войск, вступивших в Будапешт? Перед тем как его привести, оговорюсь: вся советская документация по этому достаточно щекотливому вопросу, хотя и датирована 1945 — 1947 годами, появилась на божий свет значительно позже. Лишь в 1989 году, уступая требованиям родственников Валленберга и шведской дипломатии, советские власти — читай КГБ СССР — передали им немногочисленные копии различных документов, которые находились в различных архивах (военных и контрразведки). Дела Валленберга, как такового, найдено не было, найдены были лишь разрозненные документы. Шведская сторона приняла их к сведению. Так вот, донесение политотдела штаба 151-й дивизии от 14 января гласит1:

"Донесение

начальника политотдела 151-й стрелковой дивизии от 14 января 1945 г. начальнику политотдела 7-й гв. Армии.

Начальнику Политотдела.

Занятой нами улице Бенцур дом № 16 находился секретарь шведского посольства в Будапеште Рауль Валленберг и его шофер автомашины. Остальные члены во главе с полномочным министром Даниэльсон находятся Буда. Главное здание посольства 12 район улица Гезопар дом № 8, там же проживает атташе Берг.

Оно защищает в Будапеште интересы лиц еврейской национальности, проживающих центральной гетто и так называемой "чужой гетто".

Посольство имеет в городе девять бюро.

Их адреса:

8 район улица Юлои, № 4; тот же район, улица Харминцаг, 6; тот же, улица Араньи Янош, 16; тот же, улица Клотильда, 3; тот же, улица Земельнок, 21; тот же, улица Ткра, 6; шестой район, улица Реваи, 16; тот же, улица Иокаи, 1.

Валленберг передал текст телеграммы в Стокгольм на немецком языке находящийся у меня. Просит сообщить, что он находится на занятой нами территории, все остальные члены и особа по фамилии Нельсон — на занятой территории.

Судьба этих лиц неизвестна. Рауль Валленберг и шофер помещены и охраняются.

Прошу Ваших указаний Дмитриенко".

Следующий документ был датирован тем же числом — 14 января — и, видимо, был результатом доклада 151-й дивизии, который адресовался в вышестоящий политотдел 7-й гвардейской армии. Оттуда, минуя дивизию, в 30-й стрелковый корпус, в который входила дивизия, последовало указание:

"Командиру 3 °СК

Копия: начальнику штаба 2 Укрфронта 1. Находящегося в 151 СД секретаря шведской миссии Рауль Валленберг проводить немедленно командиру 18 СК генерал-майору Афонину, обеспечить его сохранность и удобством передвижения.

2. Связь Рауль Валленберг с внешним миром воспретить.

3. Получение и исполнение донести.

14.1.45 23:30 Куприянов"

Резолюция: ***"т. Павловскому, т. Поветкину. Немедля выяснить, что за секретарь, где все посольство"***.

На полях от руки результаты выяснения:

"Взяли его 13.1.45 на ул. Бенцур (пришел сам)

Остальные члены посольства в западной части Отказался уходить в тыл, заявив, что его ответственности около 7000 шведских граждан в восточной части города".

Как видно, эти донесения шли по линии политотдела, а не Смерша. Тем не менее на всякий случай решили "связь с внешним миром запретить". Кроме того, сохранилась такая записка: "18 — к. Афонину. Пока никуда не отпускать. Телег(рамму) никуда не передавать".

Тогда-то в судьбу Валленберга вмешались высшие силы. Об этом в своих уникальных воспоминаниях рассказал полковник Яков Валлах.

"Январь 1945 года. Наша 151-я стрелковая дивизия вела тяжелые уличные бои в Будапеште, продвигаясь по самому центру восточной части венгерской столицы —

Пешту — и далее к Дунаю. В один из тех дней, 14 января, и произошла моя встреча с Р. Валленбергом.

Командир одного из полков дивизии доложил, что к нему пробрались два человека, назвавшиеся сотрудниками шведского посольства в Будапеште. Они просили связать их с советским командованием. Командир дивизии поручил мне, а я был тогда старшим инструктором политотдела, прибыть в штаб полка.

Со мной отправились офицер связи того полка, без которого трудно было бы в лабиринте улиц и переулков найти сам штаб, и два солдата-автоматчика. Преодолевая простреливаемые места, мы наконец прибыли в штаб, который находился в известном будапештском парке «Варошлигет», в подвале водолечебницы. Здесь я и увидел высокого стройного мужчину Рауля Валленберга, первого секретаря шведского посольства и уполномоченного Международного Красного Креста. Своего спутника, невысокого роста рыжеволосого венгра, он представил как шофера — Вильмоша Лангфельдера. Валленберг очень оживился, когда узнал, что я говорю по-немецки.

От офицеров полка я узнал, что Валленберг и его спутник неожиданно появились на улице, где рвались снаряды и мины, где все простреливалось гитлеровскими автоматчиками, засевшими на верхних этажах домов. В руках Валленберг держал маленький шведский флаг.

Валленберг повторил мне свою просьбу — связать его с советским военным командованием, как он выразился, "достаточно высокого ранга". Вспоминаю, что он рассказал мне о его такой же попытке накануне, но офицер и солдаты, к которым обратился, видимо, его не поняли. Все дело ограничилось тем, что у него отобрали легковой автомобиль и отпустили восвояси.

И вот уже вшестером мы отправились в штаб дивизии. Там — командир дивизии генерал-майор Д. Подшивайлов, начальник штаба полковник Н. Рогаткин, начальник политотдела полковник Я. Дмитриенко, начальник отдела контрразведки майор И. Кислица. Я переводил. Валленберг подробно рассказал о своей миссии в Будапеште, о том, как удалось спасти тысячи венгерских евреев, обреченных гитлеровцами на полное физическое уничтожение. Он рассказал также и о будапештском гетто, даже показал на плане города точное его местонахождение.

Беседа с Валленбергом длилась долго. Мы много раз переспрашивали его, почему он не выехал из Будапешта, когда приблизился фронт, почему так рисковал своей жизнью. Ответ его был один: он выполнял свой долг. Валленберг с беспокойством говорил о том, что, когда начались бои в Будапеште, он уже не мог продолжать свое дело — спасти узников гетто. Поэтому теперь так настойчиво ищет контактов с военным командованием, чтобы обсудить, что же делать дальше, как спасти обреченных людей. Затем по его же просьбе из штаба дивизии был послан «наверх» запрос. Я не знаю, с кем связывался начальник штаба дивизии — со штабом 7-й гвардейской армии или со штабом 18-го гвардейского стрелкового корпуса, который был промежуточным оперативным звеном между дивизией и армией...

Остаток ночи я провел с Валленбергом и его шофером почти безотлучно. Мы предложили обоим отдохнуть, поспать. На командном пункте дивизии — а это была многокомнатная квартира — мы отвели им отдельную комнату. Но оба они почти не спали. Да и есть не стали, только выпили с нами чай.

Помню, что в руках у Валленберга был объемистый портфель. Он пояснил, что в нем важные документы, которые готов передать советскому военному командованию.

Утром, было это в 10 — 11 часов, к нам прибыли на двух автомобилях «виллис» офицеры, как мы полагали, из штаба 7-й гвардейской армии. Их было четыре человека, старший — полковник. Он уединился с начальником штаба, а затем поручил мне передать Валленбергу, что его могут доставить к командованию фронта, как он об этом просит. Валленберг обрадовался.

Потом Валленберга и его шофера пригласили сесть в автомобили. Помню, что их усадили не вместе, а порознь, каждого в отдельный «виллис». Рауль Валленберг тепло попрощался с нами.

Еще одна подробность. Перед отъездом тот полковник предупредил всех нас, что мы никому не должны говорить о Валленберге. Тогда мы не придали этому особого значения. И только через много лет узнали, куда отвезли шведского дипломата и как распорядились его судьбой".

Это живое свидетельство подтверждает, что ни о каком «захвате» речи не было. Итак, 13 января Валленберг — в расположении советских войск. 18-го он должен был быть у командира корпуса Афонина (его штаб находился в Пеште), но 17-го он вместе с шофером Лангфельдером убывает в Дебрецен — в ставку командующего 2-м Украинским фронтом Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. На «захват» опять-таки все это непохоже, ибо заботятся не только о «сохранности», но и об "удобстве передвижения". Ключевое же слово "пришел сам" обозначено вполне официально. Свидетели сообщали,

что в эти дни Валленберг перед отъездом в Дебрецен ещё раз посетил свое бюро на улице Бенцур, где и сказал знаменитые слова:

— Я не знаю, еду ли я в качестве гостя или в качестве пленника...

Был ли он гостем — утверждать не будем, но пленником он стал лишь 19 января: так гласит запись в учетной карточке на Валленберга, составленной позже в Москве. Из Москвы пришла за подписью замнаркома обороны Н. А. Булганина директива: отправить шведа в Москву. 25 января он был под конвоем отправлен поездом. Путь был далек, но не очень тяжел. Валленбергу и Лангфельдеру разрешили даже пообедать в вокзальном ресторане станции Яссы, а по прибытии в Москву — отправили на экскурсию по знаменитому московскому метрополитену. (Об этом он позже рассказывал своим сокамерникам.)

Зачем Валленберг явился в Дебрецен? Один венгерский политик из левого лагеря, который в эти дни там находился и вел переговоры о формировании нового правительства, рассказывал, что он с некоторым удивлением увидел знакомого ему шведского дипломата у одного из кабинетов советской военной администрации. "Вы ведь знаете, — сказал он с иронией шведу, — в эту комнату легко войти, но очень трудно выйти!.." Валленберг лишь улыбнулся в ответ.

Что же собирался обсуждать в Дебрецене с советскими генералами Валленберг? Баронесса Фукс-Кемень, которую связывали с Валленбергом в Будапеште дружеские отношения, сообщила мне:

— У Рауля был подробно разработанный план — каким образом оказать гуманитарную помощь оставшемуся

в живых еврейскому населению Венгрии. Этот план он обсуждал со своими сотрудниками.

Баронесса была права: текст предложений Валленберга сохранился. Он хотел создать специальный фонд помощи жертвам террора и преследований, чтобы облегчить им возвращение к нормальной жизни. В предполагавшемся обращении к венгерскому народу говорилось:

"Мы решили создать организацию, название и цель которой я ныне предаю гласности. Это не только чисто гуманитарная, но экономическая организация, ибо если мы будем рассматривать её только с гуманитарной позиции без соответствующей экономической организации, то она будет ограниченной и в некоторых отношениях неэффективной. По желанию моих сотрудников мы хотим назвать новую организацию "Валленберговский институт помощи и реконструкции".

Валленберг предлагал свою личную помощь и опыт для того, чтобы решать следующие задачи: возвращение детей родителям, восстановление условий для нормальной жизни, правовая помощь жертвам, восстановление и обновление деловых связей, создание рабочих мест, распределение продовольствия, помощь жильем, сбор и распределение одежды, репатриация и эмиграция, сохранение культурных ценностей, медицинская помощь, борьба с эпидемиями, строительство жилищ и промышленных предприятий, создание временных жилищ и больниц, планирование и международная помощь в решении подобных проблем.

Валленберг собирался представить свои предложения новому венгерскому правительству, которое форми-

ровалось в Дебрецене, и добиться от маршала Р. Я. Малиновского одобрения и поддержки. Наличие этого плана подтверждают многие источники, которые собрал в своей книге венгерский публицист и историк Е. Леваи. Но не менее бесспорный факт заключается в том, что никакой план в Дебрецене не обсуждался. В документах Союзной контрольной комиссии или в документах венгерского правительства не обнаружено никаких следов "Валленберговского института". Да и времени на такое обсуждение не было, потому что пришла команда отправить Р. Валленберга в Москву.

"Москва слезам не верит"

Известно, что архив КГБ очень скуп в документации о Валленберге. Вдобавок ряд документов не поддавался научной идентификации — настоящие они или нет. Но мне удалось найти такой документ о Валленберге, подлинность которого не подлежит сомнению. Не в последнюю очередь потому, что его никогда не числили в якобы отсутствовавшем следственном деле на шведского дипломата. Он лежал совсем в другом месте — а именно в картотеке НКВД-МВД, которая с момента создания этого учреждения велась на всех лиц, которые подвергались лишению свободы. Когда в середине 90-х годов в МВД РФ был создан Центр реабилитации и архивной информации, то московской общественности были презентованы некоторые образцы ведомственной документации, в том числе отдельные "учетные карточки" из этой многосоттысячной картотеки. Например, карточка Фанни Каплан, арестованной в 1918 году за покушение на В. И. Ленина. Или в том же 1918-м — на "Сиднея Георгиевича Рейли, капитана британской армии", знаменитейшего британского разведчика (с пометкой "без личного разрешения спра-

вок по делу никому не выдавать"). В 1937 году такая карточка заводилась на М. Н. Тухачевского, в 1938-м — на Н. И. Бухарина и в 1953-м — на самого Берия. Да, на Л. П. Берия, арестованного 26 июня 1953 года как "руководителя антисоветской заговорщической группы"...

Именно среди этих поистине исторических карточек была и такая:

"Фамилия: Валленберг Имя: Рауль Отч.: Густав
Год. рожд.: 1912. Место рожд.: Стокгольм Адрес:
Будапешт (ул. неразборчиво), № 3

Проф.: дипломатич. (неразборчиво) удост.
№ 248 МИД Швеции Место раб.: Шведское посольство
в Будапеште Парт.: б/п Нац.: швед Гражд.: швед.

Арестован — 19.1.1945

Орган: НКВД СССР, ГУКР Смерш.

На обороте карточки была сделана запись:

"Военнопленный, приб. 6.II.1945 из Будапешта
в рас. ГУКР Смерш".

Запись достаточно красноречивая, чтобы определить первое — но далеко не единственное! — правонарушение, которое было совершено по отношению к дипломату: как можно было зачислить в военнопленные гражданина страны, с которой Советский Союз не только не находился в состоянии войны, а поручил ей представлять свои интересы? Да ещё вдобавок военнопленным объявили сугубо гражданского человека, дипломата! Разумеется, регистратор внутренней тюрьмы НКГБ не был умудрен

специальными правовыми знаниями. Но он, по существу, выдал обвинительное заключение тем, кто в нарушение всех законов и установлений объявил шведского штатского гражданина, дипломата Валленберга военнопленным советских властей...

О том, что происходило с Валленбергом в Москве, свидетельств совсем немного. «Сохранились» лишь записи о проведении допросов в Лубянской и Лефортовской тюрьмах, квитанция о приеме вещей дипломата при поступлении во внутреннюю тюрьму. Утверждается, что не сохранилось ни одного протокола самих допросов, никаких показаний. Правда, КГБ проявил чудо графологической исследовательской работы, когда в регистрационной книге допросов вдруг выявил замазанную чернилами фамилию следователя Д. Копелянского. Но это мало что изменило: ветеран-чекист Копелянский заявил, что ничего не знает и ничего не помнит — не помнит даже фамилию «Валленберг»! Далее в «коллекции» КГБ большой пробел и... рапорт о смерти Валленберга, датированный июлем 1947 года.

Вторым источником сведений о том, что происходило с пленником Лубянки, стали сведения, полученные от его товарищей по несчастью сокамерников или соседей по камерам. Ценность и достоверность этих рассказов очень различны. Вернувшись на родину после "недобровольного пребывания" в Москве, они сообщали о своих встречах и беседах с Валленбергом шведским властям; 19 из них дали официальные показания. В их числе были:

Густав Рихтер, полицейский атташе немецкого посольства в Будапеште;

Карл Супприан, генеральный секретарь Немецкого научного института в Бухаресте;

Клаудио де Мор, советник по делам культуры посольства Италии в Испании;

Хайнц-Гельмут фон Хинкельдей, немецкий представитель при румынском генштабе;

Хорст Кигман, полковник;

Вилли Бергман, сотрудник немецкого посольства в Румынии;

Антон Мориан, советник немецкого посольства в Болгарии;

Бернард Рензинхоф, немецкий дипломат;

Эрхард Хилле, солдат немецкой армии;

Эрнст Хубер, связист немецкой разведки в Румынии;

Рудольф фон Хемпель, немецкий советник при румынских войсках.

Я привел их имена, чтобы можно было видеть широкий диапазон невольных свидетелей пребывания Валленберга в Москве.

Вот краткая хронология "московского периода" в жизни и смерти Рауля Валленберга. Он прибыл в Москву 6 февраля 1945 года. Первый его допрос в Лубянской тюрьме состоялся 8 февраля; следующий — 28 апреля. На первом допросе, который вел сотрудник 1-го отделения (допросы военнопленных) 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР Яков Сверчук, Валленбергу сказали: "Мы вас хорошо знаем. Вы принадлежите к богатой капиталистической семье Швеции" — и обвинили его в шпионаже. Так рассказал сам Валленберг своему сока-

мернику Густаву Рихтеру. 29 мая 1945 года Валленберг был переведен в Лефортовскую тюрьму, где его допрашивали два раза — 17 июля и 30 августа 1956 года. 1 марта 1947 года Валленберга вернули на Лубянку; там его допрашивали 11 марта 1947 года и, возможно, ещё раз в марте — апреле (как нам сообщил переводчик, участник допроса).

В Лефортове дипломата дважды — 17 июля и 30 августа 1946 года допрашивал Даниил Копелянский. Если верить воспоминаниям соседей Валленберга, Копелянский заявил шведу, что его дело "совершенно ясное", что это "политическое дело". На вопрос Валленберга, будут ли его судить, следователь ответил: "По политическим причинам вас никогда судить не будут".

Пять допросов за два с половиной года? Да ещё ни одной записи или протокола? Эти сведения коренным образом расходятся с сообщением отставного генерала КГБ Елисея Сеницына, которому его некий приятель (он скрылся за инициалами Л. Г.) из Смерша рассказывал, что в начале 1945 года следствие по Валленбергу шло очень интенсивно.

— Для ведения следствия, — рассказал Л. Г., - создана специальная группа следователей, которая проводит допросы непрерывно конвейерным образом...

Это свидетельство, на первый взгляд, более правдоподобно. Однако оно не подтверждается сообщениями сокамерников Валленберга, где и речи нет о знаменитых непрерывных допросах, о которых известно по практике прежних политических процессов лубянского ведомства. Валленберг безусловно пожаловался бы на такие допросы. Густав Рихтер, который провел с ним январь — февраль 1945 года, рассказывал, что за это время Валлен-

берга допрашивали только один раз, примерно час — полтора. Это совпадает с тюремным журналом, отметившим лишь допрос 8 февраля. Далее, сам Валленберг жаловался в 1946 году соседу-заключенному Вилли Рёделю, что "сидит целый год без допроса".

Итак, следствием было предъявлено Валленбергу одно лишь требование: он должен признаться в шпионской деятельности.

Против кого — можно было догадаться сразу. Против Советского Союза, против Советской армии-победительницы, дивизии которой громили фашизм, в том числе и в Венгрии. Иначе бы советская военная контрразведка (Смерш) и не должна была бы заняться следствием против гражданина Швеции, кстати, обладавшего дипломатическим иммунитетом. По свидетельствам сокамерников, именно об этом говорил сам Валленберг. Густаву Рихтеру было известно, что в начале февраля 1946 года Валленберг написал заявление начальнику лубянской тюрьмы с протестом против его ареста и заключения. Он ссылаясь на свое шведское гражданство и свой дипломатический статут, требуя встречи с представителями шведского посольства. Это заявление, по воспоминаниям Рихтера, заключенный камеры 123 вручил дежурному охраны на первом этаже тюрьмы.

Позднее — во время пребывания в Лефортовской тюрьме — летом 1946 года Валленберг написал письмо на имя Сталина, повторив аргумент о своем дипломатическом статуте и требуя допроса и связи с посольством. Как вспоминал Рензинхоф, Валленбергу подтвердили, что его заявление было вручено адресату. На последнем допросе заключенному сказали:

— Лучшим доказательством вашей вины является тот факт, что вами никто не интересуется. Если бы ваше правительство и ваше посольство проявило бы интерес, то они давно бы установили с вами контакт...

Конечно, у Валленберга не было возможности пере-проверить это заявление следователя, но оно звучало убедительно. Однако заключенный продолжал отстаивать свой особый статус и, как он сообщил сокамерникам, отказывался отвечать на вопросы следователя.

Но о чем же его спрашивали?

Если собрать все немногочисленные свидетельства, то там содержится лишь одна формула — «шпионаж». Без уточнения — в чью пользу? Вариантов не так уж много. Первый — в интересах немецких спецслужб.

Немецкий агент?

17 марта 1945 года старший следователь 2-го отделения 4-го отдела Управления контрразведки Смерша 2-го Украинского фронта капитан Овчаренко допросил в Будапеште человека, биографические данные которого были кратко изложены капитаном так:

"Томсен Генрих Вольдемарович, 1907 года, уроженец города Осло (Норвегия), норвежец, подданный Норвегии, из служащих, с высшим образованием, беспартийный, заведующий отделом по защите дипломатических интересов Союза ССР шведского королевского посольства в Будапеште".

...Родившийся в Осло в 1907 году, сын шведского дельца и обладатель норвежского паспорта Генрих Вольдемарович учился в Германии, Швейцарии и Франции, жил в Латвии и Англии, затем (с 1939 года) в Норвегии,

откуда был как техник вывезен на работы в Германию и очутился в гестапо по подозрению в работе на английскую разведку. После 6 недель заключения освобожденный Томсен оказался в Австрии, а с 1941 года — в Будапеште. Здесь он работал в различных венгерских фирмах, пока в 1944 году не попросился на работу в шведское посольство. Здесь же из-за знания редкого языка — русского Томсена (с благословения Валленберга, как он сам утверждал) делают заведующим отделом дипломатических интересов СССР и советских граждан!

Удивительно, не правда ли? Именно таково было и ощущение первого «Смершиста», в руки которого Томсен попал 17 марта 1945 года. Капитан Овчаренко сразу почувал «жареное». Он допрашивал его более двух суток, тот же оказался довольно словоохотливым и после некоторых проволочек признал, что шведское посольство " фактически проводило деятельность, направленную на подрыв мощи союзных государств, и в частности Советского Союза". 20 апреля и 26 мая допрос продолжили уже в Москве, в Главном управлении Смерша. Обнаружилось, что Томсен охотно "катил телегу" на своих коллег, в том числе и на Валленберга, обвиняя их в шпионской деятельности, направленной против СССР, а Валленберга — в выдаче "охранных документов" не евреям, а ээсовцам. Впоследствии выяснилось, что Томсен — не норвежец, а немец Герман Гроссхейм-Крысько. Он пробыл в советском плену до 1953 года, после чего очутился в... Кёльне, где в шведском консульстве повторил свою версию о том, что шведское посольство действовало в интересах ээсовцев и после войны могло превратиться в шпионский центр, предназначенный для работы в "новой Венгрии".

О том, что Валленберга советские органы подозревали в связях с немцами, рассказывал человек, который сразу после войны руководил советской контрразведкой в Центральной Европе, генерал КГБ Михаил Белкин. Он делился своими знаниями со своим другом, генералом Павлом Судоплатовым. Выходило, что ещё во время войны фронтовые органы Смерша получили ориентировку на Валленберга, которого подозревали "в сотрудничестве с германской, американской и английской разведками". Предписывалось установить постоянное наблюдение за ним, отслеживать и изучать его контакты, прежде всего с немецкими спецслужбами. Судоплатов так излагал мне сведения Белкина:

"Я помню, что Белкин говорил мне о нескольких зафиксированных встречах Валленберга с начальником немецкой разведки Шелленбергом".

Судоплатов не высказывал оценок достоверности слов своего коллеги. Точных данных о связи Шелленберга с Валленбергом нет, хотя теоретически они были возможны. Если бы связи были, то шеф разведки СС более определенно упомянул бы о них в своем оправдательном "меморандуме Троза". Зато Судоплатов приводит другой источник версии о немецких контактах шведа. Это уже знакомый нам граф Кутузов-Толстой. Судоплатов со слов Белкина:

"О работе Валленберга, как я припоминаю, сообщал наш агент Кутузов (он принадлежал к роду великого полководца), эмигрант, привлеченный к сотрудничеству с советской разведкой ещё в начале 30-х годов. Кутузов работал в миссии Красного Креста в Будапеште и участвовал в разработке Валленберга. Согласно сообщениям Ку-

тузова, Рауль Валленберг активно сотрудничал с немецкой разведкой".

Эти два источника — Гроссхейм и Кутузов — носят слишком специфический, «заказной» характер. Да и появились они на свет не сразу после ареста Валленберга, а значительно позже — видимо, лишь тогда, когда на Лубянке стали искать оправдания своей «антивалленберговской» акции. Характерно, что в своих тюремных беседах сам шведский дипломат не упоминал «немецкой» версии: сразу после будапештской борьбы Валленберга с Эйхманом и иже с ним, она показалась бы слишком протянутой за уши. Враждебность Эйхмана к защитнику будапештских евреев была ещё у всех на памяти.

О том, как советская сторона (точнее, КГБ) пыталась "немецкую версию" сделать привлекательной и убедительной для шведской стороны, свидетельствует документ, который попал в мои руки несколько необычным путем. В начале 90-х годов — когда я вплотную занялся делом Валленберга — я постарался найти некоторых, тогда ещё живых ветеранов КГБ, которые имели прямое (или косвенное) отношение к этому делу. Встретился я и с бывшим заместителем министра госбезопасности, генералом в отставке Евгением Питоврановым. Сидя в кабинете заместителя президента Русско-итальянской торговой палаты (именно туда занесла моего собеседника постсоветская эпоха), он неохотно старался вспомнить былое, в том числе и дело знаменитого шведа. Правда, в очень узких рамках и (не очень убедительно) ссылаясь на то, что всем занимался лишь министр (Абакумов), а он мало что знал. Но как бы случайно он нашел на своем столе стеклографированный документ якобы «неизвестного» происхождения. Я внимательно изучил текст. Он был претенциозно озаглавлен "Положить карты на стол" и обви-

нял шведов, что они якобы хотели после войны сделать свое посольство в Будапеште шпионским центром, предназначенным для работы в новой, послевоенной Венгрии. Ссылки были на того же Томсена.

Пафос этого неподписанного документа понятен. Он направлен против очень нехороших шведов, которые никак не могут примириться с исчезновением Валленберга и игнорируют факты его сомнительного поведения. Но интересно, что явные намеки на сотрудничество Валленберга с советской стороной в Будапеште здесь тоже присутствовали. Мы, то есть русские, как оказывается, поддерживали его акцию и вполне примирялись с использованием шведом американских денег. Валленберга, подчеркивается в документе, поддерживал коммунист Вильмош Бём (он действительно был в списке лиц, с которыми Валленберг был в контакте). Что же, возьмем эти строки на заметку, когда будем рассматривать связи Валленберга с советской стороной.

Кстати, об этом же говорила другая версия, появившаяся не без помощи КГБ.

Насколько глубоко запали в советскую "разведывательную душу" переговоры, которые на исходе третьего рейха вели его лидеры, и в первую очередь Генрих Гиммлер, через Бехера, Мюзи и иных посредников, можно видеть по одному — на первый взгляд, абсолютно абсурдному! — сообщению, которое появилось на свет много лет спустя после конца войны. В нем тоже идет речь о Гиммлере, тоже о секретных контактах, но уже не с еврейскими организациями, не с американской разведкой, но с разведкой советской. Оно принадлежало кадровому работнику внешней разведки, дослужившемуся до генеральского звания, а потом вышедшему на пенсию и из-

бравшему научную стезю. Его имя — Радомир Богданов, бывший резидент в Индии, после войны заместитель директора Института США и Канады, затем заместитель председателя Советского комитета защиты мира. Отставной генерал в конце 80-х годов (в эпоху перестройки) попросил приема в международном отделе ЦК КПСС, где изложил следующие соображения, базировавшиеся на его сведениях военного времени. Богданов обратил внимание своего собеседника (тот запомнил беседу хорошо) на то, что в свое время, когда с пьедестала был свергнут Лаврентий Берия, весь объем его многосторонней деятельности не был подвергнут глубокому и серьезному анализу. Тогда надо было срочно избавляться от Берия, что и было сделано без соблюдения особых формальностей и предварительного следствия. В этом с Богдановым можно и должно согласиться. Хотя над Берия был совершен суд и казнен он был по приговору военного трибунала, процедура суда и особенно обвинения были, мягко говоря, смехотворными. Ничем не доказана была давняя связь Берия с иностранными разведками, ничем не доказано было вменявшееся ему намерение вернуть в страну капитализм. Из "репрессивного реестра" были выхвачены лишь немногие злодеяния, а описываемые любовные похождения Берия были пригодны не для смертного приговора, а для дешевого романа.

Что имел в виду генерал Богданов? Он утверждал, что в конце войны Лаврентий Берия, узнав о сделках Гимmlера с Западом, сам решил вступить в связь с шефом СС. Он предлагал ему аналогичную сделку: спасение от наказания для группы высших чинов СС в обмен на списки немецкой агентуры в Восточной Европе, в частности на некогда оккупированных территориях. Связным,

который должен был наладить "сделку века", являлся не кто иной, как Рауль Валленберг!

Собеседник Радомира Богданова рассказывал мне, что встретил это сообщение со скепсисом, считая его очередной версией КГБ, который старался найти какое-то объяснение своему поведению в деле Валленберга. Мол, был он в связях с нацистской верхушкой, что подлежало с стороны органов госбезопасности распознаванию и последующему наказанию. Сам же факт связи Берия с СС выглядел не таким уж неожиданным или самообличающим для КГБ, поскольку на счет Берия привычно списывалась целая эпоха в истории НКВД-НКГБ-МВД. Скептически воспринял версию и я, считая малоискушенного в политических интригах Рауля Валленберга фигурой не очень пригодной для столь хитроумного и опасного маневра.

Американский агент?

В годы "холодной войны" для Москвы выглядел привлекательным мотив якобы антисоветских действий Валленберга как агента американских спецслужб вкупе с деятельностью международных сионистских организаций. Так, итальянский сокамерник Валленберга Клаудио де Мор упоминал, что шведский дипломат "обвинялся в том, что принимал участие в еврейских операциях в Будапеште". Американо-сионистская версия нашла свое отражение в опубликованном в 1997 году свидетельстве ныне покойного генерала Елисея Сеницына. Сеницын так излагает свою беседу с начальником Смерша Виктором Абакумовым:

— Следствие надо довести до признания его (Валленберга) в сотрудничестве с американской разведкой и международным сионистским центром.

— Такие показания не даст он и под пытками, — возразил Сеницын.

— Мы не палачи! Мы только карающий меч Советского Союза и от Валленберга скоро получим показания, уличающие его в шпионаже против Советского Союза, — таков был ответ Абакумова.

Он втолковывал Сеницыну:

— Валленберг в Будапеште занимался вывозом евреев только по спискам, которые представляли интерес для американской разведки и сионистского центра...

Здесь не место говорить о безосновательности таких обвинений в адрес Валленберга, подопечные которого находились в "шведских домах" и практически никуда не вывозились. Но в стремлении вывести на американцев все действия, предпринятые Смершем против шведского дипломата, безусловно было основание — желание шефа контрразведки доказать Сталину, что именно он, Виктор Абакумов, раскрыл, разоблачил и наказал опаснейшего врага Советского Союза. В этом стремлении Абакумов мог спокойно пренебречь и дипломатическим статусом Валленберга и тем, что формально если бы тот сотрудничал с разведкой США, то он сотрудничал с разведкой страны, ведшей вместе с СССР войну с германским фашизмом.

Разговор двух лубянских генералов — Абакумова и Сеницына — состоялся где-то в конце 1945 года. К этому времени поворот советских спецслужб на нового противника — американский империализм — уже был свершившимся фактом.

Переориентация с главного противника Германии на главного противника США произошла ещё до окончания войны. Когда в Москву в 1944 году прибыл генерал шеф УСС Донован и обсуждался вопрос об обмене специальными миссиями двух разведок, — уже тогда Берия инструктировал контактировавшего с Донованом генерала Фитина и полковника Овамикяна (псевдоним — Осипов), что их главной целью является ориентация в антисоветской деятельности американских спецслужб УСС и ФБР. В ведомстве Берия считалось, что, вопреки широко распространённому мнению, не англичане, а американцы располагают наиболее опасным для советской страны спецаппаратом. Возможно, такому взгляду способствовало то обстоятельство, что в сердце британской разведки уже были внедрены "советские датчики" — знаменитая пятерка Филби — Маклин Бэрджес — Блант — Кэйнкросс и поэтому обо всем, что предпримет шеф британской разведки генерал Мензис, заранее в Москве знали. Зато Донован, Даллес и их преемники ещё нуждались в изучении. Ориентация на США как главного противника была официально сформулирована сразу после Ялтинской конференции, а потребность в изучении этого противника усилилась в самом конце войны.

Следовательно, Валленберга надо было бы в первую очередь использовать на этом новом направлении. Что касается бывших позиций абвера и СС, то у Смерша было достаточно других источников для выяснения прямой немецкой агентуры, поскольку среди захваченных в плен узников Лубянки были «звезды» немецкой, венгерской и румынской разведок. СС уже ушло в небытие. Куда интереснее были иные связи шведа, ведшие к УСС, а также к еврейским организациям в Будапеште, Стамбуле, Палестине и, конечно, в США. В глазах НКВД эти организации

были равнозначны американским спецслужбам. Уже тогда слово «Джойнт» на Лубянке (впрочем, как и в РСХА) было синонимом международного еврейско-империалистического, сионистско-американского заговора против Советского Союза и идей коммунизма.

Версии двух генералов

Установка контрразведки была очевидна: кем бы ни был попавший в её руки человек, сначала нужно было получить от него ценную для Смерша информацию. А уж затем постараться в расчете на будущее, то есть приобрести этого человека как источник новой информации. Простая, но жестокая логика деятельности этого учреждения требовала рассматривать все под сугубо профессиональным углом зрения. О том, что именно под этим углом смотрели на Рауля Валленберга, свидетельствует повествование упоминавшегося выше генерала Синицына. Кадровый разведчик, резидент НКВД в Хельсинки (1939—1941), Стокгольме (1944—1945), Берлине (1950—1952), представитель КГБ в Венгрии (1953—1956), Польше (1952—1957), Чехословакии (1970—1981), он прошел сорокалетний путь разведчика-профессионала от слушателя школы особого назначения до заместителя начальника 1-го Главного управления КГБ СССР. Появившиеся в 1996 году его мемуары содержат рассказ о Рауле Валленберге — рассказ, который я не смог перепроверить (Синицын скончался несколько лет назад). Однако он заслуживает быть включенным в разряд одной, причем вполне вероятной, версии о том, что же произошло или могло произойти с Валленбергом в Москве. Синицын в начале 1945 года был назначен начальником отдела 1-го Главного управления НКГБ по скандинавским странам.

Синицын знал Швецию. Тем большим было его удивление, когда окольным путем — не от сотрудников собственного ведомства, а от советских дипломатов он узнал, что Рауль Валленберг находится в руках Смерша в Лубянской внутренней тюрьме. Сотрудник скандинавского отдела НКВД поделился с Синицыным теми трудностями, которые испытывает его ведомство при объяснении судьбы шведского дипломата, о котором НКВД официально известил Стокгольм, что он под охраной советских властей в Будапеште. Но что с ним дальше узнать не удалось. Синицын навел справки и неофициально узнал, что Валленберг — в руках Смерша. Тогда-то и родилась у генерала мысль — а что, если приобрести отпрыска столь знаменитой семьи в качестве советского осведомителя?

Много лет спустя Синицын объяснял свою мысль заботой о самом Валленберге и возмущением незаконными действиями главы Смерша Абакумова. Мне кажется, что, скорее всего, действовали не гуманитарные соображения, а профессиональный рефлекс. Синицын знал, кто такие Валленберги. Знал, что во время войны удалось наладить с ними деловой контакт через специальные каналы и негласно обеспечить получение шведских шарикоподшипников для советской авиапромышленности. Синицын поделился своей идеей со своим начальником — Павлом Фитиным, и оба они отправились к Абакумову. Синицын вспоминает¹:

"— Вам, уважаемый Виктор Семенович, известно, — сказал Фитин, — что шведское правительство уже неоднократно обращалось в наркомат иностранных дел с просьбой сообщить о судьбе Валленберга, находящегося в СССР. Ответ заместителя наркоминдела Деканозова их не удовлетворяет.

— А для чего вам все это знать, уважаемый Павел Михайлович? — резко спросил Абакумов.

— Мы предлагаем вам прекратить следствие над Валленбергом и начать совместно с нами работу по привлечению его к сотрудничеству с советской разведкой. Пусть он и впредь останется в ведении военной контрразведки, но мы к вашим следователям добавим нашего опытного разведчика-вербовщика и дело завершим привлечением Валленберга к работе на Советский Союз, спокойно ответил Фитин.

— В такой помощи мы не нуждаемся. У нас есть много квалифицированных вербовщиков, которые не хуже вашего справились бы с ним, но следствие надо довести до признания его в сотрудничестве с американской разведкой и международным сионистским центром, — ответил Абакумов.

Пришлось и мне вступить в эту дискуссию. Я сказал, что дипломат Валленберг находился в Будапеште по поручению шведского правительства, чтобы осуществлять защиту интересов Советского Союза в Венгрии и оберегать венгерских евреев от расправы над ними немецких и местных фашистов. Семья Валленбергов в Швеции обладает миллиардным состоянием и никогда не проявляла враждебности к СССР. Наоборот, во время войны заводы Валленбергов добросовестно снабжали Советский Союз высококачественными шарикоподшипниками и инструментом, без чего наша авиация не могла бы подняться в воздух. Почти ежедневно наши самолеты по ночам пересекали линию фронта с Финляндией, приземлялись в Швеции и поставляли оттуда эти подшипники прямо на наши авиазаводы.

Один из Валленбергов по поручению советского посла в Швеции Александры Михайловны Коллонтай в 1944 году выезжал в Хельсинки убеждать финнов, чтобы они начали переговоры с Советским Союзом о заключении перемирия: нам тогда требовались солдаты с финского фронта для решающего удара по Берлину.

— Таким образом, — сказал я, — получается парадоксальная ситуация — в Швеции Валленберги помогают нам в разгроме фашизма, а вы сажаете в тюрьму шведского дипломата Валленберга без доказательств и требуете от него признания, что он в Будапеште шпионил против Советского Союза.

В это время Фитин подключился к разговору и сказал:

— Арест Валленберга в Будапеште является ошибкой военной контрразведки, и дело Валленберга, уважаемый Виктор Семенович, вы до суда не доведете. А если вам не с чем будет идти в суд, то скажите, пожалуйста, в связи с этим, как вы намерены закончить это дело? Ведь бесконечно это дело продолжаться не может. Говоря об этом с вами откровенно, мы не желаем вам неприятностей, мы предлагаем вам отказаться от ведения следствия над Валленбергом, как агентом американской разведки, а совместно с нами начать с ним работу. Если это предложение вам не подходит, то передайте Валленберга к нам в разведку, и мы готовы нести всю ответственность за дальнейшее его пребывание в тюрьме..."

Но Абакумов был непреклонен.

Синицын объясняет отказ Абакумова свойством его характера "карьериста, шагавшего по трупам". Я склонен видеть в отказе другие причины. О них можно привести в

свидетели другого лубянского генерала, о беседах с которым мне рассказывал Павел Судоплатов.

...Генерал Михаил Белкин принадлежал к числу тех, кто играл в деле Валленберга зловещую роль, преследуя шведа с момента его ареста (на знаменитом рапорте подполковника Дмитриенко от 14 января 1945 года чья-то рука надписала: "Доложить Белкину"). Как представитель Смерша при Союзной контрольной комиссии в Венгрии, затем как уполномоченный НКГБ в Юго-Восточной Европе с резиденцией в Бадене под Веной, Белкин не выпускал Валленберга из поля зрения.

Говорят, что нет худших антисемитов, чем сами евреи. Михаил Белкин, еврейский рабочий с сионистским прошлым, ненавидел свое прошлое и все время хотел доказать, что не дает спуска евреям. Он был не единственным человеком такого рода у Берия, которому верно служили много евреев. Точно как адмирал Канарис, Берия понимал, как можно использовать евреев, которые евреями быть не хотят. Среди них был знаменитый на Лубянке Семен Шварцман — его боялись больше, чем Берия, ибо он имел прямой доступ к Сталину. Михаил Белкин был закадычным другом Шварцмана, которого впоследствии обвинили в сионистском заговоре и казнили.

Как человек, который готовил процесс против секретаря ЦК венгерской партии Ласло Райка, Белкин знал венгерские дела «по-лубянки». Его кличкой была «Липач»: в секретном ведомстве знали, что он способен изготовить любую «липу». Немецкий агент? Пожалуйста. Американский? Еврейский? Еще лучше. Советский? Именно здесь Белкин споткнулся. Генерал Липач однажды доверительно сказал своему коллеге Павлу Судоплатову о

Валленберге: "Мы хотели его вербануть, а он не захотел"

Иными словами, мысль завербовать Валленберга пришла в голову не только Сеницыну. Как явствует из сведений Белкина, ведомство Абакумова само пыталось провести вербовку и помощь Сеницына действительно не была нужна. О том, что Рауля Валленберга пытались перевербовать, нам говорили и другие ветераны КГБ. Они же свидетельствовали, что эти попытки были отвергнуты узником Лубянки, что впоследствии и стало одной из главных — если не главной! — причин расправы с ним. Как сказал тот же Белкин:

— Он не захотел. Тогда мы его и шлепнули.

Павел Судоплатов уверен в том, что Белкин на этот раз не «липовал». Однако путь к расправе был непрост.

"Среднеевропейец" на Лубянке

Учреждение с кратким наименованием "Лубянская тюрьма" вошло в историю государства, носившего название Союз Советских Социалистических Республик. Первые заключенные появились здесь в 1918 году. Функционировала «Лубянка» до недавних лет — пока существовали органы госбезопасности СССР. Тюрьма находилась во внутреннем дворе замкнутого многоугольника старинного дома № 2 по Лубянке, где помещалось заведение, носившее в разные времена название ОГПУ — НКВД — КГБ. Побег отсюда был невозможен — и действительно, отсюда не убежал никто (чем она отличалась от легендарной тюрьмы на острове Иф). Вторая особенность — изоляция от внешнего мира была полной.

Часто употребляющееся понятие "подвалы Лубянки" неточно. Подвалы были, но камеры находились не в подвалах, а на шести этажах этого строения — 94 одиночки, 24 общие камеры, кабинеты для допросов и шесть прогулочных двориков на... крыше дома. Сюда поднимали заключенных на лифте или они сами шли по лестнице. Камеры небольшие — семь шагов в длину, три в ширину. Столик, табуреты, полка. В кабинетах — столы, наглухо прикрученные к полу, скамейки; имелось два "кабинета люкс" для особо важных допросов, где иногда арестованного сначала потчевали роскошным ужином, а потом...

Но часто допросы проходили не в тюрьме, а в самом здании Лубянки. Именно в такой кабинет вошел молодой оперативный работник МГБ в чине лейтенанта, свободно владевший английским, немецким, шведским и французским. Собственно говоря, это произошло случайно: срочно понадобился переводчик, причем многоязычный, а штатного переводчика не оказалось под рукой. Поэтому взяли оперативного работника. Но в лубянском ведомстве удивляться не полагалось, задавать лишних вопросов — тоже.

Мой собеседник начал свой рассказ:

— Где-то весной 1947 года по указанию кого-то из руководства — это часто случалось, поскольку все знали, что я хорошо владею иностранными языками — мне было дано указание пройти в такой-то кабинет и помочь с переводом. Когда я пришел в названный кабинет, то там уже сидели допрашивающий и допрашиваемый. Последний — иностранец. Мне пришлось переводить на английский и с английского. Что меня тогда поразило? Человек держался очень уверенно, очень спокойно. Даже, я бы сказал, самоуверенно. В его поведении никак не угадыва-

лось беспокойство за свою судьбу. Как я помню, шло уточнение обстоятельств, о которых раньше этот иностранец, видимо, многократно допрашивался.

— О чем шла речь?

— Речь шла о документах, которые были у него обнаружены при аресте. Самих документов, которые в большом количестве лежали на столе, я не читал, но, насколько я помню, речь шла о каких-то списках, о списках каких-то людей. Иностранец выглядел, я бы сказал, вполне здоровым человеком. Ни тени удрученности, ни болезни не ощущалось. Во всяком случае он производил впечатление здорового человека, насколько может чувствовать себя здоровым человек в такой обстановке. Он был одет в темный костюм. Рубашка — без галстука, как это полагалось во внутренней тюрьме, откуда его привели.

Допрос продолжался немногим больше часа. Повторяю, речь шла об уточнении каких-то деталей. Допрашивавший делал заметки, но проверять свои записи мне не давал. Подписывать какой-либо протокол допрашиваемому не давали. Кстати, его имя в ходе допроса ни разу не упоминалось. Однако, сопоставляя факты и лицо человека, которого я видел, с фотографиями в иностранной прессе, я понял, что допрашивали Рауля Валленберга. Встретив через несколько лет этого сотрудника следственного отдела (имя, увы, не помню), я спросил:

— Ну а какова судьба человека, в допросе которого мне пришлось принять участие?

Он ответил:

— Ты знаешь, ведь его расстреляли.

Это произвело на меня крайне удручающее впечатление, поскольку из этого самого допроса, в котором мне

в качестве переводчика пришлось принять участие, не следовало, что он обвинялся в чем-то конкретном, да ещё в каких-то тяжелых преступлениях.

Насколько я могу помнить, речь шла о его связях с немецкими властями и с представителями других стран. Повторяю, поведение этого лица на допросе было таким, что, насколько я могу судить, он не ощущал никакой нависшей над ним опасности.

— Отвечал он подробно или односложно: да или нет?

— Отвечал он спокойно, уверенно и достаточно, я бы сказал, полно. То есть не старался уйти от каких-то вопросов. Например, его спросили о дате ареста, назвав её. Он подтвердил. "У вас были обнаружены документы?"
— "Да, были".

— Когда речь шла о представителях различных стран, упоминались ли Соединенные Штаты Америки?

— Безусловно. Во всяком случае, речь шла о широких связях его в целом ряде стран.

— Швеция?..

— Швеция упоминалась, вне всякого сомнения. Упоминалась и Англия.

— На каком этаже это было, не помните?

— Это был либо четвертый, либо пятый этаж, но сейчас утверждать трудно. Сам я в тот период работал на пятом этаже, но помню, что мне пришлось пройти на другой этаж.

— Каково было ваше звание?

— Я был тогда лейтенант.

— Кому принадлежал кабинет?

— Увы, вспомнить не могу. Но это был небольшой кабинет, не принадлежащий особо высокому начальнику.

Так вспоминал человек¹, которому пришлось воочию видеть Рауля Валленберга — человека, ставшего легендой.

Когда ставишь себя на место Рауля Валленберга, очутившегося в камере Лубянской внутренней тюрьмы, то можно представить, насколько необычным оказался новый «лубянский» мир для 33-летнего шведа. Ведь это был человек, для которого понятие «свобода» было почти врожденным, особенно если учесть, что он родился в такой среде, которая «практиковала» свободу самими условиями своего существования. Швеция своей историей напрочь отличалась от восточноевропейского — читай, полуазиатского — образа жизни. Хотя бы тем, что она не знала позорного крепостного права — того «права», которое вошло у нас в народные поры и не выдвинуто оттуда и к началу XXI века. Понятие «свобода» было для Рауля Валленберга само собой разумеющимся, не будь он даже членом дипломатическо-банкирского рода. Конечно, и для советского человека пребывание в лубянской застенке было потрясением. Но ему было легче привыкнуть к казарменному характеру Лубянки, когда в глубинах советской души поднимались какие-то слои рабских привычек давних (да и не очень давних) времен. Этих привычек у Рауля Валленберга не было — и не могло быть. Название фирмы, в которой он работал до дипломатической службы, — «среднеевропейская» — как бы невольно воплощала саму сущность рода валленберговского. А жизнь Рауля Валленберга не давала до сих пор повода к тому, чтобы представить себе иное суще-

ствование. Даже когда он приехал в военный Будапешт, он продолжал жить в привычных, чисто среднеевропейских условиях. Как он писал матушке:

"Я живу в прекрасном доме XVIII века, на вершине дворцового холма, обставленного красивой мебелью; с прекрасным небольшим садом и чудесным видом. Там я время от времени устраиваю служебные обеды... Мой день рождения был очень веселым, особенно когда я случайно установил, что у меня и моей секретарши графини Нако тот же день рождения. На моем столе оказались чудесная папка, чернильница и бутылка шампанского".

Ну чем не нормальная жизнь?

Рауль Валленберг — «среднеевропейец» и был таким, со всеми своими достоинствами и недостатками. О его деловых неудачах мы уже знаем. Трудно складывались и его отношения с богатыми дядьями Маркусом и Якобом, хотя он был и не прочь помогать им в не совсем «чистых» делах в оккупированной Европе. Но что не сделаешь, когда надо искать средства к существованию? Личная жизнь Рауля не сложилась, да ещё тому мешали светские сплетни о своеобразии привычек закоренелого холостяка. На этом фоне можно понять, что, попав в Будапешт, он решил доказать "городу и миру", на что способен.

...И вот этот человек, проделав долгий путь из Будапешта до Москвы путь от советской дивизии, к которой он сам пришел, до столицы неизвестного ему государства, — в камере Лубянки. Каково могло быть его состояние? Для ответа на этот вопрос материала совсем немного — только свидетельства сокамерников, да не всегда очень надежные. Но они все-таки есть.

Как ни странно, поведение Валленберга в первые недели и месяцы на Лубянке и в Лефортово укладывает-

ся опять же в «среднеевропейские» рамки. Как видно, для шведского пленника его новое положение было настолько неестественным и необъяснимым, что он надеялся, что оно скоро прекратится. Сокамерники не регистрировали каких-либо припадков озлобления; только через несколько месяцев Валленберг решает обратиться с письменной жалобой на «высочайшее» имя. Он вроде как бы верит словам следователей о том, что шведские власти не проявляют к нему интереса (это отчасти справедливо!). Никаких протестов, никаких голодовок! Никаких попыток передать письма на волю в посольство. Валленберг надеется, что с ним поступят, как в цивилизованном "среднеевропейском государстве". И этого заряда благодушия ему хватило до 1947 года!

В чем же секрет молчания Москвы

Уже с самых первых дней занятия "делом Валленберга" мне пришлось столкнуться с необычным феноменом: обо всем, что в пределах нашей страны было так или иначе связано с этим именем, хранилось полное, даже полнейшее молчание. Не говоря уже о том, что молчание хранили официальные инстанции все спецслужбы (внешняя разведка и государственная безопасность), внешнеполитическое ведомство, правительство. Характер молчания, правда, менялся: сначала полностью и даже агрессивно отрицали факт пребывания, затем говорили, что ничего не знали и знать не хотели, затем «выдавили» из себя признание о пребывании Валленберга в Советском Союзе. Появился на свет скудный набор полуофициальных и не совсем убедительных документов, и было дано согласие на совместное расследование, но оно ничего не дало. На несколько лет воцарилось полное молчание. Собственно говоря, оно длится до сих пор.

Если этому и нужно было подтверждение, то оно на многих страницах было дано в официальном заключении российской части совместной российско-шведской рабочей группы от 12 января 2001 года. Эта комиссия ставила перед собой такие цели¹:

"Принцип работы группы. О совместном «мандате» группы вопроса не возникало. Единое понимание было выражено такими словами сводного брата Валленберга Ги фон Дарделя на первом заседании группы: "Не оставить ни одного камня не перевернутым, под которым мог бы скрываться след судьбы Рауля Валленберга". Советская, а затем российская сторона исходили из задач, поставленных сначала Президентом СССР, затем Президентом России, совместно со шведской стороной объективно разобраться в судьбе Р. Валленберга, очистив тем самым отношения между нашими странами от "пятен истории".

Была согласована структура и принципы работы группы: заседания проводились по мере необходимости и взаимной договоренности (фактически по желанию любой из сторон); каждая из сторон выносила на обсуждение любой вопрос, который, как она считала, мог помочь выяснению судьбы Р. Валленберга; стороны имели право приглашать на заседания экспертов, в том числе независимых; исследования в архивах проводились на основании национального законодательства, где возможно — совместно; опросы свидетелей осуществлялись предпочтительно «двойками», то есть представителями обеих сторон и т. д. В «межсессионный» период поддерживалась постоянная связь между сопредседателями обеих частей группы, а также прямые контакты между представителями государственных органов и учреждений. Публикация новых, обнаруженных в ходе работы группы материалов в принципе была возможна при усло-

вии предварительного ознакомления с ними другой стороны, а фамилии лиц, опрашиваемых в контексте "дела Валленберга", предавались гласности только при их согласии.

Общие направления работы группы определились с самого начала: первое — изучение архивных материалов высших государственных и партийных органов, в первую очередь Политбюро ЦК КПСС, руководящих органов государственной безопасности, обороны и внешней политики; второе выявление лиц, которые в силу своего должностного положения или каких-то иных обстоятельств должны были иметь связь с "делом Валленберга", опрос их или их родственников; третье — проверка сведений, поступавших по различным каналам, в том числе содержащихся в письмах, обращениях граждан, а также в публикациях в средствах массовой информации и др.

В газетах и по телевидению неоднократно публиковались обращения ко всем гражданам страны с просьбой откликнуться тех, кто что-либо знает о Р. Валленберге. По телевидению были показаны документальные материалы о шведском дипломате и даже портрет, выполненный специалистами, каким бы он был в 90-х годах, если бы остался жив.

Сопредседатели группы направили письма бывшим государственным и партийным деятелям СССР, имевшим отношение к данному делу — Ф. Д. Бобкову (заместитель председателя КГБ СССР), В. С. Семенову (заместитель министра иностранных дел СССР), В. Е. Семичастному (председатель КГБ СССР), Д. Н. Суханову (помощник Г. М. Маленкова), Б. Н. Пономареву (заведующий Международным отделом ЦК КПСС), А. Н. Шелепину (председатель КГБ СССР) — с просьбой рассказать, что им известно о

судьбе Р. Валленберга. К некоторым из них ещё в 1991 году через российскую часть группы были сделаны устные обращения с аналогичной просьбой. Были получены ответы от В. Е. Семичастного, Б. Н. Пономарева и А. Н. Шелепина.

Одновременно эксперты МИД России изучили фонды архива министерства, уделив особое внимание документам секретариатов министров В. М. Молотова, А. Я. Вышинского, Д. Т. Шепилова и А. А. Громыко, а также их заместителей В. Г. Деканозова, В. А. Зорина, С. А. Лозовского, Я. А. Малика, А. Е. Богомолова, Ф. Т. Гусева, А. И. Лаврентьева, Б. Ф. Подцероба, В. В. Кузнецова, Г. М. Пушкина и В. С. Семенова. В фондах хранились копии записок МИД в ЦК КПСС, другие государственные учреждения.

В 1994 году представители Федеральной Службы Контрразведки России провели беседы на эту же тему с бывшими руководителями КГБ СССР В. А. Крючковым, В. Е. Семичастным и Ф. Д. Бобковым. В это же время российская часть группы содействовала передаче писем шведского сопредседателя группы Х. Магнуссона бывшим руководящим работникам КГБ СССР В. М. Чебрикову, В. А. Крючкову, Ф. Д. Бобкову и В. П. Пирожкову".

Казалось, прекрасные планы. Но что получилось? Ответ гласит:

"Каких-либо сведений, представляющих интерес для работы группы, от упомянутых лиц получено не было".

И таков же был результат в иных разделах работы комиссии. Например:

"...Значительное количество документов, связанных с именем Р. Валленберга, выявлено МИД России — в Архиве внешней политики. Особенность этих документов в том, что они позволяют проследить всю цепочку рассмотрения вопроса — обращение шведской стороны (в виде ноты или устного запроса), рассмотрение его в МИД, дальнейший запрос министерством органов внутренних дел и государственной безопасности, соответствующий ответ из этих учреждений и — ответ шведской стороне. Основная подборка документов по этой проблеме находилась в фондах референтуры по Швеции.

Изучены свидетельства бывших сотрудников МИД М. С. Ветрова, Г. Н. Фарафонова, Е. А. Ворожейкина, Н. М. Лунькова, В. И. Ерофеева и др. К сожалению, большинство из упомянутых лиц уже умерли. Ветераны, которых опросили, рассказывали главным образом о том, в какой степени и в каком объеме им стало известно о проработке данного вопроса в аппарате министерства, об их собственном участии в подготовке тех или иных документов, связанных с судьбой шведского дипломата. К сожалению, никто из них ничего конкретного о судьбе Р. Валленберга поведать не мог".

Еще один пример наугад:

"В 1992 году Генеральная прокуратура Российской Федерации по просьбе рабочей группы провела проверку архивных уголовных дел руководителей отдела специальных операций КГБ СССР П. А. Судоплатова и Л. Н. Эйтингона, а бывший заместитель председателя КГБ СССР Е. П. Питовранов провел беседу с П. А. Судоплатовым. Каких-либо сведений о Р. Валленберге в указанных делах и беседе выявлено не было".

Наконец, сам архив ФСБ:

"Наибольший интерес представляли материалы Федеральной Службы Безопасности России. Еще в 1991 году во все органы госбезопасности СССР была направлена телеграмма за подписью руководства КГБ о проверке Р. Валленберга по архивам и картотечным учетам, в том числе и по учетам органов внутренних дел. Но каких-либо данных о нем получено не было..."

Еще один пример:

"Особое место в работе заняла проверка версии о пребывании Р. Валленберга во Владимирской тюрьме после 1947 года.

Органами МВД проверены свидетельства граждан Н. И. Шинкаренко и В. Ф. Безродного, проживавших на Украине, о якобы имевших место их встречах с Р. Валленбергом в 50-х годах в местах лишения свободы, соответственно, в Нижегородской и Магаданской областях, а также сведения шведской стороны о возможном пребывании Р. Валленберга в конце 1940-х — начале 1950-х годов в тюрьме на территории Иркутской области. Каких-либо подтверждений указанных ею данных в архивных документах этих областей не обнаружено".

Ну и что же? Этот вопрос вправе задать каждый, кто прочитает сей длинный список. Что же выяснили все эти беседы, опросы, горы документов etc, etc?

Да ничего!

Как гласит один из абзацев отчета: "Каких-либо сведений, представляющих интерес для работы группы, от упомянутых лиц получено не было".

Или: "К сожалению, никто (из опрошенных. — Л. Б.) ничего конкретного о судьбе Р. Валленберга поведать не мог".

Или (по поводу того, что ФСБ в 1991 году направила запрос о Валленберге во все свои структуры): "Каких-либо данных о нем получено не было".

Иными словами, остались лишь доклад Дмитриенко, картотека 1945 года да рапорт Смольцова.

Не много. Ничтожно мало.

Насколько серьезно проводились все эти опросы? Не было ли чисто формального подхода? Пожалуй, нет — за исключением странного выбора комиссии, которая беседу с П. А. Судоплатовым поручила... Е. Н. Питовранову, который сам глубоко был замешан в круг деятельности МГБ в те годы. Но, слава богу, Судоплатов оставил мемуары.

Мне самому приходилось убеждаться в том, что в тот момент, когда произносилось имя Валленберга, мои собеседники как бы менялись.

Я беседовал с двумя бывшими председателями КГБ, доживавшими свой век в Москве. Александр Шелепин сказал: "Даю вам свое честное слово, что ничего не знаю". Он лишь вспомнил, что в Москву приезжали родственники Валленберга и им была сообщена официальная версия, сам Шелепин подробностями не занимался. Его преемник Владимир Семичастный был не более разговорчив: "Тогда существовала стандартная версия, я её не проверял. Когда пришел запрос от МИДа, он обрабатывался у меня в аппарате: этого человека в живых нет.

Меня дело не интересовало". Шелепин в этом не отличался от Семичастного: "У меня были другие хлопоты". Что верно, ежели учесть, что звезда Шелепина катилась с горизонта.

Или человек "этажом ниже" — следователь Борис Соловов. Он очень охотно делился со мной деталями своего участия в захоронении останков Гитлера. Но Валленберг? Соловов согласился вспомнить лишь один эпизод, связанный с Валленбергом:

— Кажется, в 1947 году помощник начальника следственной части по особо важным делам Кулешов передал мне запечатанные в конверте "Материалы на арестованного № 7", чтобы я сдал их в архив... Но то, что это были материалы о Валленберге, я совсем недавно узнал...

Не говорю уже об "абсолютном чемпионе" молчания — Данииле Копелянском, страх которого перед нарушением своего обета молчания был сильнее нормального человеческого здравого смысла.

Каковы же были причины подобного поведения — того, что заставило одного седовласого, умнейшего и опытнейшего ветерана КГБ, которого я не могу заподозрить в желании провести меня — заставило сказать: "Вы никогда не узнаете о подлинных обстоятельствах и причинах гибели Рауля Валленберга". Здесь, конечно, опять можно лишь строить гипотезы — ведь в живых не осталось никого, кто мог бы это знать. Мои предположения: главная причина связана не с Раулем Валленбергом, а с Иосифом Сталиным. С первого момента (телеграмма сталинского заместителя Булганина о доставке Валленберга в Москву) до последнего (смерть Валленберга) это было "сталинское дело". Оно было под его контролем, оно заставляло Абакумова «беречь» Валленберга для каких-

то, не ведомых Абакумову целей. Оно в своей ответственности могло быть принято на себя только Сталиным; все остальное может идти в фарватере этого предположения: ни Молотов, ни Абакумов, ни подавно Берия (он тогда был уже в стороне) не могли рискнуть взять на себя то или иное решение. Единоличное решение, однако, все время оттягивалось, благо что у Сталина было много других забот в 1945 — 1947 годах. Молотовская же дипломатия была выучена на «терпении» — терпении отговариваться по поводу всех неувязок сталинских решений.

Позднее вступил в действие фактор, который можно назвать "инерция режима". Хотя Сталин и Берия сошли с исторической сцены, но воспитанные ими "средние кадры" — им как бы в кровь вошел иммунитет против всяких попыток пересмотреть традиции и устоявшиеся десятилетиями понятия "государственных интересов". Чем шире в обществе распространялись тенденции к обновлению и реформам, тем сильнее на уровне указанных "средних кадров" становилось нежелание пересматривать привычные, воспитанные командной системой представления. Конечно, можно утешать себя надеждой на естественную смену поколений. Но время имеет не только благотворное воздействие на общество, но и уходят знающие люди, исчезают важные свидетели. Меняются даже архивариусы. Так создается печальный баланс, который для проявления "белых пятен" весьма неблагоприятен.

С этим балансом мы, увы, вынуждены жить. В нем, однако, есть одна особенность, о которой речь пойдет позже.

Три периода

Если попытаться обобщить наличные материалы о пребывании Валленберга в Москве, то выстраивается такая хронология.

Первый период: январь — май 1945 года. Еще идет война. Валленберг и его «списки» привезены из Будапешта в Москву. Он не очень обеспокоен своей судьбой и, по свидетельству сокамерника Густава Рихтера, "находится в хорошем настроении". Для Сталина главная забота — сорвать все попытки сепаратного мира и оказывать постоянное политическое давление на союзников. В Москве известно, что в этих комбинациях участвуют Валленберги-старшие. Их контакты зарегистрированы в январе, марте, апреле 1945 года. И как бы невзначай мадам Коллонтай в конце января сообщает им, что Рауль в Москве. Жив-здоров. Через некоторое время она повторяет свое сообщение, но с намеком или с легким налетом угрозы: "Он занимался неблагоприятными делами".

Март — апрель — кульминация подозрений Сталина. Но они касаются не Валленбергов, а непосредственно американцев ("бернские переговоры" Даллеса с эсэсовским генералом Карлом Вольфом). Еврейская линия также перемещается в Швейцарию. Что же касается Стокгольма, то здесь — вне поля действий Валленбергов — оперирует врач Гиммлера Феликс Керстен и особенно — сам Вальтер Шелленберг, выходящий напрямую на американцев и англичан. Впрочем, основная информация идет в Москву уже не из Швеции, а из США, непосредственно из УСС и Госдепа. Именно на этой информации основан пришедший 12 апреля на стол Сталина уже знакомый нам обширный доклад Меркулова о закулисных

комбинациях (в том числе и в контексте деятельности сионистских организаций). Скандал, учиненный Сталиным по поводу переговоров Даллеса с Вольфом, возымел действие. Рузвельт и Черчилль не принимают советы некоторых своих помощников. Ялта подтверждает, что "большая тройка" войдет в Врата Победы единой. Возможная роль Рауля исчерпала себя, не будучи использованной. Даже если был прав Радомир Богданов, от Гиммлера Лаврентию Берия уже ничего не надо.

На этой стадии лубянские следователи могли напомнить Валленбергу о былом сотрудничестве и начать выяснение возможностей его возобновления. Но Валленберг отказывается — видимо, потрясенный коварством своих партнеров, засадивших его в камеру. Тем самым отпадает роль Валленберга как "человека Москвы". Слова Белкина "мы пытались его вербануть", видимо, относятся и к допросам Сверчука и Кузьмишина. Но отказ шведа закрывает и эту комбинацию.

Второй период: начальная стадия послевоенного периода. Май 1945 года. Война кончена. Возможно, Копелянский повторяет попытку уговорить Валленберга на дальнейшее сотрудничество. Отказ. Наступает долгая пауза. Валленберга "оставляют в покое". Валленберга, уже не нужного по "военному поводу", переводят в Лефортово. Наступает долгая пауза — его не допрашивают более года. Валленберг уже обеспокоен и даже пытается писать жалобу Сталину.

Здесь возникает новая возможность: она связана с Нюрнбергским процессом.

Некоторые исследователи дела Валленберга, близкие к КГБ, предложили, на первый взгляд, логичную версию. Кончилась война, готовился Нюрнбергский процесс.

Еще не было ясно, в какой тональности он пройдет и в какой мере будут действовать союзнические соглашения. Потсдамская конференция, казалось, могла успокоить пессимистов. Но кто, как не советские разведчики и контрразведчики, знали, что за завесой внешнего согласия скрываются серьезные противоречия. Информации было предостаточно: чекисты обладали аутентичной информацией и из Лондона, и из Вашингтона — благо, что в самом "осином гнезде", будущем ЦРУ, ещё носившем имя УСС, советская разведка давно имела прекрасного информатора — личного помощника генерала Вильяма Донована. Прекрасной, первоклассной информацией НКГБ обладало и из американского посольства в Москве.

Особенно готовились в Москве к Нюрнбергскому процессу. Здесь большой заботой было возможное упоминание о ряде предвоенных и военных эпизодов, обсуждение которых было явно нежелательным. Андрей Вышинский — тогда заместитель наркома иностранных дел — даже составил специальный список "нежелательных тем":

ПЕРЕЧЕНЬ ВОПРОСОВ.

1. Отношение СССР к Версальскому миру.
2. Советско-германский пакт о ненападении 1939 года и все вопросы, имеющие к нему какое-либо отношение.
3. Посещение Молотовым Берлина, посещение Риббентропом Москвы.
4. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР.
5. Советские прибалтийские республики.

6. Советско-германское соглашение об обмене немецкого населения Литвы, Латвии и Эстонии с Германией.

7. Внешняя политика Советского Союза и, в частности, вопросы о проливах, о якобы территориальных притязаниях СССР и т. д.

8. Балканский вопрос.

9. Советско-польские отношения (вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии).

Этот список довели до сведения американцев и англичан. Если учесть, что в составе советской комиссии по подготовке процесса были Абакумов и Меркулов, склонные к самым мрачным прогнозам и — так гласит эта версия решили готовить некие контрдействия на тот случай, если вдруг американцы поддержат рассмотрение Катыни и других щекотливых тем. Тогда советская сторона предъявила бы Западу свой счет: мол, а вы-то шли на сговор с гитлеровцами и вели закулисные переговоры в последний период войны. А Рауль Валленберг мог бы стать потенциальным свидетелем таких закулисных контактов...

Но версия отпала, так как американцы и англичане согласились со списком Вышинского и столкновения не произошло. Валленберг, следовательно, здесь не понадобился.

Лишь в 1947 году наступает третий период. Он был ознаменован возвращением Валленберга на Лубянку, причем в привилегированный "второй блок".

Что же произошло?

Утверждение о том, что Валленберг был для Москвы вообще не нужен, наталкивается ещё на одно обстоятельство, которое выясняется при разборе тех немногих свидетельств, которые удалось собрать.

Первое из них принадлежит советнику советского посольства в Швеции Евгению Тарабрину, бывшему в свое время в числе тех, кому приходилось оправдываться и изворачиваться в беседах со шведами, как-то объясняя судьбу Валленберга — ведь до 1957 года, напомним, вообще не признавался факт его пребывания в Москве. В одну из поездок в Москву посол Чернышов решил пробиться к человеку, который, по мнению посла, мог не только знать, но и решать судьбу Валленберга. Чернышов попросился на прием к министру госбезопасности Виктору Абакумову. Тот охотно выслушал рассказ о том, какие сложности испытывает Чернышов и его коллеги, когда речь заходит о Валленберге. Абакумов вроде как бы соглашался и вдруг заявил:

— Я вообще отпустил бы его домой.

Сделал паузу и добавил:

— Но товарищ Сталин иного мнения. Он считает, что этот человек ещё может нам пригодиться!

Это же мнение вождя Абакумов повторил в других обстоятельствах и в другой беседе. Евгений Питовранов быстро проделал большой путь от рядового оперуполномоченного до заместителя министра госбезопасности. Он попал в поле зрения самого Сталина, явно благоволившего ему. Вождь даже приглашал Питовранова в компанию избранных, провожавших его на Курском вокзале при отъезде в отпуск. Рассказывал мне Евгений Питовранов об одном ночном вызове к Сталину, когда генсек потребовал доклад о секретной агентуре, которой распо-

лагало МГБ. Сталин критически оценил сообщение Питовранова о числе его информаторов и поделился своим опытом:

— Количество ничего не решает. У нас, большевиков, был один (!), только один человек в руководстве меньшевиков. Зато мы знали все...

Сталин настойчиво требовал не количественного, а качественного подхода к вербовке агентуры и отдавал предпочтение тем, кто работал на СССР по идейным соображениям, а не из-за денег. Правда, словоохотливость Евгения Питовранова в нашем разговоре резко сократилась, когда речь зашла о щекотливых делах, в которых он принимал участие — "ленинградском деле", "деле врачей", Валленберге. Он утверждал, что дело Валленберга находилось в ведении лично Абакумова. Абакумову же — рассказал Питовранов — Сталин однажды сказал:

— Ждите. Держите его наготове. Может быть, он и пригодится.

Питовранов (в 1947 году он был заместителем министра) приказал создать для Валленберга особые условия. Он был переведен из Лефортова во внутреннюю тюрьму, причем в её специальный блок. Было приказано давать ему улучшенное питание, особо следить за состоянием здоровья заключенного. О причинах такого внимания Питовранов предпочел умолчать, ссылаясь на то, что лишь выполнял приказ. Но зафиксируем безусловное совпадение указания Сталина в передаче Абакумова и Питовранова: ждите, может пригодиться...

Особое внимание Сталина к фигуре Рауля Валленберга безусловно. Не случайно при осмотре сейфа Сталина после его смерти были обнаружены допросы Рауля Валленберга (об этом сообщил тогдашний секретарь ЦК

КПСС Л. Ф. Ильичев). Даже если Абакумов в январе 1945 года не доложил о том, что Валленберг в Москве (что очень мало вероятно), в июне 1946 года Сталин лично выслушал вопрос уезжавшего посла Сёдерблума о Валленберге.

Иными словами, как и все в советском государстве, дело Рауля замыкалось на Иосифе Сталине. Валленберга не могли держать в тюрьме без ведома и согласия Сталина, его не могли использовать без личного указания Сталина. Зная почти биологическую покорность Абакумова любому желанию вождя, можно исключить любую «самостоятельность» министра в решении судьбы шведского заключенного. Это мое убеждение, с одной стороны, упрощает дело, с другой — его усложняет. Тайных желаний и замыслов Сталина никому не дано было знать. Он их не доверял ни бумаге, ни подчиненным, ни соратникам.

Можно — задним числом — не завидовать Виктору Абакумову и его ведомству, когда они старались догадаться: для чего же Сталину может понадобиться Рауль Валленберг? Для шантажа банкиров Валленбергов? Для улучшения (или ухудшения) отношений со Швецией, страной с таким международным авторитетом? Для разоблачения происков международного сионизма? Или для налаживания связей с этой влиятельной всемирной силой? Представить только, какие варианты могли предложить своему начальнику чины контрразведки, понаторевшие в создании дел, которые никогда не существовали, и измышлении криминалов, которых и в помине не бывало. Но существовала одна тема, которая сразу после войны считалась «верняком» происки мирового империализма и его верного слуги — сионизма. «Верняк»? Не забудем: ещё не шел год "борьбы с космополитизмом" или год "процесса врачей". Антиеврейская карта в 1945 — 1946

годах разыгрывалась не так открыто. А вдруг Сталину она не нужна?

Сталин всегда был великим прагматиком. Во имя политической целесообразности он был готов пожертвовать любыми идеологическими догмами достаточно напомнить о головокружительном повороте советской политики в 1939 году от антифашизма к союзу с Гитлером. Поэтому и линию Сталина в многострадальном "еврейском вопросе" нельзя искать лишь в противопоставлении великодержавного антисемитизма пролетарскому интернационализму.

Валленберг и Михоэлс

...Отношение Страны Советов к созданию еврейского государства, в том числе в Палестине, не однозначно, как и отношение большевиков к сионизму. Известны определенно антиссионистские резолюции большевистских форумов дореволюционных лет. Однако и в те годы Ленин сомневался в обоснованности безоговорочной борьбы против идей Теодора Герцля. Так, Ленин не мог понять, почему лидеры созданных после революции "еврейских секций" РКП(б) вели войну против иврита. Скорее солидаризировался не с лидером «евсекции» Семёном Диманштейном, а с Максимом Горьким и Наумом Бяликом, защищавшими иврит. "Эти сволочи, — в сердцах говорил Горький о лидерах «евсекции», сами способствуют антисемитизму". Когда же ВЧК в апреле 1920 года арестовала группу сионистов, то Горький добился от Ленина и Дзержинского их освобождения.

Тогдашняя большевистская линия не отвергала в принципе идеи еврейской государственности. "Всесоюзный староста" Михаил Калинин даже позволил себе сожа-

ление по поводу того, что 3 миллиона советских евреев представляют собой "единственную нацию без государства", а на XII съезде РКП(б) шла речь о «коренизации» еврейского населения. За создание некоей еврейской государственности выступала и тогдашняя «евсекция» РКП(б) (в 1927 году в ней было 2 — 3 тысячи евреев — членов партии при общей численности партии 80 тысяч человек). Другое дело, что РКП(б) хотела бы видеть еврейское государство не в Палестине, а на всемирной "родине трудящихся", то есть в СССР. Речь шла сначала о Крыме и даже о "еврейской республике от Бессарабии через Крым до Абхазии" (проект одного из деятелей «евсекции» Брагина). Затем появилась роковая идея о Биробиджане, ставшая с 1928 года партийным лозунгом — не в последнюю очередь как отвлечение от палестинской идеи сионистов.

Когда грянула великая война, ничто не помешало Сталину вынуть еврейскую карту. Во мнимом противоречии с уже определившимся поворотом к русской великодержавности он решил использовать — и правильно сделал! огромный потенциал международного еврейства (включая сионизм) в интересах ведшего войну Советского Союза. На знаменитых радиомитингах еврейской советской общественности ей было позволено вспомнить о своих корнях, было позволено громко сказать миру о чудовищных злодеяниях германского расизма. Созданный в 1942 году Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) под председательством великого артиста Соломона Михоэлса помог обеспечить материальную помощь Советской армии со стороны американских еврейских организаций, и во имя этого Михоэлсу было дозволено установить контакты с самыми «реакционными» из них. Триумфальное

турне Михоэлса и его заместителя Ицика Фефера по США принесло свои плоды.

Но предусмотрительный вождь советских народов не собирался пустить "на самотек" внезапное возрождение еврейства в СССР.

Роль Лубянки в этом процессе была особенной. Начать с того, что появление ЕАК было плодом инициативы ведомства Берия и разрабатывалось в нем задолго до официального создания комитета. Вся деятельность ЕАК проходила под строжайшим контролем НКВД. Практически аппаратом руководили штатные офицеры НКВД, которые регулярно информировали Берия и Сталина обо всем, что, по мнению НКВД, могло их заинтересовать. На их стол лег и доклад о том, что весной 1944 года после возвращения из поездки в США Соломон Михоэлс и Фефер изложили Молотову идею создания в Крыму после войны поселения для евреев, ныне эвакуированных в глубь страны. Идея эта, заметили Михоэлс и Фефер, нашла бы поддержку в Соединенных Штатах у богатых еврейских организаций.

Молотов выслушал и предложил написать записку для Сталина. В ЕАК разгорелась острая дискуссия, мнения разделились. Тем не менее записка о Крыме и возможном создании Еврейской Советской Социалистической Республики была составлена — и вызвала резкую отрицательную реакцию Сталина. Шло лето того самого 1944 года, когда Сталин получил информацию о предложенном Гиммлером и поддержанном сионистскими организациями и США плане «выкупа» евреев. Без сомнения, с этого момента в глазах Сталина слились воедино опасные планы США и замыслы сионистов — как в стране (ЕАК и "еврейские националисты"), так и вне её (пресло-

вутый "Джойнт"). Именно потому уже в 1946 году Политбюро приняло специальное постановление о взятии на учет "бывших троцкистов и еврейских националистов". Так открывалась новая страница в "еврейском вопросе".

Что это могло означать для Валленберга? Например, Рауль Валленберг, который в Будапеште так тесно и непосредственно был связан с еврейскими организациями, помогая им приходящими от «Джойнта» огромными средствами, и стал свидетелем переговоров по вывозу евреев из немецких лагерей в Швейцарию, — этот человек мог представить большой интерес для сбора материала об "еврейском аспекте" коварных американских замыслов, сведения о которых собирали в Москве все — на Лубянке, в военном ведомстве, в ведомстве Молотова. Кто знает, может Валленберга хотели сделать "коронным свидетелем" на будущих процессах против Ласло Райка и других агентов международного сионизма и империализма? Но если этот замысел и появился у Абакумова, то нетрудно догадаться, что Валленберг был абсолютно негодным свидетелем для антисемитов. Для этой роли он был «противопоказан».

Но вдруг в "еврейской проблеме" появился новый аспект, связанный с деятельностью Организации Объединенных Наций и распадом Британской империи, одна из частей которой носила название Палестина. Это казалось новой картой в послевоенной игре Сталина.

Если пролистать тогдашние высказывания Сталина о международном империализме как главном враге Советов и коммунизма, то можно понять его почти маниакальное стремление разжечь внутренние конфликты в "мире капитала". Часто цитируют его речь 1925 года о том, что СССР будет дожидаться межимпериалистической войны,

дабы вступить в неё своим решающим весом, и относят эти слова к конфликту Гитлер — западные демократии. Но нет ли здесь поощрения любого конфликта, в том числе и внутри Британской империи? В одном из апокрифических, но ещё не опровергнутых источников (т. н. "протоколах Политбюро", пришедших в Берлин через аген­туру фон Папена) приводится постановление от 29 октября 1953 года, в котором в средневосточных делах, "по мнению Политбюро, советская дипломатия может при известных обстоятельствах использовать "еврейский фактор" в интересах СССР". Идея не такая уж абсурдная, и Сталин в ней был далеко не оригинален. Царская Россия рассматривала Палестину как один из своих возможных опорных пунктов. Может быть, Иосиф Сталин читал рассуждения по этому поводу знаменитого декабриста Пестеля (немца, но русского душой), который прямо предлагал сделать Палестину русской?

В этом свете вполне вероятным звучит рассказ бывшего заместителя Молотова Федора Гусева. Однажды он сопровождал своего шефа во время ночного визита в Кремль. Молотов принес на утверждение директиву для делегации в ООН, выдержанную в антиизраильских тонах. Сталин раздраженно сказал:

— Эх, Вячеслав, ты опять ничего не понимаешь. Ясно, что государство Израиль должно быть создано. Оно нам нужно. Тогда начнется война и воевать друг с другом они будут не один год...

Так шло дело к сенсационной речи Андрея Громыко в ООН, удивившей весь мир 14 мая 1947 года. Никогда раньше (и никогда позже) не находил советский государственный деятель таких слов горячей симпатии и со­страдания к мучениям еврейского народа. Никогда рань-

ше (и никогда позже) не подчеркивал советский государственный деятель особого места и значения нацистского замысла уничтожения еврейского народа в общем плане завоевания мирового господства. Евреи имеют историческое право на создание собственного государства — так сказал Громыко.

Дело не ограничивалось заявлениями Громыко. С начала 1947 года развернулось активное сотрудничество советских спецслужб с будущими властями Израиля. Так, 4-е Главное управление МГБ реанимировало старые связи в Палестине с целью активизации антианглийских террористических актов. Затем началась строго засекреченная акция советской внешней политики: военное сотрудничество с Израилем, благодаря чему Израиль получил то, чего ему не могли (или не хотели) дать США, а именно оружие, которым надо было защищаться от арабской агрессии. Об этом мне рассказывал Веня Померанц — бывший деятель сионистского движения, ныне профессор Зеев Хадари. Он принимал участие в переговорах с Чехословакией, чьи военные поставки спасли Израиль (что прямо признавал Бен Гурион). Хадари был на приеме у министра иностранных дел ЧССР Яна Масарика, когда тот прямо пообещал поставки оружия, однако оговорил:

— У меня лишь одна просьба. Подождите 1 — 2 дня. Мне нужно провести пару бесед и тогда все будет в порядке.

Израильские эмиссары были достаточно умны, чтобы понять, с кем будет проведена "пара бесед". Масарик поговорил с послом Валерианом Зориным, тот — с Москвой. Тогда все и оказалось в порядке.

Тогдашний уполномоченный МГБ при правительстве ЧССР полковник Владимир Боярский подтвердил мне, что

поставки чехословацкого вооружения шли с прямого согласия и одобрения из Москвы. Этим занимался советский военный советник в Праге генерал Василий Гусев, знавший, как идет вооружение в Израиль (частью воздухом — через Корсику, частью через Югославию).

Последняя игра

Итак, весна 1947 года. Идет к концу третий период пребывания Рауля Валленберга в Москве, начинается игра в его судьбе. Напомним, что, по свидетельству генерала Питовранова, Абакумов получил от Сталина указание обеспечить Валленбергу наилучшие условия размещения, хорошее питание (даже черную икру), тщательное медицинское обслуживание. Рауль снова был не в Лефортове, а на Лубянке, причем в особом помещении.

Тем не менее ветераны КГБ, более разговорчивые, чем Питовранов, считают, что в этот период освобождение Валленберга было с «профессиональной» точки зрения уже невозможно. Конечно, «либеральный» Абакумов мог разглагольствовать о возвращении «шведа», но это было бы равноценно признанию МГБ своего провала перед Сталиным. Однако и это оставалось второстепенным, поскольку Валленберг был фигурой — или жертвой в большой политической игре, где «органам» отдавалась вспомогательная роль.

Что могло означать предоставление узнику Лубянки улучшенных условий? Являлось ли это следствием поворота в израильской проблеме? Например, если бы на Западе узнали о том, что со спасителем евреев дело обстоит не так уж плохо, то убедились бы в серьезности советских намерений в ООН? Это предположение было немедленно отвергнуто моими собеседниками, ибо изоляция Лу-

бянской тюрьмы от внешнего мира была абсолютной и какая-либо утечка не входила в методы МГБ.

Куда логичнее было поставить другой вопрос: насколько нужен был Валленберг Сталину в условиях создания государства Израиль и возможности установления с ним тесных отношений как с советской опорой на Ближнем Востоке? Но как раз в этом случае — как ни парадоксально! — живой Рауль был бы опасен. Например, если бы дружественные израильтяне поинтересовались судьбой человека, ставшего волей-неволей проеврейским символом. Тогда надо было бы, скажем, освободить «символ», но он поведал бы "урби эт орби" о лубяньских порядках, о попытках вербовки. Такое развитие событий было бы абсолютно не к месту: недаром Вышинский в своих предложениях от 14 мая 1947 года говорил о желательности "ликвидировать дело" Валленберга.

О том, что в это время дело действительно шло к исходу, свидетельствовал и рассказ Вадима Бакатина, который в ходе назначенного им в 1989 году расследования наткнулся на запись в регистратуре дел МГБ от 17 июля 1947 года, согласно которой министр Абакумов в этот день направил Молотову секретное письмо под заголовком "К делу шведского подданного Р. Валленберга". Однако в архивах МИД и ЦК КПСС копии письма якобы не сохранилось, как утверждали подчиненные Бакатина.

— Они меня водили за нос, — с обидой говорил мне бывший министр.

Куда ни кинь, всюду клин. В этой связи мои собеседники обратили мое внимание на одну особенность поведения Сталина. Он был незаурядным режиссером драм, которые сам задумывал и ставил, при этом любил особые эффекты, блеф и обман. В тот самый момент, когда судь-

ба его героев, то есть жертв, уже была predetermined, вдруг следовали неожиданные посулы, включая обещания сохранить жизнь. Так поступал Сталин с Бухариным и многими другими подсудимыми. Такая же игра практиковалась и в других, более невинных случаях. Например, 1 мая 1939 года Сталин неожиданно пригласил Максима Литвинова на кремлевскую трибуну, что было высшим и демонстративным проявлением благоволения. 3 мая на заседании Политбюро (без участия Литвинова!) нарком был снят, его ведомство разгромлено...

Конечно, Валленберг был для Сталина не так важен, как Бухарин или Литвинов. Но он не мог себе отказать в удовольствии и здесь разыграть спектакль благоволения, закончившийся расстрелом шведа.

Как же Сталину могли представить дело Валленберга в тот момент, когда самому Сталину было ясно, что от Валленберга надо избавляться?

Абакумову надо было, по существу, совершить чудо. Никто, да особенно сам Абакумов, не мог позволить себе чистосердечное признание в собственном провале. А провал был со всех точек зрения.

Если Валленберг обладал какой-то особой информацией — было бы оправдание. Но её не оказалось. Если бы Валленберг мог стать ценным агентом влияния, но он им не стал, а если бы стал спустя год после — то грош ему цена. Если бы Валленберг смог оказать какое-то влияние на советско-шведские отношения, то он оказал бы лишь отрицательное влияние (как раз в это время потерпели неудачу советско-шведские переговоры о большом кредитном соглашении). В любом случае дело Валленберга стало колоссальным провалом спецслужб.

Всюду был сплошной минус. Московский узник стал тяжелым грузом во всех смыслах. Он должен был умереть.

Такова была ситуация, когда Абакумову пришлось держать ответ. Известно время, когда оно настало. 14 мая 1947 года заместитель министра иностранных дел Вышинский пишет записку Молотову.

"Тов. В. Молотову

В конце 1944 г. шведы обратились к НКВД СССР с просьбой взять под защиту первого секретаря шведской Миссии в Будапеште Рауля Валленберга.

16 января Миссии было сообщено, что Валленберг обнаружен и взят советскими военными властями под свою защиту.

24 апреля 1945 г. шведы сообщили в НКВД СССР, что среди отправленных из Будапешта в Швецию сотрудников Миссии Валленберга не оказалось, и просили его разыскать. Эти запросы со стороны шведов в дальнейшем многократно повторились как в письменной (8 нот), так и в устной форме (5 бесед).

15 июня 1946 г. на приеме у тов. Сталина б. шведский посланник Сёдерблум обратился к тов. Сталину с просьбой поручить навести справки о судьбе Валленберга.

Мы неоднократно, устно и письменно, запрашивали в течение 1945 и 1946 гг. Смерш, а позднее МГБ о судьбе и местопребывании Валленберга, в

результате чего лишь в феврале с. г. в разговоре с тов. Новиковым тов. Федотов сообщил, что Валленберг находится в распоряжении МГБ, и обещал доложить Вам лично о дальнейших мероприятиях МГБ по этому делу.

Поскольку дело Валленберга до настоящего времени продолжает оставаться без движения, я прошу Вас обязать тов. Абакумова представить справку по существу дела и предложения о его ликвидации.

14. V.47 г.

А. Вышинский"

На этом письме — резолюция министра:

"Тов. Абакумову. Прошу доложить мне. В. Молотов. 18.V.47".

Резолюция по меньшей мере странная: Абакумов как министр госбезопасности не подчинялся министру иностранных дел Молотову. Хотя тот формально и был заместителем председателя Совета Министров, но он не рискнул бы что-либо приказывать Абакумову без ведома председателя Совмина И. В. Сталина. Конечно, у Молотова были все причины настаивать на своем. Еще 28 ноября 1945 года, то есть после первых шведских запросов, МИД запросил информацию у Смерша, но не получил ответа. 20 марта 1946 года заведующий отделом МИД К. Новиков повторил запрос. Лишь в феврале 1947 года ситуация меняется: МГБ (как преемник Смерша) обещало " доложить тов. Молотову о причинах задержки Валленберга, а также внести предложения о дальнейших ме-

роприятиях в этом вопросе". Тем временем Вышинский готовил проект сообщения для шведского правительства. Он вел переписку с Абакумовым: 7 июля интересовался обстановкой в Будапеште во время пленения Валленберга. В свою очередь, В. Абакумов готовил свой документ: он датирован 17 июля 1947 года. Его название — "К делу шведского подданного Р. Валленберга". Оно было официально зарегистрировано в журнале исходящих документов МГБ 17 июля и в документах МИД: его получили там 23 июля.

Но вот очередная загвоздка: ни в МИД, ни в архивах КГБ этого письма нет. Нет его и в Президентском архиве — то есть в архиве Политбюро. Следовательно, нам остается лишь догадываться, что предлагал 17 июля 1947 года Абакумов. В том, что это было предложение о ликвидации Валленберга, нет никакого сомнения. Ведь именно этим числом — 17 июля — датирован (опубликованный лишь в 1957 году) доклад начальника медицинской части А. Смольцова о внезапной кончине заключенного:

"Докладываю, что известный Вам заключенный Валленберг сегодня ночью в камере внезапно скончался предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда.

В связи с имеющимся от Вас распоряжением о личном наблюдении за Валленбергом прошу указания, кому поручить вскрытие трупа на предмет установления причины смерти.

Начальник санчасти тюрьмы полковник медицинской службы Смольцов" 17.VII.47 г.

На этом рапорте имелась сделанная рукой Смольцова следующая надпись:

"Доложил лично министру. Приказано труп кремировать без вскрытия. 17.VII. Смольцов"...

Писал ли Абакумов Молотову, уже располагая докладом Смольцова? Едва ли. Ему безусловно нужно было заручиться согласием Сталина на "ликвидацию дела Валленберга" (как на это намекал в своем майском письме А. Вышинский. К самому докладу Смольцова мы ещё вернемся, но в июле 1947 года жребий действительно был брошен.

Что же все-таки конкретно писал Абакумов? Этого документа я не получил. Не получила его и совместная российско-шведская комиссия. Но сомневаюсь, что в нем содержится вся правда. Она ведь подлежала такому засекречиванию, что едва ли мастер конспирации Абакумов мог доверить подлинную историю позорного провала своего ведомства бумаге, да ещё направленной в иное ведомство.

Здесь-то я хочу вернуться к одной из версий в деле Валленберга, которая уже давно напрашивалась, но самому мне долгое время казалась невероятной. Но однажды мне рассказали о словах достаточно компетентного человека — Владимира Крючкова.

Когда все становится на место

Дело было осенью 1989 года. Ведомство Владимира Крючкова, возглавлявшего его в бурные 80-е годы, переживало не лучшие времена. Эпоха перестройки заставила признать злодеяния, совершавшиеся этим ведомством в облициях ВЧК, ОГПУ, НКВД, НКГБ. Крючков работал в органах государственной безопасности сравнительно не-

давно: его привел с собой с партийной работы в ЦК КПСС Юрий Андропов. Сначала он был его помощником, затем возглавил 1-е Главное управление (ПГУ, внешнюю разведку), а после смерти Андропова стал сначала заместителем, а затем (в 1988 году) председателем КГБ. Таким образом, в первые годы горбачевского правления он предположительно мог дистанцироваться от чудовищной практики своих предшественников. Тогда, в конце 80-х годов, ему пришлось заняться и делом Валленберга, как одним из "трудных наследий" бывших руководителей КГБ.

Именно Крючкову пришлось осенью 1989 года узнать от своих сотрудников, что, вопреки былым заверениям архива КГБ об отсутствии всяких документальных и вещественных свидетельств о нахождении Валленберга, при ремонте стеллажей в помещении архива (такова официальная версия) из одной из папок вывалились некоторые предметы, шведский дипломатический паспорт и иные документы, принадлежавшие Валленбергу. Что было с ними делать? Этот вопрос обсуждался на Политбюро (Крючков не хотел взять на себя решение в столь щекотливом деле). Документы (плюс ключи от автомашины, портсигар и деньги) решили передать родственникам Валленберга. Это и произошло в МИД СССР 19 октября 1989 года. Заместитель министра В. М. Никифоров и заместитель председателя КГБ В. П. Пирожков передали все родичам Рауля и членам "Общества Рауля Валленберга" (тогда совместной комиссии ещё не существовало). 25 октября шведы получили ещё 14 архивных документов. Все эти действия соответствовали решению Политбюро, на заседании которого в числе прочих присутствовал и Александр Николаевич Яковлев.

— В то время, — вспоминает А. Н. Яковлев, — у меня с Крючковым были вполне нормальные отношения, и

после заседания я спросил Крючкова: "Непонятно, что же с Валленбергом случилось, когда и как он погиб?" — "Ну что вы, Александр Николаевич, чего непонятного? Расстреляли мы его... — И добавил: — Он очень много знал. Валленберг был двойником, он работал на нас и на американцев. Он запутался в своих связях. Кто-то об этом донес. Поэтому и был ликвидирован".

...Впервые я упомянул подобные, казавшиеся мне невероятными сведения (Валленберг как двойник, работавший и на советскую разведку) в связи с рассказом генерала Р. Богданова. Рассказ, как я писал выше, не вызвал у меня особого доверия. Но в ходе работы я был должен умерить свой скепсис.

Во-первых, я должен был задуматься: почему Рауль Валленберг так стремился попасть к советским представителям? Об этом с недоумением говорили сотрудники шведского посольства в Будапеште. Советник Пер Ангер считал необходимым предупредить Рауля, что ему следует быть с основным составом посольства. Рауль отказался, говоря, что ему нужно оставаться со своими подопечными — обитателями "шведских домов" на левом берегу Дуная, в Пеште. Как понять эту настойчивость? Действительно заботой о "шведских домах" или чем-то иным?

Я услышал иное, неожиданное объяснение желания Валленберга остаться в Пеште из уст одного из ответственных сотрудников внешней разведки, занимавшегося нелегалами. Ему было известно, что сразу после окончания войны было издано специальное распоряжение о немедленном возвращении в Москву всей советской агентуры, действовавшей за рубежом. Так, было приказано вернуться Леопольду Трепперу, Шандору Радо, Анатолию Гуревичу и другим, менее заметным сотрудникам разведки.

"Как известно, это была акция с тяжелыми последствиями почти для всех возвратившихся", — добавил мой собеседник.

Действительно, эта процедура была произведена не для вручения орденов за верную службу. Крупнейшие разведчики были подвергнуты оскорбительным проверкам и обвинены в сотрудничестве с нацистами. В результате — тюремные сроки. В деле Валленберга поразительное сходство!

О наличии вышеупомянутого распоряжения свидетельствовал мне Евгений Попов, бывший сотрудник Союзной контрольной комиссии в Венгрии. Он лично передавал такие указания тем местным информаторам, с которыми был связан.

— Когда сотрудники нашей комиссии втихую рассуждали о странной судьбе Рауля Валленберга, — отметил Попов, — мы знали, что им занялся Смерш, и ставили его отправку в Москву в один ряд с приказом о возврате всей агентуры, в том числе всех иностранцев, связанных с советской разведкой.

Связь Валленберга с советской разведкой — невероятная версия? Но если она верна, то необычное решение Валленберга явиться из Будапешта в Дебрецен, да ещё таким образом, что он заранее отделился от всего состава посольства (а это было именно так), выглядит логично и не так уж необычно. В этом свете естественно выглядит и сообщение генерала Михаила Белкина, что в специальной ориентировке Смерша в начале 1945 года упоминался Валленберг как объект розыска.

С "первого захода" трудно принять версию о "советской связи" Рауля. Но мне пришлось узнать нечто, что заставило отнестись к ней по-другому. Это произошло

после одной беседы в мюнхенском пригороде Швабинг. Моя собеседница — баронесса Елизавета Фукс-Кемень, очаровательная пожилая дама не просто со следами бывшей красоты, но красивая в прямом смысле слова.

...Вышедшая из семьи австрийских и итальянских аристократов, баронесса Елизавета Фукс получила образование в закрытом учебном заведении в Лондоне. Когда её хорошая знакомая, венгерская графиня Сечени обручилась, она пригласила Елизавету подружкой на помолвку. Свидетелем со стороны жениха был молодой и поразительно красивый барон Габор Кемень, отпрыск знатного трансильванского рода. Вскоре состоялась вторая помолвка — барона Кемень и баронессы Фукс. Но молодая баронесса Фукс-Кемень не знала, что её супруг — видный деятель фашистской партии "Скрещенные стрелы". Когда эта партия во главе с Салашаи в октябре 1944 года под опекой немецких оккупантов пришла к власти, Габор Кемень стал министром иностранных дел.

Елизавета с ужасом наблюдала за событиями в венгерской столице, за тем, как гнали евреев из гетто на трудовые работы. Она решила познакомиться со шведским дипломатом, который, как ей сказали, занимался защитой евреев. Сложилась странная ситуация: новый министр Габор Кемень был очень заинтересован в признании своего правительства нейтральной и авторитетной Швецией. Валленберг мог этому способствовать. Раулю министр тоже был нужен, чтобы предотвратить новые расправы с евреями Будапешта. Они общались. Баронесса оказалась на стороне Валленберга. Она заставила мужа — против его воли — помогать усилиям шведа.

Елизавета Фукс-Кемень рассказала:

— Я точно помню тот разговор с Раулем. Он состоялся в конце ноября. Я покинула Будапешт 4 декабря 1944 года, совсем незадолго до того, как сомкнулось русское кольцо. Мы говорили о предстоящем отъезде, причем мой друг явно беспокоился о том, что может произойти. "Послушай, — сказал он, запомни, пожалуйста, что я говорил о тебе с госпожой Александрой Коллонтой (баронесса на венгерский манер называла её Коллонтой, а не Коллонтай) и просил её позаботиться о тебе и о ребенке, если это потребуется и ты к ней обратишься. Она согласилась и сказала, что запомнит твоё имя и даже сунет записку себе в подметку туфли". Выслушав Рауля, я вспыхнула и сказала, что никакой чужой помощи мне не надо...

Лишь позже баронесса стала размышлять об этом странном разговоре. Она не сомневалась, что Валленберг сказал ей правду. Но в таком случае он должен был беседовать с Коллонтай, во-первых, в своё "будапештское время" и, во-вторых, после октября, когда он познакомился с Елизаветой. Следовательно, он выезжал в Стокгольм в октябре — декабре 1944 года?

Сводная сестра Рауля, выслушав рассказ баронессы, категорически возразила: "Нет, он не мог побывать в Стокгольме, не повидав любимой матушки". Баронесса с этим не согласилась. По её мнению, у Рауля могли быть настолько серьёзные дела в шведской столице (например, его мог вызвать Ольсен), что визит должен был остаться негласным.

Ни в одной из публикаций о Рауле нет такой информации. Заглянув в его записную книжку, можно обнаружить лишь несколько «пауз» в будапештском расписании. Это семь дней от 17 до 23 октября и четыре дня от

20 до 23 ноября. Теоретически за эти дни он мог «обернуться». Мое предположение получило дополнительный аргумент в свою пользу. Оказывается, 13 октября 1944 года Валленберг получил в немецком посольстве в Будапеште визу на поездку в Германию, действительную до 29 октября! И если Валленберг тайно ездил на встречу с Коллонтай, то...

Связь с советской стороной? Резидент ГРУ в Швеции Николай Старостин, а также сменившая его на этом посту жена Надежда Старостина заявили, что не числили Рауля Валленберга в своих агентурных списках. Да это и понятно, так как, скорее, Раулем должны были заниматься резиденты в Будапеште.

Резидент НКВД в Стокгольме того времени Ярцев-Рыбкин умер — но в его личном деле не содержится ни одного упоминания о Валленберге. Скончавшаяся весной 1993 года супруга Рыбкина Зоя Ярцева-Воскресенская, состоявшая с мужем в «разведтандеме», как и Старостины, пишет в своих воспоминаниях только о контакте посла Коллонтай с дядей Рауля — Маркусом Валленбергом.

Зато другой источник — разведчик, некий капитан I ранга, располагал сведениями о том, что связь НКВД с Раулем Валленбергом якобы была установлена ещё в 30-е годы, а именно в промежутке между 1935 и 1938 годами и, вероятнее всего, в Палестине. Причем основой для доверительных отношений стало общее стремление помочь евреям создать в Палестине самостоятельное еврейское государство. Действительно, в 1936 году в Хайфе среди окружения Валленберга были левые — не случайно в одном из писем домой он рассуждал о советском пятилетнем плане, писал о Сталине, который "дал великому народу возможность жить и развиваться". Возможно, эти

слова швед услышал от своего нового знакомого — представителя политической разведки ИНО НКВД в Палестине, который соблазнил Рауля советской помощью евреям.

На этом фоне и связь Валленберга с советской стороной выглядела не столь уж невероятной. А вдруг Рауль действительно был представителем советских интересов при переговорах СС с американцами? И конечно, как не вспомнить о реакции британских разведчиков на посылку Рауля Валленберга в Будапешт, когда они сочли это прямой акцией семейства банкиров для налаживания будущих связей в Восточной Европе, которая попадала в сферу советского влияния? Может быть, они знали, что старшие Валленберги были проинформированы о давнишних связях Валленберга-младшего?

Под конец я решился на рискованный ход: спросить мнение самого В. А. Крючкова. Я начал с рассказа о баронессе Фукс-Кемень.

Внимательно выслушав рассказ о баронессе, Крючков задумался:

— Что же, это звучит правдоподобно. Только сначала надо проверить три возможные версии: либо Валленберг передал свою просьбу Коллонтай письменно, либо по телефону, либо — лично.

— Но мог ли он рискнуть говорить по телефону из Будапешта, когда СС за ним вот как следило! — возразил я,

— Да, это аргумент веский. Передать по почте или оказией — возможнее. Кстати, где сейчас архив Коллонтай?

— Он изучен. В нем имя Рауля не упоминается, упоминается лишь его дядя Маркус в связи с секретным зондажем о перемирии в Финляндии.

— Да, такие письма в архиве не хранят. Остается личный визит. Возможен ли он был?

— Теоретически — да. (Я сообщил собеседнику об изучении записной книжки Рауля и о неиспользованной немецкой визе.) Но в любом случае — по телефону, письмом или лично — Рауль не мог "с бухты-барахты" вдруг просить Коллонтай о помощи, он должен был на что-то рассчитывать. Следовательно, на факт уже имевшегося сотрудничества?

— Этого я не исключаю. Этого исключать нельзя. Ведь он прямо пришел к нам в Будапеште. Его не искали, его не захватили. Он пришел сам, нес какие-то предложения, и только тогдашние порядки не дали возможность руководству понять, что он наш друг.

— Допускаете ли вы, что он имел связи с советской разведкой?

— Допускаю. Тем более он тогда всюду искал помощи в своем деле спасения евреев. Мог, например, обратиться и к американцам.

— К американцам он действительно обратился, — заметил я. — Баронесса Фукс-Кемьен говорила, что, когда её спрашивали — что вы скажете, если станет известным, что Валленберг сотрудничал с УСС, — она отвечала: не удивлюсь. Ради своего дела он мог пойти на все.

— Что ж, он мог искать связи и с нами. Это был замечательный человек. Я его оцениваю положительно, и

это была роковая ошибка с нашей стороны. Путь его окончился в 1947 году...

Присоединим к мнению экс-шефа КГБ и другое. В показаниях сокамерников, собранных шведскими исследователями, есть такое свидетельство Ганса Лойды — немецкого солдата, которого МГБ использовало как "подсадную утку". Лойда заявил, что сам Рауль Валленберг в ходе бесед обронил такое замечание:

— Я ведь работал на русских в Будапеште.

Теперь уместно вспомнить о выдвинутой мною терминологической гипотезе — роли "среднеевропейского фактора" в характере Рауля Валленберга. Если действительно он поддерживал какие-то связи с советскими представителями (будь это какой-то сотрудник внешней разведки или обаятельная мадам Коллонтай) и мог иметь от них какие-то заверения на случай сложностей в отношениях с Советами, — то врожденная привычка верить своим партнерам могла действовать и после ареста. Это решение ещё одной загадки в поведении шведского дипломата.

Таковы аргументы «за» (присоединим к ним и приведенный выше документ КГБ о Томсене). Как мне кажется, факт сотрудничества Валленберга с советской разведкой дает ключ ко всем несообразностям поведения советских властей. Именно отсюда все зигзаги в информации и дезинформации о пребывании шведского дипломата в узилище Лубянки. Если он был только американским агентом или только немецким, то что могло бы помешать Москве открыто сказать об этом? Но о связи его с ведомством Лаврентия Берия, да ещё о связи, которую Валленберг не захотел продолжать, — об этом можно было только молчать!

Еще один аргумент

Очень важно суждение членов шведской группы совместной комиссии. Хотя они и не ссылаются на мои публикации (они были на немецком языке в 1996 г. — в журнале «Шпигель» и в книге, выпущенной мной и У. Фёльклейном в 2000 г.), комиссия обратила внимание на поставленный мною вопрос: не поддерживал ли Рауль Валленберг связи с советскими органами в период своего "будапештского сидения"? Вот что пишут мои уважаемые коллеги:

"Сохраняется тайна вокруг утверждения о посещении Раулем Валленбергом Стокгольма осенью 1944 г. Именно Маркус Валленберг в своем выступлении на слушании по делу Валленберга в Стокгольме в 1981 г. утверждал, что в последний раз он видел Рауля Валленберга на обеде в своем собственном доме, когда Рауль Валленберг временно возвратился из своей дипломатической миссии в Будапеште. Не все присутствовавшие при этом заявлении поняли всю сенсационность данной информации. Другим источником является баронесса Кемени-Фукс, которая была женой последнего венгерского министра иностранных дел перед взятием Будапешта советскими войсками. Она сказала, что Рауль Валленберг уверял её, что он говорил с г-жой Коллонтай, которая была в то время посланником СССР в Стокгольме, о "тебе и ребенке". Баронесса помогала Раулю Валленбергу в его деятельности по спасению евреев, и поэтому он мог бы хотеть информировать советские власти, чтобы к ней отнеслись хорошо. Эти данные предполагают посещение Раулем Валленбергом Стокгольма в 1944 г. или по меньшей мере телефонный звонок г-же Коллонтай. Незадолго до своей смерти в 1995 г. член СС Курт Бехер в телефон-

ном разговоре с Сузанной Бергер сказал, что он слышал о том, что Рауль Валленберг пытался организовать полет в Швецию поздней осенью 1944 г. на немецком самолете, но он пытался отсоветовать Валленбергу лететь на самолете. Бехер умер до того, как его смогли спросить о том, состоялась ли поездка на самом деле. Однако немецкая виза, датированная 13 октября 1944 г. и действительная для обратного въезда по 29 октября включительно, была проставлена в паспорте Рауля Валленберга. Наконец, в британских документах упоминаются сведения, что во всяком случае шведский дипломат собирался посетить Стокгольм в конце сентября 1944 г.

Но никаких следов посещения Стокгольма Раулем Валленбергом найти не удалось. Представляется почти совершенно невероятным, что он побывал там и не встретился со своими матерью, братьями и сестрами. Не был также зарегистрирован какой-либо контакт с министерством иностранных дел, а его сотрудники в Будапеште никогда ничего не говорили о подобной поездке. Поиски в архивах данных о разрешении на посадку или т. п. не принесли никаких результатов. Ведь Маркус Валленберг, возможно, имел в виду обед с Раулем Валленбергом после одной из его более ранних поездок в Венгрию. Все же нельзя полностью исключать, что поездка имела место в действительности, например, на обычном немецком курьерском самолете, что могло объяснить очень короткое пребывание, но с какой целью и зачем надо было сохранять её в тайне? В этом случае наиболее вероятный временной отрезок приходится на неделю с 17 по 23 октября, когда действительно существует продолжительное окно в несколько дней подряд в карманном календаре Рауля Валленберга".

Эти суждения, к которым его авторы пришли независимо от меня, заслуживает исключительного внимания. «Пауза» в блокноте Валленберга с 17 по 23 октября 1944 года достаточна, чтобы Рауль смог (на курьерском самолете или иным путем) слетать в Стокгольм. Почему он не появился у своей матери? Здесь ответ можно искать в том, что он посещал Стокгольм не по своей обычной линии (Ольсен), а по иной, сугубо законспирированной связи с советской стороной.

Очень многозначительно и сообщение шведских исследователей по поводу консультаций Рауля Валленберга с Куртом Бехером о возможном полете в Стокгольм поздней осенью 1944 года. Если вернуться к вопросу о деятельности Бехера летом 1944 года и его таинственных транзакциях в Швейцарии и переговорах с американцами, то очень интересно, что Валленберг (участие которого в этих транзакциях я предполагал) и далее сохранил связь с этим штандартенфюрером СС. Каковы были эти отношения, чьи интересы представлял Валленберг — остается догадываться, однако любопытно одно: после войны Бехер не подвергся преследованиям и был в социалистической Венгрии частым желанным гостем.

Финал

...Итак, 17 июля 1947 года Абакумов направил Молотову секретное письмо "К делу шведского подданного Р. Валленберга" (как ответ на предложения Вышинского). Валленберга ещё раз (или два) допрашивают, видимо, для составления рапорта на имя Сталина. Как мы уже отмечали, в глазах последнего вменявшийся в вину Валленбергу криминал — двойная игра — был вполне достаточен, чтобы подписать смертный приговор. Кроме прочего

он оправдывал и неудачу Абакумова, который не сделал Валленберга «своим». Во всем виноваты американцы...

Рапорт на имя Абакумова о смерти "предположительно от сердечной недостаточности" датирован 17 июля. Экс-генерал КГБ Судоплатов высказал предположение, что смерть последовала после применения средств из токсикологической спецлаборатории профессора Майрановского. Формула Белкина ("пришили") подразумевает расстрел. Но ни один из ветеранов КГБ не сомневался в том, что Валленберг так или иначе был ликвидирован.

"Маленькая подробность". В мае 1947 года в СССР была отменена смертная казнь. Но для расправы с Раулем это вовсе не было препятствием: его ведь не судили, приговора не выносили — следовательно, закона не нарушили. 17 июля 1947 года Валленберга не стало.

Как писал Смольцов, "сегодня ночью в камере внезапно скончался предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда".

О странностях этого рапорта можно рассуждать. Почему не на бланке, а на листке бумаги? Откуда дата 17 июля, странно совпадающая с датой доклада Меркулова Молотову. Нет на рапорте и резолюции, только ссылка на нее, сделанная самим Смольцовым. Можно ставить под вопрос подлинность подписи. Но шведские эксперты в 1992 году подтвердили подлинность рапорта.

Смольцов давно покинул этот мир, однако в Санкт-Петербурге живет его бывшая подчиненная, работавшая в то время вместе со Смольцовым на Лубянке врач Раиса Кузьмина. Она отказалась встретиться со мной, однако по телефону рассказала, что никогда не осматривала Валленберга, более того, о его существовании узнала только

в наше время. Смольцова Кузьмина охарактеризовала «положительно». Главное, что, по её словам, Смольцов пользовался безграничным доверием руководства госбезопасности. Он работал в системе ещё со времен Дзержинского, и именно ему поручали, говорила она, "самые сложные случаи". Таким образом, если Валленберг должен был быть расстрелян или отравлен, то ни в личном поручении Абакумова Смольцову, ни в личном рапорте нет ничего удивительного.

Любопытно следующее. Смольцов просит "указания, кому поручить вскрытие трупа на предмет установления причины смерти". Необычный вопрос, если заключенный умер своей смертью. В таких случаях, по словам Кузьминой, все без исключения трупы отправляли на вскрытие в морг Бутырской тюрьмы. Зачем же какие-то уточнения, если нет «проблем» в виде пулевых отверстий или следов отравления? В тот же день, 17 июля, Смольцов приписывает на листке: "Доложил лично министру. Приказано труп кремировать без вскрытия". Если бы Валленберг действительно умер своей смертью, труп попал бы на положенное вскрытие в Бутырке и МГБ получило бы медицинское заключение более убедительное, чем смольцовское «предположительно». Однако приказ есть приказ.

Правда, не прошло и... 20 лет, как на свет появился иной вариант смерти Валленберга. Он содержался в заключении Главной военной прокуратуры РФ и гласил:

"Бывший осужденный ИТК № 8, которая находилась в 15 км от г. Москвы, в бывшем имении графа Шереметева, Сасовский Е. М. пояснил, что примерно в 1950 г. начальник колонии, будучи в нетрезвом состоянии, разрубил топором дверь радиоузла, где он работал, и, будучи

возмущенным его отсутствием, заявил, что нервы у него сдают в связи с тем, что он лично по указанию руководства расстрелял много людей и "года три тому назад мне поручили жидовского прихвостня из Швеции. Устроили ему прогулку в «Коммунарку», там в лесочке и уложили шведа. Своих не хватает" (т. 4, л. д. 158 — 162).

Увы, номер дела не придает особой убедительности пересказу слов пьяного начальника колонии № 8. Зачем надо было из надежного дома в Варсонофьевском переулке вести жертву в какой-то лесок? Живописные подробности не увеличивают достоверность пересказа, и я склонен больше верить незаверенному тексту Смольцова, чем этой версии. В документе Смольцова есть логика событий страшной эпохи, в которой мы жили. Труп был кремирован без документального оформления, что тогда не составляло проблемы. На этом закончилась история Рауля Валленберга, человека, который вошел в историю как спаситель тысяч евреев, но был слишком неосторожен в обращении с собственной жизнью...

Глава 4 РАУЛЬ ВАЛЛЕНБЕРГ — ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Странности истории

Несть числа странностям истории. В том, как она обошлась с 33-летним шведским дипломатом, проще выбрать моменты, которые нельзя назвать странными. Начиная с 13 января 1945 года — дня прихода Рауля Валленберга к советским войскам в Будапеште и кончая днем 17 июля 1947 года — днем, когда была зарегистрирована его смерть — все выглядело и выглядит до сегодняшнего дня по меньшей мере странным. Об этом шла речь в предыдущих главах этой книги — и, увы, будет говориться в настоящей, заключительной главе. Сама дата смерти Валленберга ставится под сомнение — таково заключение шведской стороны в российско-шведской рабочей группе, которая была создана 10 лет назад.

Будем откровенны: иначе быть и не могло. Арест, совершившийся вопреки всем нормам цивилизованного поведения; заключение, незаконное по всем своим характеристикам; смерть, скорее походящая на убийство; наконец, вопиющий и заведомый обман общественного мнения со стороны советского правительства все это обуславливало необходимость и неизбежность лжи. Сначала она казалась странной, затем стала нормой поведения советской политики и заставляла отказываться от обычных, объяснимых здравым смыслом шагов и действий. Их не было в том, как вела себя советская дипломатия — не

сама по себе, а как часть созданной в СССР системы мышления и поведения.

То, что мы до сих пор могли (и не могли) узнать о событиях вокруг личности шведского дипломата, составляет некую, порой абсурдную коллекцию. Начало её, как можно было понять и увидеть по первым главам книги, относится к осени — зиме 1944 года, а конца ей не видеть, ибо сообщения о «живом» Валленберге продолжают поступать до сегодняшнего дня. Здесь не помогли десятки советских официальных заявлений о смерти шведского дипломата — ведь известно правило: "Единожды солгавши..." Тем не менее (а, может быть, тем более) миновавший исторический период (1945 — 2001) заслуживает анализа. Хотя он, увы, ничего не может изменить в конечном итоге (Валленберг мертв, погубивший его режим подвергся всеобщему осуждению и развалился), очень полезно попытаться разобраться в той технологии государственной лжи, которая была создана советским режимом. Неправильны утверждения, будто советские власти не придавали делу Валленберга особого значения (по крайней мере на первой стадии). Нет, это было не так: ведь им занимались высшие государственные деятели Советского Союза (включая Сталина), его неоднократно обсуждало Политбюро (Президиум) ЦК КПСС. Другое дело, что советский режим сам себе создал сие дело (по принципу "за что боролись, на то и напоролись"). Но толстые тома документов, накопившихся из шведских запросов и советских ответов, заслуживают разбора.

Если обратить внимание на советские ответы по Валленбергу, то их характер менялся. Сначала самой главной отличительной чертой был разнобой. Деканозов говорил о заботе, окружающей Валленберга, "Радио Кошут" — о гибели, чиновники МИД — о том, что вообще

Валленберга знать не знают. Разнобой, как выясняется, был и в верхах: МИД действительно не знал того, что знает МГБ; МГБ не обращало внимания на нужды дипломатов. Разнобой длился довольно долго. Почему? В первую очередь из-за слепой уверенности спецслужб в том, что им все позволено, все дозволено. Своеобразное государство в государстве, ведомство Абакумова могло себе позволить не сообщать не только МИДу, но и соседним службам (внешней разведке) об аресте Валленберга, а когда об этом все-таки стало известно, позволяло себе не давать никаких разъяснений по поводу причин и целей ареста. Добавлю, что это происходило в "кульминационный период" авторитета Абакумова в глазах Сталина, а следовательно, во время, когда ни один из руководящих деятелей советского государства не мог осмелиться оспорить решение Абакумова.

Но даже когда Абакумов зашатался, его действия не подлежали обсуждению (и осуждению). На них как бы распространялась незримая «эманация» сталинского имени: а вдруг Сталин, одоблив действия Абакумова, дал ему некие особые указания? Вдруг Валленберг действительно нужен для каких-то неизвестных целей? Так постепенно стал вырабатываться некий «образчик» для советских ответов в ответ на шведские запросы: занимать неопределенную позицию, не опровергая шведские мнения о возможности гибели Валленберга во время боев в Будапеште. Примерно в этом направлении идет ответ Вышинского в августе 1947 года, в котором говорилось, что Валленберга "нет в Советском Союзе". Напомним, что признание последовало с советской стороны лишь в 1957 году, то есть значительно после смерти Сталина. В рамках же "общей неопределенности", существовавшей вокруг дела с 1945 года, разнобой первых лет сменился ничего не обя-

зывающими и ничего не разъяснявшими заявлениями на "среднем уровне".

Оба периода (разнобоя, а затем бессодержательных ответов) очень логично укладываются в новую схему, которую мы узнали от Александра Николаевича Яковлева. Ведомство Берия — Абакумова — Меркулова — Серова испытало чувство, близкое к коллапсу, когда выяснило крах своих надежд на продолжение сотрудничества с Раулем Валленбергом. Он наотрез отказался (чему, безусловно, способствовало поведение хозяев Лубянки). Как же это можно было перенести, когда ранее полезный человек говорит «нет»?

По мнению А. Н. Яковлева, сам факт сотрудничества Валленберга с советской, как, впрочем, с американской, английской и даже со шведской, секретной службой был не только естественным, но и необходимым.

— Для выполнения своей благородной, но необычайно сложной цели спасения обреченных нацистами на смерть людей — Валленбергу в чужом ему городе нужна была помощь, — считает Яковлев. — Ее могли оказать специальные службы. Трудно сейчас установить, когда он искал помощи у советской стороны, — была ли это связь с представителями военной или чекистской разведки. Для Валленберга тогда, в Будапеште, это было бы безразличным, для советской же стороны после войны — небезразличным. У меня есть серьезное подозрение, что он вышел на работников ГРУ, чего чекисты ему потом не простили.

Со своей стороны, я лишь мог вспомнить, что приказ привезти Рауля в Москву пришел не по линии Смерша, а от заместителя наркома обороны Булганина — с последующей информацией Смерша.

— Так или иначе, связь с советскими представителями могла бы быть не «формализована» в виде подписки, — продолжал свои рассуждения мой маститый собеседник. — Самое главное — он служил высокой, благородной цели...

Но то, что было неважно в Будапеште в 1944 году, могло стать решающим в Москве в 1944-м, когда Валленберг оказался в руках Смерша, ревниво относившегося к своим конкурентам. Теперь о том, как доложить Сталину, решал Абакумов. Когда же выяснилось, что Абакумов потерпел с Валленбергом неудачу, то Смершу не только не прибавилось желания молчать о своем узнике, а оно стало абсолютным.

Мне представляется, что вскоре после начала допросов Валленберга на Лубянке, его дело приобрело особый характер: характер внутренней, внутриведомственной тайны хозяйства Абакумова. Смерш, а с ним и за ним МГБ вообще считали свои следственные дела совершенно секретными, а в случае Валленберга дело стало секретным в квадрате. О нем никто не должен был знать даже в намеках — недаром Абакумов в разговоре с Фитиным и Елисеевым так резко оборвал все попытки ведомства внешней разведки подключиться к вербовке. Для советского дипломатического ведомства готовились фальшивые и противоречащие друг другу информации. Неизвестно, какую роль сыграло дело Валленберга в отношении Сталина к Абакумову, а потом в решении о снятии и расправе с Абакумовым.

Внешне смерть Сталина не отразилась на "валленберговской тематике". Но подспудные изменения назревали: Абакумов был убран и заменен Игнатьевым, затем с Абакумовым поступили ещё решительнее — расстреляли.

Приход Хрущева к власти, расправа Хрущева с Берия предвещали новый этап в роли служб безопасности в советском государстве. Теперь с ними стали обращаться осторожнее, хотя и не отказались от их услуг. Изменяется и обстановка внутри Политбюро: нет Берия, Молотов уже не министр иностранных дел...

Но инерция аппарата была сильнее, чем изменения в верхах. Со времени, как было — ещё при Сталине — принято решение о "ликвидации дела Валленберга" и приняты необходимые "организационные меры", ещё должно пройти почти 10 лет, чтобы советские власти признались в своем позоре.

Внутренняя тайна продолжала соблюдаться и в 50-е годы. МГБ и его преемник КГБ (Серов) наследовали её от своих предшественников. "Меморандум Громыко" 1957 года, в действительности составленный Шепиловым и Серовым, а затем утвержденный Политбюро, — образчик государственной полуправды, которая пришла на смену государственной лжи. Почему появился этот документ?

...Как бы ни хотелось советскому руководству жить в замкнутом мире своих решений, существовал внешний мир. Новая власть уже стала понимать, что "холодная война" ведет в тупик "войны горячей", слово «разрядка» властно врывалось во внешнеполитический обиход, — и это поняли Никита Хрущев и его новый министр иностранных дел Дмитрий Шепилов, человек нового поколения советских деятелей.

Общая ситуация после прихода к власти Хрущева изменилась. Но не в деле Валленберга! Молотову здесь казалось, что «сигнал» для Северной Европы не прозвучал, а его прямое и личное участие во всех перипетиях дела Валленберга мешало ему взглянуть на ситуацию по-

новому. Со своей стороны, Серов бдительно следил за соблюдением "внутренней тайны".

Я ранее уже высказывал соображения по поводу того, что гибель Валленберга была предрешена в 1947 году и на это роковое решение повлияла отнюдь не ситуация в советско-шведских отношениях. Здесь как раз наметилось улучшение после подписания кредитного соглашения и поэтому очередные напоминания шведов о судьбе Валленберга не были Молотовым сочтены за достаточное основание для кардинального пересмотра его, молотовской, позиции.

Но мир на Молотове не замкнулся! Об этом ему напомнило посольство СССР в Швеции в начале 1956 года. Этот любопытный доклад я могу привести в подлиннике, так как по непонятным причинам в числе документов, рассекреченных в 1992 году для процесса против КПСС в Конституционном суде РФ, оказалась пачка документов из знаменитой "особой папки", относящейся к рассмотрению дела Валленберга в 1956 — 1964 годах. Вот основные документы.

"8 марта 1956 г.

ПОСОЛЬСТВО СССР В ШВЕЦИИ Копия 24 января 1956 года Получено диппочтой № 59 Секретно. Экз. № 11

Товарищу В. М. МОЛОТОВУ

Докладываем соображения посольства по поводу вопросов, которые могут быть затронуты Эрландером¹ в беседе с Советским Правительством в Москве, и вопросов, которые целесообразно поставить с нашей стороны в этой беседе.

Большинство шведской общественности реагировало в основном положительно на сообщение о предстоящей поездке Эрландера в СССР. Но значительная часть консервативной и либеральной партии и буржуазной прессы, не выступая открыто против этой поездки, отнеслась тем не менее недоброжелательно к ней и предупредила Эрландера, что он должен не выходить из рамок неофициального визита, не подписывать каких-либо соглашений или пресс-коммюнике, не вступать в переговоры о контакте шведской социал-демократии с КПСС и вместе с тем должен выяснить судьбу Рауля Валленберга. Некоторые реакционные газеты требовали даже, чтобы Эрландер поставил в Москве вопросы о шведском самолете «Каталина», сбитом советскими самолетами в июне 1952 г. при нарушении советских границ, и о 12-мильной ширине советских территориальных вод в Балтийском море.

Эти выступления буржуазных партий и их прессы оказали известное влияние на Эрландера (как это видно из его решения ограничиться лишь неофициальной формой визита в СССР и вместе с тем вновь поставить в Москве вопрос о Рауле Валленберге) и, по-видимому, побудят его держаться несколько настороженно особенно в начале беседы с Советским Правительством. Поэтому было бы целесообразно придать с самого начала этой беседе характер и форму неофициального дружеского разговора...

3. Вопрос о Рауле Валленберге Эрландер дважды в беседах с совпослом (15.XII.55 и 17.I.56) заявлял о намерении поставить данный вопрос перед Советским Правительством, причем откровенно говорил, что вынужден сделать это главным образом для того, чтобы не дать буржуазным партиям предлога обвинять шведское прави-

тельство (особенно в период выборной кампании в шведский риксдаг осенью с. г.) в недостаточно энергичном выяснении судьбы Валленберга у Советского Правительства.

Как известно, Унден 8 ноября 1955 г. передал через совпосольство Советскому Правительству очередной запрос о Валленберге. Наш ответ на этот запрос ещё не поступал, и если он поступит к шведам в феврале или марте с. г., т. е. незадолго до поездки Эрландера, и будет по своему содержанию лишь повторять наши предыдущие ответы относительно безрезультатности поисков Валленберга в СССР, то буржуазная пресса попытается использовать такой ответ для некоторого обострения шведско-советских отношений перед визитом Эрландера в СССР и выступит, например, с требованием поставить этот визит в зависимость от уверенности в получении Эрландером в Москве исчерпывающих разъяснений о судьбе Валленберга. Таким образом, передача за 1 — 2 месяца до визита Эрландера нового ответа шведам на вышеуказанный запрос Ундена от 8.XI.55 г. не исключила бы вероятности повторного обращения Эрландера к Советскому Правительству в Москве по этому же поводу и в то же время несколько обострила бы обстановку накануне его поездки в СССР. Поэтому представляется целесообразным дать ответ на вышеуказанный запрос Ундена по поводу Валленберга не до поездки Эрландера, а во время его пребывания в Москве, поскольку он в любом случае поставит, по-видимому, данный вопрос перед Советским Правительством.

Если Эрландер поднимает этот вопрос, то, по нашему мнению, было бы целесообразно ответить, что Советское Правительство, в связи с запросами шведского правительства в 1951 — 1955 г.г. о Валленберге, вновь про-

вело в 1951 — 1955 г.г. тщательное расследование (с учетом, в частности, тех сведений, которые были изложены в этих запросах), и на этой основе вновь подтвердилось, что Рауля Валленберга в СССР нет.

Подобный ответ, совпадая по основному содержанию с нашими предыдущими ответами, отличался бы в то же время от них ссылкой на расследования, проведенные в 1951 — 1955 г.г. в связи с запросами, поступившими от шведского правительства в этот период, и с учетом сведений, которые были упомянуты в этих запросах.

В заключение этого ответа целесообразно, по мнению посольства, выразить Эрландеру удивление по поводу того, что шведское правительство придает, по-видимому, больше веры и значения безответственным и путаным заявлениям отдельных иностранцев, находившихся в заключении в СССР за совершенные ими преступления и утверждающих, что якобы видели Валленберга в Советском Союзе, чем многократным официальным ответам Советского Правительства об отсутствии Валленберга в СССР. Следовало бы указать, что Советское Правительство, руководствуясь стремлением поддерживать добрососедские чувства взаимного доверия между обеими странами и правительствами, поступало иначе и после получения ответов от шведского правительства на запросы о судьбе отдельных советских граждан прекращало делать дальнейшие запросы даже в тех случаях, когда располагало показаниями частных лиц, не совпадающими с этими ответами шведского правительства. Соответствующие факты изложены в прилагаемой отдельной справке".

На этом докладе Молотовым была сделана следующая запись:

"1. Разослать членам Президиума ЦК КПСС

2. Т.т. Громыко, Семенову. Учесть при подготовке предложений для внесения в ЦК.

В. Молотов. 8 марта 1956 года"

Этим делом занялся и сам Молотов. Он, видимо, понимал, что уже нельзя делать вид, будто о Валленберге Москве ничего не известно. Тогда-то и был им — опять же совместно с председателем КГБ Иваном Серовым — разработан план, каким образом представить все дело с наименьшим уроном для престижа СССР. Молотов и Серов произвели на свет ещё один шедевр цинизма в форме письма в ЦК КПСС:

"ОСОБАЯ ПАПКА

Сов. секретно. Экз. № 1

Ц К К П С С

Во время пребывания в Москве правительственной делегации Швеции министр внутренних дел Швеции Хедлунд передал советской стороне свидетельские показания некоторых репатриированных в конце 1955 года из СССР в ФРГ бывших немецких военных преступников о шведском дипломате Рауле Валленберге.

Из этих показаний видно, что правительство Швеции располагает доказательствами, что Валленберг был арестован советскими властями в Будапеште и длительное время содержался в тюремном заключении в Москве.

Ряд опрошенных шведскими властями лиц дают об этом прямые показания. Так, быв. полицейский атташе при германской миссии в Бухаресте Густав Рихтер 27 января 1956 года показал, что на протяжении более меся-

ца, с 31 января 1945 г. он содержался в Лубянской тюрьме в одной камере с Валленбергом. Рихтер далее сообщил подробные данные об обстоятельствах ареста Валленберга и его шофера Лангфельдера, известные ему со слов Валленберга.

В своих показаниях быв. хранитель печати германской миссии в Бухаресте Вилли Бергман сообщил 27 января 1956 г., что, находясь в Лефортовской тюрьме в камере № 202, он путем перестукивания и переговоров по водопроводу установил контакт с содержащимися в соседней камере № 203 чиновником шведской миссии в Будапеште Валленбергом и находившимся вместе с последним в одной камере советником германской миссии в Бухаресте Ределем. Такая связь между ними поддерживалась с сентября 1946 г. приблизительно до мая 1947 года.

Аналогичные показания о поддержании связи путем перестукивания с Валленбергом и Ределем дали бывший генеральный секретарь германского научного института в Бухаресте Карл Зупприан, бывший научный ассистент германской миссии в Бухаресте Эрнст Валленшейн и другие опрошенные лица, содержащиеся в период 1945 — 1947 гг. в Лефортовской тюрьме.

Бывший полковник в резерве верховного командования гитлеровской армии Хорст Китчман, быв. сотрудник германской контрразведки в Румынии Эрнст Зубер и ефрейтор германского вермахта Эрхард Хилле также дали подробные показания о том, что, находясь в заключении в Лефортовской тюрьме в период 1945 — 1947 годов, в разное время содержались в камере с шофером Валленберга Лангфельдером, арестованным и доставленным в Москву вместе с Валленбергом.

Показания этих свидетелей, а также представленные шведской стороной показания других лиц во многом совпадают с фактическими обстоятельствами ареста и содержания Валленберга в тюремном заключении в СССР".

Таким образом, Молотов и Серов убеждали своих коллег по Президиуму ЦК КПСС, что пора отмалчивания миновала и надо что-то делать. Что же?

"Принимая во внимание важность урегулирования со шведами вопроса о Валленберге, а также и то, что они не прекратят расследования этого дела, считаем целесообразным информировать шведское правительство о судьбе Валленберга, но сделать это не сразу. Необходимо также считаться с тем, что в сентябре с. г. в Швеции будут происходить парламентские выборы, и тактически было бы удобнее растянуть наше расследование дела Валленберга и окончательный ответ дать через два — три месяца после парламентских выборов.

В соответствии с этим предлагается теперь же дополнительно запросить через наше посольство в Стокгольме у шведской стороны об имеющихся у неё материалах и, в частности, об уточнении отдельных свидетельских показаний, представленных шведской стороной, получении фотографий Валленберга и др. Такой запрос с нашей стороны будет воспринят шведским правительством как показатель того, что советские органы действительно проводят тщательную проверку по материалам о Валленберге, представленным шведским правительством (Приложение 1).

После этого, примерно в июле, можно было бы поручить нашему посольству в Стокгольме сказать шведам, что полученные от них материалы тщательно проверяют-

ся, проводится опрос лиц, могущих иметь отношение к обстоятельствам, упомянутым в этих материалах, и что о результатах расследований шведское правительство будет информировано (Приложение 2).

Спустя два-три месяца после парламентских выборов в Швеции можно будет сделать шведскому правительству заявление об окончательных результатах проверки о судьбе Валленберга.

Проект Постановления ЦК КПСС прилагается.

Просим рассмотреть.

В. Молотов И. Серов 28 апреля 1956 года № 879/М".

К этому письму было два приложения и проект решения:

"Сов. секретно ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

1. Принять предложения т. Молотова и т. Серова, изложенные в приложениях 1 и 2, относительно судьбы шведского дипломата Рауля Валленберга.

2. Поручить МИД и КГБ представить свои окончательные предложения не позднее первой половины октября с. г.

Сов. секретно. Экз. № ____

Приложение 1

Устное сообщение Посла СССР

Министру иностранных дел Швеции Ундену (в начале мая)

Компетентные советские органы, которым поручено рассмотрение и проверка материалов, переданных шведской стороной во время пребывания премьер-министра Эрландера в Москве обратились в Министерство Иностранных Дел СССР с просьбой запросить у соответствующих шведских властей, не располагают ли они дополнительными материалами о Р. Валленберге. В частности, было бы желательно получить более подробные сведения о Шоере, якобы находившемся в одной камере с Валленбергом, о чем упоминает в своих мемуарах Густав Рихтер. Кроме того, советские компетентные органы заинтересованы в получении более подробных сведений о приметах Рауля Валленберга, его фотографий и всех других материалов, которые имеются в распоряжении шведской стороны и которые помогли внести ясность в вопрос о судьбе Валленберга.

Сов. секретно. Экз. № _____

Приложение 2

Устное сообщение посла СССР

Министру иностранных дел Швеции Ундену (в июле)

В связи с обращением премьер-министра Швеции г-на Эрландера к руководителям Советского правительства в марте с. г. по вопросу о проведении дополнительного расследования обстоятельств, связанных с исчезновением шведского дипломата Рауля Валленберга, Советским правительством было дано указание компетентным советским органам провести тщательную проверку с учетом переданных шведской стороной материалов.

В соответствии с этим компетентные советские органы проводят всестороннюю проверку всех материалов, касающихся Рауля Валленберга, полученных от шведской стороны, и, в частности, проводят опрос лиц, могущих иметь отношение к обстоятельствам, упомянутым в этих материалах, а также принимают другие меры.

Компетентные советские органы надеются, что о результатах предпринятого тщательного расследования правительство Швеции будет информировано в возможно скором времени".

Смысл предложений В. Молотова и И. Серова был ясен: затянуть информацию шведам. (Как видно из текста, оба автора не рискнули упомянуть о собственной позиции и о реальном содержании дела.) Предлагалось лишь посмотреть, как будет реагировать шведская сторона. Так 3 мая 1956 года и порешили.

Но шведское общественное мнение не думало успокаиваться, почему и было принято "соломоново решение"

: все-таки признать, что Валленберг был и умер в Москве. Тогда, следуя железной процедуре партийных решений, МИД СССР и КГБ представили новые предложения. Это был уже не МИД Вячеслава Молотова — тот был отправлен послом в Монголию. Серов был разжалован, его сменил чекист молодого поколения Владимир Семичастный. Внешнеполитическое ведомство возглавил молодой и энергичный Дмитрий Шепилов. И сам Президиум ЦК был иной: Хрущев избавился от "старой гвардии".

В январе 1957 года наконец — 10 лет спустя после смерти Рауля Шепилов и Серов внесли историческое в своем роде предложение:

"ЦК КПСС

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 3 мая 1956 г. МИД и КГБ представляют проект ответа правительству Швеции по вопросу о шведском дипломате Валленберге.

Проект постановления прилагается.

Просим рассмотреть.

12 января 1957 г.

Д. Шепилов, И. Серов".

Сам текст памятной записки, которую надлежало бы вручить шведам, гласил:

"Проект Памятная записка В связи с просьбой Правительства Швеции Советским правительством было поручено соответствующим советским органам произвести рассмотрение и проверку материалов относительно Рауля Валленберга, полученных от шведской стороны во время

советско-шведских переговоров в Москве в марте — апреле 1956 года, а также в мае 1956 года.

В процессе рассмотрения и проверки этих материалов советские органы произвели тщательный просмотр архивов, относящихся к учету заключенных и к следственным делам, в том числе архивов Лефортовской и Лубянской тюрем в Москве и тюрьмы во Владимире.

Однако в результате этих мер не удалось обнаружить каких-либо данных о нахождении Валленберга в СССР. Выяснилось при этом, что никому из опрошенных не было известно какое-либо лицо под фамилией Валленберг.

В связи с этим соответствующие советские органы предприняли полистовую проверку архивных документов всех вспомогательных служб некоторых тюрем. В результате такой проверки в архивных документах санитарной службы Лубянской тюрьмы был обнаружен рукописный рапорт на имя бывшего министра государственной безопасности СССР Абакумова, написанный начальником санитарной службы этой тюрьмы Смольцовым А. Л., следующего содержания".

Дальше следовал текст известного нам рапорта Смольцова и заключительная «тирада»:

"Советское правительство искренне сожалеет по поводу случившегося и выражает свое глубокое соболезнование правительству Швеции, а также родственникам Рауля Валленберга".

Эта памятная записка, которую подписал заместитель министра иностранных дел А. Громыко 7 февраля 1957 года, была вручена шведскому посольству в Москве. В ней также выражалось сожаление по поводу того, что

бывший министр госбезопасности В. С. Абакумов "среди своей преступной деятельности" неправильно информировал МИД СССР "в течение ряда лет". Этот советский ход был вполне понятен, ибо к тому времени Абакумов был снят, судим и расстрелян.

Практически "меморандум Громыко" стал первым советским документом, в котором хотя бы на уровне МИД приносились извинения за гибель Валленберга. Ни объяснения причин, по которым он оказался в Москве, ни объяснения обстоятельств пребывания в двух тюрьмах — ничего не было. Заметим: нет и до сих пор!

Неудивительно, что "меморандум Громыко" с шведской стороны не встретил ни большого восторга, ни единодушного приятия. И на самом деле он являл собой образец сочетания откровенной лжи (по старому образцу) с постулированным (без документального подтверждения) сообщением о смерти. Если взять первую часть документа, то она сразу могла вызвать настороженность шведской стороны, ибо датировало указание Советского правительства искать материалы о Валленберге мартом — апрелем 1956 года. Сразу возникал вопрос: а что, беседа посла Сёдерблума со Сталиным осталась без последствий? Хотя посол беседовал с генсеком всего 5 минут, но после беседы у Сталина в кабинете ещё долго оставался заместитель министра иностранных дел С. Лозовский. Неужели он не получил никаких указаний от Сталина, который (согласно записи Сёдерблума) обещал ему выяснить дело Валленберга?

Но предположим, что до 1956 года советские власти ничего не предпринимали и лишь позже озаботились поисками материалов. Тогда ещё менее достоверно, что за 10 лет поисков "никому из опрошенных не было известно

имя Валленберга". Мы-то знаем, что ещё с 1945 года ведомство Абакумова вело допросы сокамерников, а также иных, попавших в лапы Абакумова иностранцев. Но далее выясняется, что после "полистовой проверки архивных документов" нашелся рапорт Смольцова. Нелогичность утверждения видна: ничего не нашли, а архивный документ вдруг обнаружился! Изложив же его, авторы памятной записки ни слова к нему не добавляют: мол, верьте и баста! Последующие «сожаления» звучат фальшиво и, конечно, не могли устроить ни правительства, ни родственников Рауля. Не менее фальшиво звучат фразы о том, что, мол, виноват бывший министр Абакумов, который "неправильно информировал МИД". Оказывается, лишь неправильно информировал. А что арестовал и умертвил остается за скобками. Ничего не было сказано о том, почему Абакумов убран в 1953 году, а "меморандум Громыко" последовал лишь в 1957-м.

Но меморандумом дело не кончилось.

Дело профессора Мясникова

...ЦК КПСС все-таки пришлось ещё раз заняться Валленбергом. На сей раз по смехотворному поводу. Им стало сообщение из Швеции, где известный медик д-р Нанна Шварц¹ заявила, что ей в 1961 году на конгрессе в Москве советский врач профессор Мясников рассказал о Валленберге. Оказывается, он жив и находится в психиатрической больнице. Нанна Шварц пользовалась в Швеции большим авторитетом, и лечила в свое время даже Александру Коллонтай.

Андрей Громыко, теперь уже не заместитель, а министр, счел, видимо, себя лично уязвленным, поскольку в 1957 году подписал знаменитую записку. И вот он в

апреле 1964 года представляет в Президиум ЦК такой документ:

Секретно. Экз. № ____

Ц К К П С С

Премьер-министр Швеции Таге Эрландер в беседе с министром иностранных дел СССР 18 марта с. г. вновь поднял вопрос о судьбе шведского дипломата Рауля Валленберга, задержанного нашими войсками во время войны в Будапеште и умершего в Лубянской тюрьме в 1947 году.

Эрландер сослался на то, что, по свидетельству шведского врача Нанны Шварц, советский ученый профессор А. Л. Мясников якобы сообщил ей в 1961 г. во время её поездки в Москву, что Валленберг жив и находится в психиатрической лечебнице в Советском Союзе.

Эрландер заявил о желательности выяснить достоверность сведений, на которые ссылается Шварц.

МИД СССР считал бы целесообразным, чтобы проф. Мясников направил через шведское посольство в Москве письмо Нанне Шварц, в котором он отклоняет как необоснованные её утверждения о том, что он якобы сообщил ей какие-либо сведения о Валленберге.

С КГБ при Совете Министров СССР (т. Семичастный) согласовано.

Проект постановления прилагается.

Прошу рассмотреть.

А. Громыко 23 апреля 1964 года № 1305/ГС

Секретно. Экз № 1

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

О письме проф. Мясникова А. Л. шведскому врачу Н. Шварц в связи с делом шведского дипломата Р. Валленберга 1. Считать целесообразным, чтобы проф. Мясников А. Л. направил через шведское посольство в Москве шведскому врачу Н. Шварц письмо, в котором он отклоняет как необоснованные её утверждения о том, что он якобы сообщил ей какие-либо сведения о Р. Валленберге (копия письма прилагается).

2. Поручить МИД СССР (т. Громыко А. А.) в зависимости от реакции шведской стороны принять меры к опубликованию этого письма в шведской печати.

СЕКРЕТАРЬ ЦК к № 1305/ГС

И далее следует проект письма:

Копия ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ТЕРАПИИ

АКАДЕМИИ МЕДИЦИНСКИХ НАУК СССР

Действительный член АМН СССР

Профессор А. Л. Мясников Москва, Петроверигский пер., дом 10 Телефон Б 1-03-13

10. IV.1964 г.

Дорогая г-жа Сварц!

Пишу Вам в связи с вновь появившимися высказываниями в Стокгольме, касающимися судьбы г-на Валленберга. В них делались ссылки на меня, — в том смысле, что будто бы я сообщил Вам какие-то сведения о нем во время Вашего визита в Институт Терапии (в дни ревматологической конференции в 1961 году в Москве).

Как Вы, наверное, помните, я сказал Вам тогда, что я ничего не знаю о г-не Валленберге, никогда не слышал

его имени, ни имею ни какого понятия о том, жив ли он или нет.

Я посоветовал Вам обратиться по данному вопросу в наше Министерство Иностранных дел, — через Вашего посла или лично. На Вашу просьбу спросить о судьбе данного человека у главы нашего государства Н. С. Хрущева, которого я, по Вашему предположению, должен был лечить, я ответил Вам, что Н. С. Хрущев, как хорошо всем известно, вполне здоров, а я не являюсь его врачом.

По какому то непонятному мне недоразумению эта моя краткая беседа с Вами (она происходила на немецком языке — может быть не вполне совершенном с моей стороны) была неправильно истолкована в шведских официальных кругах.

Позже я узнал, что г-н Валленберг ещё в 1947 году умер и что об этом было в дальнейшем сообщено нашим правительством шведскому правительству и семье покойного.

Прошу принять мои наилучшие пожелания полного здоровья и успехов в Вашей научной и врачебной деятельности.

С искренним уважением Ваш Мясников1.

Сие решение, конечно, принимается. Протокол Президиума № 141 от 28 апреля узаконивает процедуру опровержения. Мясников отправляет письмо, сочиненное ведомством Громыко. Но и на этом дело не заканчивается. В 1965 году Громыко снова «входит» в ЦК (так тогда называлась процедура принятия решений на уровне Президиума) с новым письмом:

"Секретно. Экз. № 1

Ц К К П С С

В соответствии с постановлением ЦК КПСС (№ П201/94 от 7 мая 1965 г.) 11 мая с. г. была организована встреча посла Швеции в СССР Ярринга с профессором А. Л. Мясниковым.

Ярринг выяснял обстоятельства беседы Мясникова со Шварц в 1961 г., во время которой, по утверждению Шварц, Мясников якобы сообщил, что Валленберг жив и находится в больнице.

Профессор Мясников категорически отверг приписываемые ему высказывания о Валленберге.

Ярринг обратился с просьбой к Мясникову встретиться со Шварц, чтобы выяснить недоразумение, которое возникло между ними. Мясников ответил, что он не видит никакого смысла в такой встрече. Однако посол настойчиво добивался согласия Мясникова на встречу со Шварц, и Мясников в конце концов уступил этому нажиму: он сказал, что может побеседовать со Шварц, хотя и считает такую встречу бесполезной.

20 мая после возвращения из Стокгольма Ярринг обратился в МИД СССР с просьбой организовать в начале июня встречу Мясникова со Шварц в присутствии шведского посла и представителя МИД СССР.

МИД СССР считает целесообразным, чтобы профессор Мясников отклонил предложение об организации встречи со Шварц.

С КГБ при Совете Министров СССР (т. Семичастный) согласовано.

Проект постановления прилагается.

Прошу рассмотреть.

А. Громыко 30 мая 1965 года № 1762/ГС

Вопрос обсуждался на заседании Президиума ЦК 3 июня 1965 г. (пр. 203). Решен без записи в протокол".

"Секретно. Экз. № 1

Проект ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

Об ответе профессора А. Л. Мясникова послу Швеции по вопросу о Валленберге 1. Утвердить проект письма А. Л. Мясникова послу Швеции в СССР (прилагается).

2. Письмо А. Л. Мясникова вручить послу Швеции через МИД СССР.

СЕКРЕТАРЬ ЦК к № 1762/ГС"

Новое "письмо Мясникова" уже сформулировано:

Секретно. Экз. № 1

Проект письма А. Л. Мясникова послу Швеции в СССР Г. Ярринг Уважаемый господин Посол,

Мне сообщили из Министерства иностранных дел, что Вы, ссылаясь на нашу с Вами беседу от 11 мая, высказали пожелание о моей встрече в начале июня с профессором Н. Шварц в присутствии Вашем и представителя МИДа.

Не могу не отметить, г-н Посол, что я весьма удивлен тем, что Вы все ещё продолжаете настаивать на выяснении приписываемых мне высказываний о Валленберге, которых я не делал.

В письме г-же Н. Шварц от 29 апреля 1964 г. я заявил, что в беседе, на которую она ссылается, я сказал ей, что ничего не знаю о Валленберге, никогда не слы-

шал о нем, не имею никакого понятия о том, жив ли он или нет.

Желая положить конец спекуляции вокруг моего имени, я согласился встретиться с Вами, г-н Посол, как официальным представителем правительства Швеции и подробно рассказал Вам о содержании нашей беседы с г-жой Шварц. При этом я вновь подчеркнул, что приписываемых мне высказываний я не делал. Вы поблагодарили меня за разъяснения и сказали, что теперь у Вас лично появилась ясность в этом деле.

Как я уже говорил Вам в нашей беседе, у нас с г-жой Шварц как крупным шведским ученым могут быть встречи для обсуждения научных проблем, однако нет никакого смысла в дальнейших беседах с ней по вопросу о Валленберге. Хочет этого шведская сторона или нет, но предложенное Вами дальнейшее выяснение этого дела приобретает характер следствия, унижительного для меня.

Я ещё раз решительно отвергаю приписываемые мне высказывания и считаю выяснение со мной этого вопроса законченным.

С уважением А. Мясников к № 1762/ГС".

Едва ли уважаемый кардиолог профессор Мясников мог догадываться — на каком высоком уровне могло упоминаться всуе имя его. А зачем? Остается лишь предположить, что Громыко был не только озабочен новой атакой на его меморандум 1957 года. Он как бы реагировал на известное ему, но не советской общественности, новое развитие дела Валленберга, которое началось в 50-х и продолжалось в 60-х годах. Его суть состояла в нежелании шведов примириться с сообщенным Андреем Громыко утверждением о гибели Рауля Валленберга в 1947 го-

ду. Недоверие вполне естественное для критически мыслящего мира. Оно имело специфические истоки: возвращавшиеся из советских лагерей бывшие военнопленные и интернированные сообщали, что видели живого Валленберга то там, то сям. Если не видели, то слышали о нем...

Сначала эти сообщения коллекционировали созданные в Швеции общественные комиссии. Затем была, как известно, создана советско-шведская правительственная комиссия. Стали искать, причем КГБ не препятствовало поискам. Так на свет появились новые документы, которые передали шведской стороне.

Новая серия документов Она датирована уже не 1965 годом, а 80-90-ми годами. В эту серию вошли такие справки и сообщения:

"Справка "Осужденный Валленберг в учреждении ОД-1/СТ-2 УИД УВД Владоблисполкома не содержался.

17.10.89

Начальник учр. ОД-1/СТ-2 В. Горшков".

"Я, врач-терапевт Сухочева Лариса Кузьминична, работала в учр. ОД-1/СТ-2 с 1953 по 1983 год. За время моей работы больной-осужденный по фамилии Валленберг не обращался. А также о содержании осужденного с такой фамилией я не слышала.

17.10.89 г.

Сухочева".

"Зам. начальника архива КГБ СССР т. Виноградову В. К.

Сообщаем, что интересующих Вас сведений о Рауле Валленберге в архиве не имеется.

31.7.90

Зам. директора ЦГАОР1 СССР Т. Павлова".

"Всесоюзный научно-исследовательский институт судебных экспертиз Министерства юстиции СССР

17.08.90 г. из Центрального архива КГБ поступили: рапорт на имя министра Государственной безопасности СССР Абакумова В. С. от 17.07.47 года; текст резолютивной надписи: "Доложил лично Министру. Приказано труп кремировать без вскрытия. 17.07" под текстом вышеуказанного рапорта; автобиография Смольцова А. Л. от 16. XII.40 года; анкета специального назначения работника НКВД Смольцова А. Л. от 16.12.40 года.

Выводы:

Тексты выполнены одним лицом.

Рапорт Смольцова А. Л. на имя Абакумова В. С., датированный 17 июля 1947 г., мог быть выполнен в соответствии с указанной на документе датой..."

"Заместителю начальника архива КГБ СССР тов. Виноградову В. К.

На Ваш запрос № 10-А-222 от 17.05.91 года сообщая, что граждане Рауль Валленберг 1912 г. рождения и Вильмош Лангфельдер на Донском крематории в числе кремированных не значатся.

Директор крематория Ф С. Райхильгауз".

20.05.91

"Зам. начальника архива КГБ Виноградову В. К.

В ответ на Ваш запрос психиатрическая клиническая больница № 1 им. Кащенко сообщает, что больной Валленберг Рауль Густав по архивным данным в период с 1940 по 1970 г. не значится.

2.12.91 г."

"Зам. начальника Центрального архива КГБ СССР т. Виноградову В. К.

ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского на Ваш запрос сообщает, что Валленберг Рауль Густав 1912 г. рождения за период с 1945 по 1980 годы по архивам института не значится.

3.12.91

Начальник I отдела Н. А. Проценко".

"Сопредседателю российско-шведской рабочей группы, заместителю начальника историко-документального управления МИД России В. В. Соколову Архив Президента Российской Федерации неоднократно проводил выявление документов связанных с делом Р. Валленберга... в соответствии с решением Президента СССР копии документов были переданы шведской стороне... Других материалов по делу Р. Валленберга в архиве не обнаружено.

30 декабря 1992 г.

Директор архива В. Коротков".

Конечно, возникает вопрос: почему вдруг? Почему не в 60-х, почему не раньше? Вопрос риторический, ибо в те времена органы государственной безопасности были убережены от необходимости отвечать. Теперь времена изменились: мы ищем, но ничего не находим. Желаете ехать во Владимир? Пожалуйста. Желаете анализировать картотеки? Пожалуйста...

Созданная в 1991 году Российско-шведская комиссия работала до 2000 года. Члены комиссии исправно наносили визиты Стокгольму и Москве; обсуждали новые публикации на известную тему — но до заключения долго дело не доходило. Обсуждать было можно действительно долго, ибо что ни год, появлялись новые и новые версии. Вот лишь несколько примеров сообщений о Валленберге, которые в последние годы поступили в российско-шведскую комиссию:

Альберт Холлоши (венгр) в 1981 году сообщил, что находился в контролируемой КГБ психиатрической больнице в Москве, где видел человека в каталке, на которого санитарки указали как на Рауля Валленберга.

Антонас Богданас (латыш) как-то видел Рауля Валленберга в Норильске. Это было между 1945 и 1951 годом. Валленберг прибыл из психиатрической больницы в Казани.

Теодор Дуфвинг (немец) в 1949 году по дороге в Воркуту слышал, что в пересыльном лагере находился шведский дипломат под особой охраной.

Аурел фон Юхен в Воркуте в 1948 году слышал, что там был Валленберг.

Менахем Мельцер видел в 1948 году в Воркуте шведа по имени Рауль.

Ефим Мошинский был вместе с Валленбергом в исправительном лагере на острове Врангеля примерно в 1950 году.

Рудольф фон Шваб встречал Валленберга в особой тюрьме в Верхнеуральске в декабре 1952 года.

Богуслав Бай (поляк) встречал Валленберга летом 1950 года в Братске, откуда обоих транспортировали в бухту Ванино.

И так далее...

Как можно видеть, ряд сообщений исключают друг друга. Но теперь их не игнорировали, посылали запросы. Российская часть комиссии сообщила, что данных о нахождении Валленберга в указанных местах не имеется.

Не бездействовал и беспокойный журналистский мир. То и дело появлялись «сенсации» о Валленберге. Приведу лишь одну цитату из выходящей на русском языке израильской газеты «Время» 1993 года.

"...В 1991 году в небольшой бельгийский городок Хассельт к госпоже Сметс приезжает Наталья Шинкаренко из Киева. Знакомы они давно, их дружба началась тогда, когда Сметс с супругом путешествовала по России и Украине. Наталья была их гидом. Потом она неоднократно пыталась выехать за границу, но все её попытки были безрезультатны. Судьба Шинкаренко заслуживает отдельного рассказа. Дочь украинца и немки, она вышла замуж за еврея. В 1955 году по обвинению в антисоветской деятельности Шинкаренко попала в лагерь номер 5, находившийся в Горьковской области. Однажды вечером из лагеря номер 6 к ним приехал самодеятельный оркестр, состоящий, как было объявлено, из литовцев. Руководил этим коллективом отец Дмитрий, известный впоследствии в Киеве священнослужитель. Наталья обратила внимание на одного из певцов, исполнившего немецкую песню. Ей показался странным его выговор. Она обратилась к отцу Дмитрию за разъяснениями.

— Да не немец он, — махнул рукой святой отец, — а шведский дипломат.

В хоре он значился как Раулис Валленбергис.

...Прошло много лет. Все это время Наталья Шинкаренко никому не рассказывала о странном дипломате, выступавшем в литовском ансамбле. Боялась КГБ, не хотела вспоминать свою лагерную жизнь... Да мало ли что!

1989 году по советскому телевидению выступила сестра Рауля Валленберга — Нина Гуннар. Она показала фотографию своего брата и попросила:

— Помогите, если кто-то видел этого человека!

Наталья Шинкаренко не могла не вспомнить его и сразу позвонила отцу Дмитрию. Его дочь рассказывает, что Наталья приезжала к ним и забрала фотографию, на которой в составе группы музыкантов, одетых в вышитые рубашки, стоял он, Раулис Валленбергис".

Эта фотография пошла гулять по страницам мировой печати, что, увы, не придало ей достоверности. Сводный брат Рауля Ги фон Дарделль увидел в мужчине, стоящем в центре в вышитой рубашке, некое сходство. Пер Ангер сказал, что "он очень напоминает Рауля". Но не более того!

Можно не завидовать комиссии, которой приходилось иметь дело с подобными «свидетельствами». Но где взять иные? Можно понять, что в заключении российской части комиссии содержалось лапидарное и звучащее даже раздраженно суждение: "Появление документов, которые могли бы открыть принципиально новые, неизвестные моменты группе представляется крайне маловероятным". И на этот раз с группой можно согласиться.

Глава 5 ДЕЛО ЗАКРЫТО?

Мертвые остаются молодыми. Когда Рауль Валленберг приехал в Будапешт, ему было 32 года, когда попал на Лубянку — 33, когда был уничтожен — 35. Как свидетельствует Сергей Кондрашев, видевший его за несколько месяцев до гибели, узник Лубянки хорошо выглядел, был бодр и здоров. Таким же его помнят те, кто видел его в будапештские дни: полным энергии, решимости и выдумки. Своим подвигом он вошел в историю XX века, как бы ни хотели обратного его враги — от Эйхмана до Абакумова. Как бы ни резало российский слух сопоставление последних двух имен, в человеческой истории они встанут в один ряд, а благородный защитник евреев, жертв нацизма, Рауль Валленберг окажется на трагическом пересечении интересов столь различных (и в то же время схожих) политических режимов.

"Дело" Рауля Валленберга состоит из двух частей: первая — жизнь, проведенная им в Будапеште, немногие, но полные драматизма месяцы в венгерской столице; вторая — два с лишним года в Москве, точнее — в Лубянской и Лефортовской тюрьмах. Две взаимоисключающие части? В первой из них молодой «среднеевропейец» ведет бесстрашную борьбу за человеческие жизни, против антигуманного нацистского режима и его адептов. Во второй оказывается жертвой социально-политического режима, который по всем законам здравого смысла должен был бы вознаградить Валленберга за будапештский подвиг. Но он не вознаградил, а без суда и следствия казнил шведского дипломата.

Следовательно, «дело» должно было исследоваться по разным аспектам: первая часть его требует восстано-

ления событий в Венгрии (и Европе) конца 1944 года; вторая — реконструировать обстоятельства одного из величайших обманов, которым в течение долгих лет профессионально занималось государство, законным преемником которого стала сегодняшняя Россия. Этим я и занимался, рискнув ныне представить результаты своей работы на общественный суд. Но не хочу представить себя одиночкой или, не дай бог, «первооткрывателем». В изучение "Дела Валенберга" уже давно, с января 1945 года, вовлечены сотни людей: политиков, дипломатов, историков, журналистов, архивистов и иже с ними. Результатами их занятий я не преминул воспользоваться, учитывая, что для российского читателя тема долгие годы была просто закрыта, высказал свои некоторые соображения. Не больше!

К чему же привели все изыскания, длящиеся с 1945 года? Срок немалый, почти полвека, и проводились они как на частном, так и на государственном уровне, что дало миру в конце 2000 — начале 2001 года официальный, весьма важный документ — отчет совместной российско-шведской рабочей группы по выяснению судьбы шведского дипломата Р. Валенберга. Отчет, более того: два отчета. Один отражает мнение российской стороны, другой — шведской. Они значительно отличаются. Не только в деталях, но и в главном результате. Русская сторона считает задачу группы исчерпанной и прекращает работу. Шведская — считает необходимым работу продолжать. Трудно себе представить столь далеко идущее расхождение, что заставляет меня дать слово обоим сторонам.

Российский отчет короче. И его резюме таково:

"Первое. Все косвенные свидетельства подтверждают, что Рауль Валленберг умер или, скорее всего, погиб 17 июля 1947 года.

Практически все прямые улики были в свое время уничтожены. В ходе тщательной поисковой работы были выявлены свидетельства о его задержании и аресте, некоторые аспекты пребывания в тюрьмах тогдашней системы госбезопасности СССР. Более достоверную информацию обнаружить не удалось.

Второе. Ответственность за гибель Рауля Валленберга лежит на тогдашнем высшем государственном руководстве СССР, поскольку никакая другая инстанция в то время не могла распорядиться судьбой шведского дипломата, представителя нейтрального государства, члена "дома Валленбергов", хорошо известного как за рубежом, так и советскому руководству, конкретно Сталину.

Особую вину как «соавторы» этого преступления несут Абакумов исполнитель и ключевая фигура в организации физического устранения Р. Валленберга и сокрытия всех его улик, и Молотов, Вышинский и Деканозов, обеспечивавшие внешнеполитическое прикрытие дела.

Более того, имеются веские основания предполагать, что Молотов знал об аресте и гибели дипломата, а позже, занимая руководящие посты, тормозил процесс раскрытия совершенного преступления.

Третье. Следует констатировать, что советское руководство в целом не проявляло желания идти на откровенный разговор со шведской стороной. Нельзя не признать, что в условиях "холодной войны" недоверие было взаимным. Обеим сторонам пришлось пройти сложный

путь, прежде чем недоверие друг к другу стало уходить в прошлое.

Начало процессу раскрытия преступления положили процессы демократизации в России. В этом — первооснова начавшейся в конце 80-х годов расчистки завалов лжи.

Четвертое. Российская часть совместной российско-шведской группы считает задачу, поставленную перед группой, исчерпанной и представляет руководству Российской Федерации и Швеции итоги своей работы. Мы полагаем, что проделанная работа может представлять интерес для общественности".

Шведское заключение более пространно: весь отчет занимает почти 200 страниц, а его резюме — около 10. Его заключительная часть, названная "Что может последовать за этим отчетом", гласит:

"Многие важные вопросы остаются без ответа и дело Валленберга не может быть закрыто.

В свою очередь это означает, что надо сохранять открытой дверь для новых открытий в архивах или новых данных, которые могут появиться иным способом. Следовательно, надо будет проверить сведения, которые ещё полностью не изучены (смотри список ниже), а также достаточно весомые новые данные. При этом необязательно продолжение деятельности российско-шведской рабочей группы, как таковой. Однако как шведская, так и российская стороны взяли на себя обязательство и впредь изучать важные следы, а также в разумном объеме помогать тем, кто хочет ближе и дополнительно с ними ознакомиться.

Недавно соответствующие шведские государственные архивы рассекретили очень большое количество документов, касающихся Рауля Валленберга. Не должно быть больше засекреченных документов, проливающих дополнительный свет на его судьбу.

С российской стороны следовало сделать доступными все документы, касающиеся Рауля Валленберга в архиве министерства иностранных дел России, включая зашифрованные телеграммы, т. е. не только те, которые были переданы гласности в связи с публикацией данного отчета. Следует сделать доступными для исследователей дела, касающиеся сокамерников Рауля Валленберга (всех тех, кто упомянут в Белой книге 1957 г., а также Гроссхейма-Криско).

Вероятно, можно сделать больше для выявления возможных дополнительных документов из различных архивов (включая архивы Службы внешней разведки). Шведская сторона не удовлетворена отказом СВР в изучении дела Толстого-Кутузова за ограниченный период времени.

Следует попросить правительства других стран рассекретить все архивные материалы, относящиеся к Раулю Валленбергу (по крайней мере документы 40-х и 50-х годов), в той степени, в которой это ещё не сделано. Следует отметить заявления нескольких правительств, в частности Израиля и Канады, о своей готовности оказать нам разнообразную помощь.

Есть также большая надежда, что публикация этого отчета сможет способствовать появлению новых идей и новым находкам, в особенности в российских архивах. К появлению новых данных могут также привести поиски в

архивах других стран, которые необходимо продолжить в России.

Шведская часть рабочей группы выдвигает предложение о том, чтобы шведское правительство создало фонд или выделило особые ассигнования, средства из которых можно было бы предоставить тем исследователям, которые стремятся продолжить исследования, связанные с Раулем Валленбергом, его делами и судьбой. Безусловно, и в будущем кто-то из сотрудников министерства иностранных дел Швеции должен заниматься вопросами, связанными с Валленбергом. Министерство иностранных дел Швеции должно взять на себя обязанность выступать в качестве посредника при направлении российским властям запросов о дополнительных поисках в российских архивах в той степени, когда необходимо официальное заявление".

Отчет далее перечисляет 17 вопросов, на которые, по мнению шведов, предыдущая работа не дала ответа. Они носят различный характер (некоторые из них весьма частные, а некоторые весьма принципиальные ("Почему в 1957 году советская сторона не дала полностью правдивого ответа?").

Сопоставление — точнее, столкновение двух заключений — не неожиданно. Закрывать дело — говорит Москва. Продолжать дело — говорит Стокгольм. Эта противоречивая ситуация была заложена ещё в 1945-м, и, собственно говоря, ответ "продолжать расследование" должен был бы исходить от Москвы. Советское государство было и остается ответчиком в деле Валленберга: оно, и только оно, виновато в незаконном аресте, задержании Валленберга, в расправе с ним по политическим причинам — именно так говорится в заключении Генеральной проку-

ратуры РФ. Оно виновато в его гибели и в том, что в течение многих лет её скрывало от мира, от родных, от Швеции, гражданином которой он являлся. Швеция — не ответчик, а пострадавший, и ежели ответчик наконец повинился, именно он должен быть заинтересован в том, чтобы прояснить дело до мельчайших подробностей. С 1945 до 1957 года СССР, а затем его правопреемница Россия вела себя иначе и своим отказом, кажется, хочет продолжать эту линию поведения.

Увы, об этом можно и должно говорить. Как ведет себя Россия Путина? Александр Яковлев рассказывал, что, когда он докладывал президенту обстоятельства по двум самым кричащим беззакониям советских времен — делах Валленберга и главного маршала авиации Кузнецова и подчеркивал, что это были не рядовые люди и их реабилитация должна произойти в нерядовом порядке, то есть с участием руководителя государства, президент, казалось, согласился. Тогда комиссия Яковлева приняла решение о реабилитации и направила два письма — одно президенту, другое в Генеральную прокуратуру. Когда же стали готовить указы президента, то в администрации Путина вдруг появились возражения и уровень реабилитации был «снижен» — до решения Генпрокуратуры. Оно и последовало. Россия подтвердила, что Валленберг был репрессирован не как какой-то шпион, а по политическим мотивам.

Но да будет позволено сказать, что этого недостаточно. Советская формальная реабилитация совершилась, но Решение отмечает, что "не удалось установить" все обстоятельства дела (причина ареста и т. д.), никаких документов в Москве найти не удалось. Иными словами, бывший КГБ получает отпущение грехов — документов не нашли ни при Хрущеве, ни при Брежневеве, ни при

Горбачеве (когда их начали искать), а теперь — при Путине. Генпрокуратура дала архивам спецслужб отпущение грехов. Было бы логично, если советская сторона согласилась продолжать дело. Но она категорически это делать отказалась.

Жаль. Зная ситуацию, можно сказать, что фактически дело действительно закрывается. Похвальна рекомендация шведской части ныне почившей в бозе комиссии продолжить расследование и рекомендовать всем государствам открыть связанные с Валленбергом архивные материалы (например, открыть архивы спецслужб самой Швеции и все американские "запасники"), хотя все это может лишь выяснить "сопровождающие обстоятельства". Главное — в Москве. А коли она объявляет, что уже все сделано, то чего ожидать в главном: выяснении причин ареста и гибели Валленберга? Приведенные мною новые данные и новые обоснования открывают доселе не рассматривавшийся аспект раскрытия "внутренней тайны" КГБ, но и он остается лишь аспектом.

...На что теперь надеяться? Пессимисты и даже реалисты могут примириться с тем, что дело закрыто. Оптимисты могут возразить: а вы помните, как где-то в 80-х годах (или раньше) с какого-то подлежавшего ремонту стеллажа архива КГБ неожиданно свалился портсигар Валленберга? А вы помните, что после постраничного изучения того же архива появился рапорт Смольцова?

Мне возразят: вы хотите надеяться на чудо? Недаром говорят, что подлинный реалист включает и чудо в круг своих надежд. Будем надеяться, что документы, как и рукописи, не горят. Даже документы сталинской эпохи...

Рауль Валленберг не виновен в том, что, помимо своей воли, попал в жернова истории XX века, где столкновение государственных и идеологических интересов перемалывало судьбы миллионов людей. Сначала Валленбергу повезло: спасая в Будапеште тысячи жертв нацистского геноцида от верной смерти, он доказал, что и один человек может внести свой вклад в дело борьбы с машиной нацистского варварства. Но он потерпел поражение, когда ему в Москве противостояла другая варварская машина — машина сталинского государства. Урок для нас двойной.